

Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Институт российской истории РАН
Институт истории СО РАН
Институт истории и археологии УрО РАН
Коми региональное отделение Российского исторического общества

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

№ 2 (18)

Сыктывкар 2016

ISSN 2304–5922

УДК 314.148

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ. Научный журнал. 2016. № 2 (18).

Основан в 2008 г.

Выходит 2 раза в год

Учредитель – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
Журнал издается под руководством Научного совета РАН
по исторической демографии и исторической географии

Редакционная коллегия

И.Л. Жеребцов (главный редактор, Сыктывкар), В.Б. Жиромская (зам. главного редактора, Москва), В.А. Исупов (зам. главного редактора, Новосибирск), В.В. Фаузер (зам. главного редактора, Сыктывкар), Н.М. Игнатова (отв. секретарь, Сыктывкар), Ю.В. Аргудяева (Владивосток), А.Е. Загребин (Ижевск), Г.Е. Корнилов (Екатеринбург), Е.Ф. Кринко (Ростов-на-Дону), С. Лаллукка (Хельсинки), В.И. Меньковский (Минск), С.А. Прокопенко (Ульяновск), И.А. Разумова (Апатиты), Е.Н. Рожкин (Сыктывкар), Т.С. Садыков (Астана), В.А. Семенов (Сыктывкар), М.С. Черкасова (Вологда), М. Шмигель (Банска-Быстрица)

Редакционно-издательская группа:

Н.М. Игнатова (руководитель, Сыктывкар), Д.В. Вишнякова (Сыктывкар), Н.К. Забоева (Сыктывкар), С.А. Попов (Сыктывкар)

Издание подготовлено при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проекты «Стратегии и практики освоения и заселения Европейской Арктики: локальные и кросскультурные процессы в исторической динамике», «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)», «Финно-угорские народы России в контексте советологии и западной русистики (XX – начало XXI в.)».

© Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2016

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, журнал «Историческая демография».

Тел. (8212)245564 (гл. ред.), факс (8212)245564

Е-mail: zherebtsov@mail. illhkomisc.ru (гл. редактор), ignatova.hist@mail.komisc.ru (отв. секретарь, рук. редакционно-издательской группы)

Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Савельева Э.А. (Сыктывкар). Население Припечорья в эпоху средневековья	4
Леонтьев Е.В. (Минусинск). Естественное движение населения разночинцев г. Иркутска по материалам третьей податной ревизии 1763 года	9
Чагин Г.Н. (Пермь). Коми-язьвинцы, их этническая территория и численность	15
Безносова Н.П. (Сыктывкар). Состав сельского трудоспособного населения Коми АССР по возрасту и полу в годы Великой Отечественной войны (1941–1945).....	17
Сперанский А.В. (Екатеринбург). Печальное эхо войны: людские потери СССР и их последствия	19
Бубличенко В.Н. (Ухта). Демографические факторы во время ликвидации беспризорности в Вологодской области (1945–1955 годы)	22
Дашинамжилов О.Б. (Новосибирск). К вопросу об особенностях демографического развития Сибири и Дальнего Востока в 1965–1989 годах	26
Кузнецова Т.Я. (Новосибирск). Формирование системы образования в северных районах в 1970–1980-е годы (на примере Бурятского участка БАМ)	31

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Садыков Т.С. (Астана). Казахстан и Россия: миграционные тренды в начале XXI века.	36
Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. (Сыктывкар). Миграционные процессы на Российском Севере: историко-социологическое измерение	41
Шишкина М.А. (Сыктывкар). Репродуктивные установки и факторы ограничения рождаемости населения Республики Коми в разные периоды современной демографической истории	46
Тихомирова В.В. (Сыктывкар). Социально-демографические проблемы финансовых инвестиций и государственной поддержки граждан старше трудоспособного возраста северных регионов	52

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДОЛОГИЯ

Сморгунов В.В. (Сыктывкар). Исповедальные ведомости города Усть-Сысольска, как источник по демографии государственных служащих уездного уровня в конце XVIII – первой трети XIX века	56
Каракчиев В.Н. (Сыктывкар). Отчеты и акты обследования волостных исполнительных комитетов как источник по историко-демографическим процессам в Коми Автономной области в 1920-е годы ...	60
Нисковский А.А. (Сыктывкар). «За что судили? – Не знаю, но били жестоко»: женщины в пенитенциарной системе СССР (по воспоминаниям узниц лагерей ГУЛАГа в Коми АССР).....	65

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Тихомиров С.А. (Вологда). По земному кругу Ивана Кускова. Калифорния. Начало XIX столетия	68
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ журнала «Историческая демография»	85

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

УДК 902(=1.470-17)(282.247.11)"653"

Э.А. Савельева*

Население Припечорья в эпоху средневековья

Среди народов, упомянутых в Повести временных лет, представлены печера, югра и самоядь, история которых до настоящего времени остается слабо исследованной. Нет единства мнений по их местоположению, времени их появления на Европейском Северо-Востоке, этнокультурной принадлежности некоторых из них. В статье излагается современное состояние изученности истории населения Припечорья в эпоху средневековья по археологическим источникам.

Ключевые слова: эпоха средневековья, Печора, печера, югра, самоядь, археологический памятник, могильник, поселение, жертвенное место

E.A. Savelyeva

The population of the Pechora area during the Middle Ages

Among the people mentioned in the Story of bygone years, the Pechera, Yugra and Samoyad which history remains till now poorly investigated, are presented. There is no agreement of opinions on their location, time of their occurrence in the European Northeast, ethnocultural belonging of some of them. The current state of knowledge regarding the history of the population of the Pechora area in the Middle Ages according to archaeological sources is given.

Key words: the Middle Ages, Pechora, Pechera, Yugra, Samoyad, archaeological site, burial ground, settlement, sacrificial place

Первые достоверные сведения о народах Европейского Северо-Востока восходят к «Повести временных лет». В ее недатированной части перечислены народы, обитавшие на севере Восточной Европы: Русь, Чюдь, Меря, Мурома, Весь, Заволочская Чудь, Пермь, Печера, Ямь, Угра [1, с. 197]. В записи под 1114 г. появляется название самояди, отсутствующее в предыдущем перечне народов. Судя по этой записи («Еще мужи стари ходили за Югру и за Самоядь»), новгородцам (ладожанам) Печера, Югра и Самоядь были известны ранее 1114 г., что подтверждается еще одним свидетельством, содержащимся в «Повести временных лет» в записи под 1096 г. Новгородский боярин Гюрата Рогович рассказывает, что он «послах отрок свои в Печеру, люди, иже суть дань дающе Новугороду, и пришедщу отроку моему к ним, и оттуду иде в югру, Югра же людье есть язык нем, и седять с Самоядью на полунощных странах» [2, стб. 234, 235].

Среди перечисленных народов Европейского Северо-Востока (пермь, печера, югра, самоядь) до настоящего времени археологически наименее исследованными остаются печера, югра и самоядь. В литературе нет единства мнений по их местоположению, времени появления в рассматриваемом регионе и даже этнической принадлежности некоторых из них, в частности, печеры. Большинство исследователей помещали ее на Печоре: А.П. Смирнов – на верхней, средней и частично нижней [3, с. 227–231], Б.А. Рыбаков – на средней и, возможно, верхней [4, с. 246], Л.П. Лашук – на нижней [5, с. 62–64, рис. 7]. В.И. Канивец, исходя из предположения об этнической близости Печеры и вычегодской Перми, полагал, что она располагалась западнее

* Савельева Элеонора Анатольевна (Сыктывкар) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Уральского хребта, в непосредственном соседстве с вычегодской пермью, в верхнем и среднем Припечорье, а также в восточной части бассейна Вычегды, в раннем средневековье – и на средней Вычегде [6, 10, с. 133]. Летописную югру локализовали в бассейне Мезени, а также на Урале и в Зауралье [3, с. 229–230; 4, с. 246], на верхней Печоре и в Зауралье [5, с. 62–64], самоедь – в нижнем течении Печоры [3, с. 229–230], на Оби и далее к востоку [6, с. 5]. По мнению большинства исследователей, ненцы (самоедь) появляются к западу от Урала в начале II тыс. н.э. К XIV–XVI вв., **ассимилировав аборигенное палеоазиатское население (в том числе или также) «сииртя»**, ненцы заселяют и европейскую часть тундры от северного Урала до Мезени и далее к юго-западу [5, с. 60].

Наиболее загадочным среди названных в «Повести временных лет» народов является печера. Многие исследователи считали, что под печерой скрываются коми-зыряне (В.Т. Татищев, Лерберг, Н.П. Барсов, Е.К. Огородников, С.В. Бахрушин, А.А. Зимин [см.: 5, с. 61]). По мнению В.И. Канивца, печера была близка перми и заметно отличалась от воинственных угров. Он предполагал, что «печера растворилась в “пермском” (коми-зырянском) населении, в течение нескольких веков оседавшем по берегам рек Вычегодского и Печорского края» [6, с. 10]. Известно, что после XVI в., когда коми-зыряне расселяются в бассейне Печоры, «печера» исчезает со страниц письменных источников. Л.П. Лашук относит печеру к досамодийскому палеоазиатскому населению Большеземельской тундры, известному в ненецких преданиях под именем «сииртя» («сиирти»), которое, возможно, испытало угорское влияние. По мнению Л.П. Лашука, оно было ассимилировано пришлыми в начале II тыс. н.э. ненцами [5, с. 40–44].

Многообразие мнений по этнической истории Припечорья в эпоху средневековья в значительной мере объясняется низким уровнем археологической источниковедческой базы. Планомерное археологическое изучение Печорского края началось в конце 50-х гг. прошлого века. В 1959–1960 гг. В.И. Канивец с геологом Б.И. Гуслицером исследовали Канинское и Уньинское пещерные святилища в верховьях Печоры [7, с. 91–99; 6; 8]. В одной из первых статей по древностям Печорского Приуралья В.И. Канивец отмечал, что «весь археологический материал эпохи средневековья носит ясный отпечаток культуры нижнеобских угров (летописной югры)», керамика очень близка оронтурской и кинтусовской [7, с. 98]. Он считал, что средневековая керамика Канинской и Уньинской пещер оставлена, возможно, предками манси [6, с. 118, 119, 132]. Точка зрения об обитании на верхней Печоре манси в эпоху средневековья неоднократно высказывалась в научной литературе [см.: 5, с. 51]. В 1962 г. в процессе археологической разведки в зоне планируемого Усть-Войского водохранилища В.И. Канивцом и В.Е. Лузгиным были открыты памятники, на которых также выявлена керамика, аналогичная нижнеобской [9, с. 82].

В 1964 г. В.Е. Лузгин обследовал урочище Поганный Нос, где в 20-е гг. прошлого столетия были обнаружены три железные двушипные сулицы и массивный бронзовый крючок [10, с. 17]. Итогом проведенного обследования стало открытие у д. Васильевка городища площадью около 4500 кв.м, при зачистке обнажения уступа которого были обнаружены обломок пружинных ножниц, боевой топор, дужка от котла и кресало с бронзовой рукоятью. Особого внимания заслуживает боевой топор, который хранится в Ижемском краеведческом музее. Он был изучен Н.Н. Чесноковой (устное сообщение Н.Н. Чесноковой). На обухе и лезвии выявлены растительные узоры, нанесенные серебряной проволокой, уложенной в протравленные в железе канавки. Аналогичные топоры были распространены на средневековых памятниках XI–XII вв. северной Руси, Прибалтики и Карелии [11, с. 39, рис. XV–2]. А.М. Мурыгин **предположительно определил хронологические рамки городища X–XII вв.** [12, с. 497, 536, рис. 6 – 8-17]. Этнокультурная принадлежность памятника не определена.

В 1967 г. В.И. Канивцом были проведены небольшие раскопки на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте в Большеземельской тундре, открытом геологом Г.А. Черновым в 1947 г. [13, с. 84–88; 14, с. 291–320], в 1969–1971 гг. – на Адакском пещерном святилище, расположенном на р. Уса (правый приток Печоры). В процессе раскопок этих святилищ собран богатейший материал, относящийся к эпохам финальной бронзы – позднего средневековья, который в связи с трагической гибелью исследователя в 1972 г. не был введен исследователем в научный оборот.

Полевые исследования на Печоре возобновились в 1980-е гг. А.М. Мурыгиным было завершено исследование Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места, материалы которого были им опубликованы. Он определил хронологические рамки святилища VI–XIV или XV вв., выделив два культурно-хронологических горизонта, один из которых (VI–X вв.) сопоставил с аборигенным досамодийским населением (печера и сииртя), второй (XI–XIV или XV вв.), предположительно, – с пришлыми самодийскими племенами [15, с. 27–30].

В 1987, 1988 гг. С.М. Плюсниным были открыты и обследованы городища Новый Бор I, II, III, IV, расположенные на нижней Печоре, за полярным кругом, возле поселка Новый Бор Усть-Цилемского района Республики Коми. Они небольших размеров (250–500 кв.м), укреплены валами и рвами. Находки составляют железные шлаки, фрагменты тиглей, наконечники стрел, бронзовые украшения, керамика. Городища опреде-

лены как угорские, функционировавшие в XII–XIII вв. [16, с. 115, 116]. В 2000, 20001 гг. на городищах Новый Бор II, III А.Л. Багиным были проведены небольшие раскопки, а также заложен шурф на городище Новый Бор IV. Кроме того, рядом с городищем Новый Бор III открыто неукрепленное поселение Новый Бор III/3 площадью около 75 тыс. кв.м, на котором исследованы две постройки, одна из которых представляет собой кузнечную мастерскую. В ней обнаружена гончарная древнерусская посуда, а также инвентарь, позволяющий предварительно датировать памятник XIII–XV вв. [17].

Среди средневековых памятников Припечорья исключительный научный интерес представляет Нерицкий могильник X–XI вв., расположенный на средней Печоре, открытый и исследованный Т.В. Истоминой, сопоставляемый с летописной печерой [18, с. 18–20; 19, с. 106–119]. Могильник грунтовый, изучен полностью (вскрыто 29 погребений). Обращает на себя внимание значительное количество предметов вооружения в погребальном инвентаре, богатого комплекса находок, связанных с металлообработкой, а также разнообразных украшений. Керамика малочисленна – три сосуда в погребениях и один фрагмент в межмогильном пространстве. По мнению исследователя, в погребальной обрядности и керамике Нерицкого могильника прослеживаются черты сходства как с вычегодско-пермскими, так и с зауральскими угро-самодийскими памятниками, что объясняется или сохранением культурных традиций смешанного населения Печорского Приуралья эпохи раннего средневековья, или постоянными контактами «носителей разных этнокультурных традиций» [19, с. 119].

По мнению А.М. Мурыгина, летописной печерой, которую он считает досамодийским, палеоазиатским этносом, оставлено Эшмесское пещерное святилище X–XI вв, обнаруженное в 20-е гг. прошлого столетия охотником П.А. Вокуевым на р. Эшмес, притоке Белой Кедвы [10, с. 17]. Проведенные А.М. Мурыгиным раскопки дали чрезвычайно богатые материалы, которые, по мнению исследователя, относятся к остаткам костюма шамана и отличаются от обнаруженных в других святилищах Печорского Приуралья отсутствием керамики, украшений, орудий труда и предметов быта [20, с. 35–42; 21, с. 56–61]. По мнению исследователя, «стилистические особенности многочисленных граффити на серебре, параллели эшмесской деревянной антропоморфной скульптуры уводят нас в мир северных народов – ненцев, северных хантов, нганасан, энцев, селькупов, приенисейских эвенков, то есть народов заполярной и приполярной зоны Евразии» [21, с. 61].

С летописной печерой сопоставляется уникальный комплекс памятников на нижней Печоре в окрестностях древнего г. Пустозерска, исследованный Ясински М.Э. и О.В. Овсянниковым. Один из них, расположенный на берегу р. Гнилка, недалеко от впадения ее в Городецкий шар (приток Большой Печоры), включает остатки городища и святилища. На городище выявлено два слоя: VI–X вв. и XI–XIII вв. По мнению исследователей, в VI–X вв. городище и святилище составляли единый культурный комплекс, оставленный печерой. На городище сохранились остатки деревянно-земляных оборонительных сооружений в виде бревенчатого тына, остатков башен. Оно прекратило свое существование после X в. в связи «с подчинением печорских племен русскому влиянию» [22, с. 77], святилище – после конца XIII в., когда в печорских тундрах исчезла печера и пришли ненецкие племена. Хотя исследователь относит исследованный комплекс к памятникам печеры, однако, оговаривается, что различия между летописной печерой и самодья (пришлым населением) не определены. С печерой исследователи связывают и второй исследованный ими памятник – Ортинское городище, датируемое VI – началом XI в. Оно представляет собой крепость с многорядовой системой укреплений, воротными проемами с напольной стороны, дерево-земляными конструкциями стен, уличной планировкой. Ортинское городище, по мнению исследователя, обнаруживает близость городкам обских угров VII–XIII вв. и представляет собой племенной центр печеры [22, с. 87]. К сожалению, в публикации не представлена керамика, – наиболее хорошо идентифицируемый материал среди других категорий археологических источников.

В.И. Канивец связывал с печерой «чудские ямы», обнаруженные возле с. Аранец на Печоре в 1903 г. известным русским путешественником В.А. Русановым. Состав найденного инвентаря и его местоположение (в чудских ямах) не вызывают сомнений в определении памятника как могильника. В.И. Канивец датирует его XII–XIV вв. и отмечает ближайшие аналогии на памятниках вымской культуры [23, с. 74–80]. Однако следует отметить, что большинство предметов аранецкой коллекции являются привозными из Новгородской земли. К наиболее выразительным среди них относятся полые коньковые подвески (тип XX по Е.А. Рябинину). Первая наиболее близка к подвескам серии 1а, вторая – серии 4 [24, с. 40, 41]. Аналогичные подвески представлены в Лоемском могильнике, датируемом XIII–XIV вв. [25, с. 92–138]. Обломок шаровидного бубенчика с рельефным валиком также относится ко второй половине XIII – концу XIV в. [26, с. 156]. Таким образом, коллекция Аранецкого могильника может быть датирована второй половиной XIII–XIV вв. Как указывалось выше, В.И. Канивец отмечал этническую близость печеры и перми. Исходя из этой посылки, он предполагал восточно-финское (пермское) происхождение аранецкого комплекса, найденного «на территории, с которой связано имя загадочного летописного народа “печера”» [23, с. 79].

И, наконец, совершенно неожиданное открытие было сделано С.М. Плюсниным в 1989 г. На правом берегу р. Ижма, в районе поселка Усть-Ухта обнаружено городище Понъювом, укрепленное с напольной

стороны двумя валами и рвом, на котором выявлены остатки срубного жилища с печами-каменками, а также вещевой инвентарь, позволивший отнести памятник к вымской культуре [27, с. 11–12]. Как показали исследования, памятник представляет собой небольшое мысовое укрепленное поселение, функционировавшее на рубеже XII–XIII, в начале XIII в. Раскопки городища не были продолжены, хотя трудно переоценить научную важность этого открытия. По данным письменных источников, освоение коми-зырянами долины Ижмы происходит в XV–XVI вв. Возможно, прав был С.В. Бахрушин, который писал, что коми-зыряне уже в XI–XII вв. заселяли берега Ижмы [28, с. 3.] Не исключено, что Поньюмовское городище было основано вымичами в период начавшейся древнерусской колонизации региона. Однако имеющихся материалов недостаточно для обоснования этого предположения.

Выделяется группа памятников, в основном святилища, этнокультурная принадлежность которых, в том числе культурных остатков эпохи средневековья, не определена в связи со спецификой материалов культовых памятников или их малочисленностью. Как отмечалось выше, первые раскопки Адакского святилища проводились В.И. Канивцом, его исследование было завершено в 1984–1985 гг. Е.Н. Рябцевой и В.А. Семеновым [29, с. 66–72]. Значительная часть вещевого инвентаря памятника отнесена к эпохе позднего средневековья (XI–XIV вв.), ближайшие аналогии которому отмечены на памятниках вымской культуры. Этнокультурная принадлежность позднесредневекового слоя святилища исследователями не определяется, однако отмечают «сильные пермские этнокультурные связи».

В 1988 г. Т.В. Истоминой был исследован ритуальный комплекс Лек-Ижман II на р. Ижме с каменной вымосткой и остатками деревянных конструкций, датируемый XIII–XIV вв. Основную долю находок составляют остеологические материалы, среди которых преобладают кости пушных животных [30, с. 112–120]. Культурные остатки эпохи средневековья выявлены в скальном святилище Арка. Они были исследованы А.Л. Багиным, который датировал их концом XI или началом XII в. Своеобразие памятника определяется составом фаунистических остатков, среди которых значительный процент составляют кости крупного рогатого скота и свиньи [31, с. 62–68]. Заслуживает внимания обнаруженная Н.Н. Чесноковой возле с. Подчерье Вуктыльского района железная кольчуга, датированная XIII–XIV вв. [32, с. 172–174].

В целом, эпоха средневековья Печорского края остается одним из археологически слабо изученных периодов Европейского Северо-Востока. Выделяются древности, сопоставляемые с уграми, к которым относятся позднесредневековые слои Канинской и Уньинской пещер, ряд поселений на верхней и средней Печоре, городища Новый Бор I–IV на нижней Печоре. Предположительно, с пещерой связывают Нерицкий, Аранецкий могильники, Эшмесское святилище, I слой Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места, а также комплекс, включающий святилище и два городища возле г. Пустозерска на нижней Печоре. С древними самодийцами, предположительно, сопоставляется II слой Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места. Возможно, вымичами основано городище Поньюмов на Ижме.

Обращает на себя внимание тот факт, что на многих памятниках Печорского Приуралья XII–XIV вв. представлены древнерусские изделия, в том числе не только украшения, предметы быта, которые могли быть предметом обмена, но и оружие, воинские доспехи, в частности, железная кольчуга. Особого внимания в этой связи представляет поселение Новый Бор III/3 с гончарной керамикой. Если подтвердится предположение о древнерусской принадлежности поселения, значительно изменятся представления о времени освоения русскими колонистами низовьев Печоры.

Источники и литература

1. Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. 1.
2. Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 1.
3. Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. М., 1952. № 28. 275 с.
4. Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М.: АН СССР, 1963. 346 с.
5. Лащук Л.П. Очерк этнической истории Печорского края (опыт историко-этнографического исследования). Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1958. 200 с.
6. Канивец В.И. Канинская пещера. М.: Наука, 1964. 136 с.
7. Канивец В.И. Археологическое изучение Печорского Приуралья // Второе Уральское археологическое совещание. Итоги и проблемы изучения Урала. Свердловск, 1961. С. 91–99. (БАУ. Вып. 1).
8. Гуслицер Б.И., Канивец В.И. Пещеры Печорского Урала. М.: Л.: Наука, 1965. 134 с.
9. Канивец В.И., Лузгин В.Е. Археологическая разведка на Южно-Печорской равнине. Отчет о работах 1962 г. в зоне затопления Усть-Войского водохранилища. Сыктывкар, 1963. 83 с. (МАЕСВ. Вып. II).
10. Лузгин В.Е. Древние культуры Ижмы. М.: Наука, 1972. 128 с.
11. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Л., 1966.

12. *Мурыгин А.М.* Памятники позднего железного века лесной и тундровой полосы Печорского Приуралья // Археология Республики Коми. М.: ДИК, 1997. С. 478–560.
13. *Чернов Г.А.* Жертвенное место в северной части Большеземельской тундры // КСИИМК. 1951. Вып. XXXIX. С. 84–88.
14. *Чернов Г.А.* Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место в Большеземельской тундре // СА. 1955. Вып. XXIII. С. 291–320.
15. *Мурыгин А.М.* Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место. Сыктывкар, 1984. 52 с. (Научные доклады / КФАН СССР. Вып. 114).
16. *Плюснин С.М.* Городища Нового Бора // Проблемы историко-культурной среды Арктики. Междунар. симпоз.: Тез. докл. Сыктывкар, 1991. С. 115–116.
17. *Багин А.Л.* Отчет о работах Нижнепечорского археологического отряда в 2000 г. // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2001.
18. *Истомина Т.В.* Первый средневековый могильник на средней Печоре // Духовная культура: история и тенденция развития: Тез. докл. Сыктывкар, 1992. Ч. 2. С. 18–20.
19. *Истомина Т.В.* Нерицкий могильник // Проблемы истории России XVIII–XX веков (научные чтения памяти профессора Ю.Д. Марголиса). Сыктывкар, 1997. С. 106–119.
20. *Мурыгин А.М.* Древнее святилище в Эшмесской пещере // Материальная и духовная культура населения Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1987. С. 35–41. (ТИЯЛИ. Вып. 39).
21. *Мурыгин А.М.* Идолопоклонники у Полярного круга // Памятники Отечества. Земля Коми. М., 1996. С. 56–61. (Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. № 36).
22. *Ясинский М.Э., Овсянников О.В.* Пустозерск. Русский город в Арктике. СПб., 2003. 200 с.
23. *Канивец В.И.* Археологические находки путешественника Владимира Русанова // ИФС. Сыктывкар, 1963. С. 74–80.
24. *Рябинин Е.А.* Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // Свод археологических источников – Е1 – 60. Л.: Наука. 1981. 123 с.
25. *Савельева Э.А.* Лоемский могильник (этнокультурная принадлежность) // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железа и средневековья в Северном Приуралье. Сыктывкар, 1995. С. 92–138. (МАЕСВ. Вып. 13).
26. *Седова М.В.* Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 195 с.
27. *Плюснин С.М., Волокитин А.В.* Средневековое городище на Ижме // Родники Пармы. Научно-популярный сборник. Сыктывкар, 1990. С. 11–12.
28. *Бахрушин С.В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVIII вв. Л., 1935. С. 3.
29. *Рябцева Е.Н., Семенов В.А.* Адакское пещерное святилище на реке Усе и проблемы освоения Полярного Урала // КСИА. М.: Наука, 1990. № 200. С. 66–72.
30. *Истомина Т.В.* Средневековый ритуальный комплекс Лек-Ижман II на р. Ижме // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. Сыктывкар, 1998. С. 112–120. (МАЕСВ. Вып. 15).
31. *Багин А.Л.* Скальное святилище Арка в среднем Припечорье // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 2005. С. 47–61. (МАЕСВ. Вып. 17).
32. *Чеснокова Н.Н.* Древнерусский (новгородский?) цилемско-печорский путь в Зауралье по историческим и археологическим источникам // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 167–172.

Сокращения

АО – Археологические открытия
 ВАУ – Вопросы археологии Урала
 ЗОИМК – Записки Общества изучения Коми края
 ИИМК – Институт истории Материальной культуры РАН
 Коми НЦ УрО РАН – Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии
 КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 КФАН – Коми филиал АН СССР
 МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского Северо-Востока
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
 НМРК – Национальный музей Республики Коми
 ПВЛ – Повесть временных лет
 ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
 СА – Советская археология
 ТИЯЛИ – Труды Института языка, литературы и истории

*Е.В. Леонтьев**

Естественное движение населения разночинцев г. Иркутска по материалам третьей податной ревизии 1763 года

В статье по материалам податной ревизии 1763 г. констатируется факт естественной убыли разночинного населения г. Иркутска в период между 1744 и 1763 гг. Анализируя причины депопуляции, автор рассматривает данные о возрастном составе и брачности разночинцев, влияние структуры семьи на динамику их естественного прироста. Итоги работы способствуют выводу о том, что городское население Сибири XVIII в. поддерживало свою численность во многом благодаря жизнедеятельности сложных большесемейных коллективов, потомство которых преобладало среди новых поколений коренных горожан.

Ключевые слова: разночинцы, естественный прирост, податная ревизия, структура, город, служилые люди

Ye.V. Leontyev

Vital statistics of raznochintsy (people of no social rank) in Irkutsk town based on a third poll tax registration in 1763

In the article based on the third poll tax registration in 1763, the fact of the natural loss of the Raznochintsy population in Irkutsk between 1744 and 1763 is stated. Analyzing the causes of depopulation, the author examines the age structure and marriage rate data of raznochintsy, the impact of family structure on the dynamics of their natural growth. The results of this work contribute to the conclusion that the urban population in Siberia in XVIII century maintained its strength due in great measure to the lifelihood of the complex large family households, offspring of which prevailed among the new generations of indigenous townspeople.

Key words: raznochintsy (people of no social rank), natural increase, poll tax registration, structure, town, service people

В середине XVIII в. значительную часть населения Сибири составляли сословно маргинальные элементы, известные в официальных документах под именем «разночинцев». Это была необычайно пестрая в плане занятий и образа жизни категория людей, среди которой встречались земледельцы, промысловики, торговые приказчики, хозяева речных судов, канцеляристы, и др. Одни из них жили в городе, другие – в деревне, большинство платили подушную подать, но некоторые, как отставные солдаты, например, были освобождены от податных обязательств. Ввиду нечеткости административно-правовых определений, отнесение человека к категории разночинцев осуществлялось в основном негативно, методом исключения; так при проведении переписи регистрировали обычно того, кто не состоял на службе и не принадлежал к какому-либо тягловому обществу, сельскому или городскому [1, с. 78]. В сибирских городах и уездах в 1730–1760-е гг. этим двум критериям отвечали, прежде всего, выходцы из служилой среды и ссыльные [1, с. 77; 2, с. 206, 208].

Разночинцы играли важную роль в процессе формирования городского населения Сибири (см., напр.: [3, с. 77]). В 1744–1745 гг. в городах будущих Тобольской и Иркутской губерний на их долю приходилось более ¼ зарегистрированных обывателей (соответственно 5172 и 3187 р.д.) [4, с. 174]. В Иркутске в 1769 г. «разных чинов люди» занимали второе по численности место среди домовладельцев после цеховых, купцов и посадских [5, с. 65]. В Красноярске они вплоть до 1790-х гг. составляли вместе с крестьянами большинство податного населения [2, с. 209].

Таким образом, демография разночинцев, включая такие ее параметры, как брачность, естественное движение, межсословная мобильность, миграция и др., несомненно, заслуживает внимания при изучении и реконструкции социального облика сибирского города первой половины XVIII в. Статья представляет резуль-

* Леонтьев Евгений Викторович (Минусинск) – старший научный сотрудник Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартянова. 662608. г. Минусинск, ул. Ленина 60. eu.leontjew2017@yandex.ru; martianov-muzey@mail.ru.

таты одной из таких работ и рассматривает итоги естественного движения разночинцев г. Иркутска, зафиксированные в период проведения третьей податной ревизии 1763 г.

Главным источником исследования послужила переписная книга ревизии 1763 г. по городу Иркутску, подготовленная к печати служащим Московского архива Министерства Юстиции И.Н. Николаевым [6]. Книга содержит поименный перечень приписанных к городу лиц мужского пола, внесенных в списки предыдущей ревизии, а также родившихся или причисленных после ее проведения с указанием возраста, степени родства (для совместно живущих родственников), причин выбытия тех, кто умер, или сменил свое «сословное состояние». Из женщин в ней записаны только замужние и вдовы, также с указанием возраста, места приписки и сословия родителей. В ходе обработки собранная информация составила персональную базу данных. В нее вошли 2259 разночинцев мужского пола (р.д.м.п.), среди которых 1705 чел. были зафиксированы переписью 1744 г., 348 родились после ее проведения, 206 причислились вместе с детьми в межпереписной период.

Результаты проведенных далее подсчетов показали, что в период с 1744 по 1763 г. численность разночинного населения г. Иркутска сократилась примерно на $\frac{1}{3}$ – с 1705 до 1128 р.д. м.п. (табл. 1). Главной причиной столь значительной убыли являлась отрицательная разница естественного прироста, выраженная в виде почти двукратного превышения числа умерших над числом родившихся. Подчеркнем, что речь идет о ревизских показателях, не включавших рождения и смерти детей в периоды между переписями. Смерть человека в ревизских сказках фиксировалась обычно только, если он был записан там во время проведения предыдущей переписи. А среди вновь рожденных переписчики регистрировали лишь детей, доживших до настоящей ревизии. Занижая абсолютное количество смертей и деторождений, ревизская статистика тем не менее приблизительно верно отражает их разность – естественный прирост населения в истекший межпереписной период [7, с.144]. Среди разночинцев г. Иркутска в 1744–1763 гг. он имел резко отрицательное значение.

Таблица 1

Движение состава разночинцев г. Иркутска: 1744–1763 гг. (ревизские души мужского пола)*

Показатели	Число душ мужского пола
Были приписаны к городу во время проведения ревизии 1744 г.	1705
Родились после второй ревизии	399
Были вновь причислены	155
Умерли после второй ревизии	774
Выбыли по другим причинам (в том числе взяты в рекруты)	357 (98)
Были приписаны к городу на момент ревизии 1763 г.	1128

* Подсчитано по данным: Иркутск. Материалы для истории города XVII–XVIII столетий. М.: Типография М.Н. Лаврова, 1883. С. 58–92.

По этому поводу рассматриваемый источник позволяет сделать ряд интересных наблюдений. Прежде всего обращают на себя внимание данные о возрастном составе разночинцев; в списках ревизии за 1744 г. 483 чел. (28,33%) из их числа показаны в возрасте старше 49 лет (табл. 2). Это значительно больше, чем во всех других группах русского податного населения XVIII–XIX вв. с известными нам возрастными характеристиками [8, с. 21–22; 9, с. 115]. У $\frac{2}{3}$ пожилых людей составители сказок не смогли отметить живущих с ними вместе на одном дворе родственников мужского пола. В последующие годы большинство таких «одинок» стариков (263 из 325) умерли. Их смертность примерно в 1,5 раза увеличивала число смертей, зафиксированных в группе.

Таблица 2

Распределение по возрасту разночинцев г. Иркутска: 1744–1763 гг. (ревизские души мужского пола)*

Возрастные когорты	Ревизия 1744 г.		Ревизия 1763 г.**	
	Абсол. число	%	Абсол. число	%
0 – 14	547	32,08	310	31,12
15 – 49	650	38,12	472	47,39
50 лет и старше	483	28,33	214	21,49
Возраст указан неразборчиво	25	1,47	–	–
Всего:	1705	100,0	996	100,0

* Подсчитано по тем же данным, что и предыдущая таблица.

** Без учета семей, записанных после второй ревизии.

В нашем представлении сибирские казаки XVIII в. – это энергичные, предприимчивые первопроходцы. В течение нескольких поколений они не только несут за Уралом воинскую службу, но и расчищают пашни, заводят деревни, занимаются торговлей и промыслами. Однако, дожив до преклонных лет, огромное множество этих людей, похоже, сталкивались с проблемой бедности. Отсутствие или малочисленность семьи

и мужского потомства, нехватка рабочей силы в дворовом хозяйстве – все это симптомы неблагополучия, свидетельствующие о тяготах служилого быта, и причинах концентрации пожилых людей среди разночинцев. Для сравнения еще несколько цифр: в писцовой книге 1719 г. у крестьян Енисейского уезда на долю одиночек приходилось лишь 6,2% домохозяйств, у посадских и служилых людей г. Енисейска – 23,7% [10, с. 136], у иркутских разночинцев в ревизии 1763 г. – 36,01% (184 из 511); при этом большинство одиночек (115 чел.) находились в возрасте старше 50 лет [6, с. 58–92].

Кроме структурно-возрастного фактора, убыль рассматриваемой категории населения имела и другие причины. На юге Красноярского уезда естественный прирост тяглых людей в период между второй и третьей податными ревизиями составлял около 2,0% в год [2, с. 106]. В уездах Западной Сибири аналогичный показатель в 1769–1779 гг. варьировал, по подсчетам М.М. Громыко и А.Д. Колесникова, в интервале от 1,1 до 2,7% [11, с. 333]. У иркутских разночинцев в 1744–1763 гг. он, даже без учета смертности пожилых «одиночек», являлся по-прежнему отрицательным – -0.72 % [6, с. 58–92].

Предположим, мы имеем дело с иллюзией – ревизия отражает фиктивную убыль населения, возникающую из-за сокрытия разночинцами от переписи вновь рожденных детей. Принимая во внимание их происхождение, разнообразие занятий, отсутствие у многих прочной оседлости, такое предположение выглядит вероятным [12, с. 53]. Сомнение вызывает лишь величина возможного недоучета. К примеру, если допустить, что на самом деле естественный прирост выходцев из служилой среды был таким же, как у жителей других старонаселенных районов Сибири в 1770-е гг., (1,1% в Туринском уезде [11, с. 333], то тогда придется считать, что им удалось утаить от ревизии каждого второго вновь появившегося ребенка мужского пола (не менее 350 детей). К тому же, как будет показано ниже, большинство семей разночинцев демонстрировали при подведении итогов переписи не только низкую рождаемость, но и высокую смертность внесенных уже в налоговые списки мужчин. Так что недоучет «прибылых» душ вряд ли мог решающим образом отразиться на складывании в их среде отрицательного прироста.

Данные ревизий о семейной структуре населения не всегда достоверны и чаще всего нуждаются в подтверждении их аналогичными данными церковных источников. У нас, к сожалению, нет такой возможности, и все же попробуем взглянуть на формирование естественного прироста разночинцев дифференцировано, по группам «ревизских семей» с разным числом душ, так как они были записаны при проведении предыдущей переписи 1744 г. Лица мужского пола, внесенные в книгу последовательно друг за другом с указанием степени их родства (*сын его, брат его* и т.д.), считались здесь членами одного дворохозяйства.

Таблица 3

Движение состава разночинцев г. Иркутска по группам «ревизских семей» с разным числом душ: 1744–1763 гг. (р.д. мужского пола)*

Показатели	«Семьи» с числом ревизских душ				Всего**
	Четыре и более	Три	Одна-две	Пожилые «одиночки»	
Были записаны в ревизию 1744 г.	447	279	654	325	1705
После родились	119	58	167	4	348
Умерли	104	97	281	263	745
Были взяты в рекруты	40	16	28	0	84
Выбыли по другим причинам	96	48	77	7	228
Итого записаны в ревизию 1763 г.	326	176	435	59	996

* Подсчитано по тем же данным, что и предыдущая таблица.

** Без учета семей, записанных после второй ревизии.

Результаты вычислений демонстрируют тесную связь между размерами «ревизской семьи» и ее жизнеспособностью (табл. 3 и 4). Они показывают, что, несмотря на общее сокращение численности своей группы, разночинцы, записанные в 1744 г. вместе с тремя и более родственниками мужского пола, имели в последующие годы положительную динамику прироста. По-видимому, это были в основном представители так называемых «сложных» семей – жившие на одном дворе женатые братья и/или родители с сыновьями. Характерно, что естественный прирост складывался в их среде, несмотря на большие потери от рекрутских наборов; согласно подсчетам, вероятность попасть в рекруты была в таких семьях в 1,5–2 раза выше, чем у лиц, учтенных ревизией в одиночку или с одним-двумя родственниками мужского пола. Настолько же чаще многосемейные разночинцы переходили в другие социальные группы населения. С точки зрения условий воспроизводства, многолюдные и малые по составу «семьи» различались в основном показателями «ревизской» смертности. Процентное количество рожденных и доживших до следующей переписи детей варьировало в них гораздо меньше, чем количество умерших в истекшие годы взрослых людей. Очевидно, при отсутствии семейной

кооперации разделившиеся родственники были экономически уязвимей, хуже противостояли неблагоприятным факторам, что отрицательно сказывалось на движении всей рассматриваемой популяции [13, с. 78].

Таблица 4

Движение состава разночинцев г. Иркутска по группам ревизских «семей» с разным числом душ: 1744–1763 гг., относительные показатели (% в год)*

Показатели	«Семьи» с числом ревизских душ				Всего
	Четыре и более	Три	Одна-две		
Рождаемость	1,96	1,56	1,79	0,11	1,53
Смертность	1,72	2,60	3,01	7,32	3,28
Прирост	0,24	-1,04	-1,22	-7,21	-1,75
Убыль из-за рекрутских наборов	0,66	0,43	0,30	0,00	0,37
Убыль по другим причинам	1,58	1,29	0,82	0,19	1,00

* Подсчитано по тем же данным, что и предыдущая таблица.

Какова была природа этих факторов? Следует ли считать, что основное негативное влияние на демографию разночинцев оказывала резкая смена социального статуса – переход из неподатного в тяглое состояние, или же главную роль здесь играли общие для горожан санитарно-бытовые условия, вызывавшие периодические всплески городской «сверхсмертности» [14, с. 133]?

Таблица 5

Движение состава разночинцев г. Иркутска и посадских людей г. Хлынова по данным третьей податной ревизии 1763–1764 гг. (души мужского пола)*

Показатели	Купечество (посадские люди) г. Хлынова	Разночинцы г. Иркутска, записанные во вторую ревизию	
		Все учтенные	Без «одинок» пожилых людей
Приписанные к городу по второй ревизии	1551	1705	1380
Родились после приписки родителей	638 2,41**	348 1,53**	344 1,80**
Умерли	629 2,37	745 3,28	482 2,52
Естественный прирост	9 0,04	-397 -1,75	-138 -0,72
Были взяты в рекруты	66	84	84
Выбыли по другим причинам	94	228	221
Всего:	1400	996	937

* Подсчитано по тем же данным, что и предыдущие таблицы, а также Вятка. Материалы для истории города XVII–XVIII столетий. М.: Типография М.Н. Лаврова, 1887. С. 188–244, 247–248.

** В знаменателе показан среднегодовой процент прироста – убыли жителей в рассматриваемый период.

Таблица 6

Семейное состояние разночинцев г. Иркутска и посадских людей г. Хлынова по данным третьей податной ревизии 1763–1764 гг. (души мужского пола)*

Группа населения	Семейное состояние	Возрастные когорты		Всего
		15 – 29 лет	30 – 49 лет	
Разночинцы г. Иркутска	Холостые и вдовы	211	59	270
	Женатые	90	98	188
	Всего:	301	157	458
Посадские люди г. Хлынова	Холостые и вдовы	195	37	232
	Женатые	175	297	472
	Всего:	370	334	704

* Подсчитано по тем же данным, что и табл. 4.

Для того чтобы иметь какое-то представление по этому поводу, мы сравнили полученные показатели с аналогичными, рассчитанными для членов посадской общины г. Хлынова (Вятки) [15]. Табл. 5 показывает, что естественное движение посадских людей г. Хлынова в 1744–1763 гг. тоже не давало прироста, балансируя вблизи нулевой отметки. По уровню «ревизской» смертности разница между вятчанами и жителями Иркутска выглядит не слишком большой – соответственно 2,37 и 2,52% в год, если не учитывать среди последних смертность пожилых «одинок». Но разночинцы существенно уступали в показателях рождаемости (1,80 и

2,41%), что могло быть вызвано: а) меньшим числом деторождений в их семьях; б) более высокой смертностью детей; в) сравнительно низкой брачностью, большим числом молодых мужчин и женщин, находящихся вне брака. Из трех названных факторов материалы ревизии непосредственно отражают только состояние последнего.

Как видим из табл. 6, большинство приписанных в 1760-е гг. к Иркутску мужчин-разночинцев репродуктивного возраста (58,95 %) были неженаты. По сравнению с горожанами Хлынова процент холостяков и вдовых являлся здесь очень высоким не только среди людей молодого, но и зрелого возраста. Первое можно было бы объяснить более поздним вступлением в брак, второе, несомненно, свидетельствует о трудностях в создании семьи представителями данной группы. Всего к 1763 г. в браке состояли 188 иркутских разночинцев репродуктивного возраста. На каждого из них, согласно подсчетам, в среднем приходилось 1,66 ребенка мужского пола в возрасте до 15 лет; у посадских людей г. Хлынова аналогичный показатель был 1,16. При этом в последнем случае мы можем сравнить количество учтенных ревизией детей разного пола (табл. 7). Сравнение подтверждает относительную полноту ревизских данных; от года и старше мальчиков и девочек учитывали примерно одинаково, а до года мальчиков лучше, чем девочек. Таким образом, частота деторождений и выживаемость потомства в семьях хлыновских граждан были даже ниже, чем у иркутских разночинцев, а низкая на их фоне рождаемость иркутян обуславливалась меньшим количеством людей, состоящих в браке.

В заключение попробуем взглянуть на особенности движения рассматриваемой группы людей, связанные с ее расселением. Известно, что в XVIII – первой

Таблица 7
Количество детей в возрасте до 15 лет в семьях разночинцев г. Иркутска и посадских людей г. Хлынова. 1763 г.*

Возраст	Разночинцы Иркутска	Посадские люди г. Хлынова	
	Мальчики	Мальчики	Девочки
1	44	96	49
2	30	40	52
3	24	32	31
4	16	31	41
5	22	37	20
6	21	35	34
7	18	39	46
8	28	37	39
9	21	24	36
10	32	35	42
11	8	33	23
12	17	45	51
13	16	28	31
14	15	37	34
Всего:	312	549	529

* Подсчитано по тем же данным, что и табл. 4.

половине XIX в. место регистрации (приписки) тяглого человека в фискальных документах часто не совпадало с местом его фактического проживания [16]. Поэтому среди относящихся к ведомству г. Иркутска разночинцев встречались не только жители города, но и те, кто жил за его пределами. Не имея прямых указаний по этому поводу, мы выделили в персоналиях иркутских разночинцев две группы семей. Первую составили семьи, образованные исключительно внутри города; в них женами разночинцев являлись в основном потомственные иркутянки, которые и до вступления в брак были приписаны с родителями к г. Иркутску. Во вторую группу вошли семьи, где все мужчины были женаты на крестьянках из деревень и слобод близлежащей округи. Всего в выборках оказалось соответственно 232 и 166 р.д.м.п. [16, 58–92].

Показатели движения обеих групп выглядят в основном одинаково, и все же некоторое расхождение заметно: разночинцы-селяне, связанные с деревенской округой, имели более высокий естественный прирост, чем те, чьи семьи включали потомственных жителей города (табл. 8).

Показатели движения обеих групп выглядят в основном одинаково, и все же некоторое расхождение заметно: разночинцы-селяне, связанные с деревенской округой, имели более высокий естественный прирост, чем те, чьи семьи включали потомственных жителей города (табл. 8).

Таблица 8

Показатели естественного движения населения разночинцев, связанных брачными отношениями с г. Иркутском и сельской округой: 1744–1763 гг. (число душ мужского пола)*

Показатели	Городские семьи	Сельские семьи
Приписанные к городу во вторую ревизию	213	151
Родились после ее проведения	$\frac{100}{2,51}^{**}$	$\frac{73}{2,60}^{**}$
Умерли	$\frac{55}{1,38}$	$\frac{36}{1,28}$
Естественный прирост	$\frac{45}{1,13}$	$\frac{37}{1,32}$
Были взяты в рекруты и выбыли по другим причинам	$\frac{26}{0,65}$	$\frac{22}{0,78}$
Всего по третьей ревизии	232	166

* Подсчитано по тем же данным, что и предыдущие таблицы.

** В знаменателе показан среднегодовой процент прироста – убыли жителей в рассматриваемый период.

Таким образом, в период между второй и третьей податными ревизиями разночинное население г. Иркутска значительно сократилось ввиду естественной убыли. Данное явление в основном было обусловлено структурными особенностями рассматриваемой группы – наличием среди выведенных за штат казаков большого количества холостяков и лиц пожилого возраста. Подсчеты числа детей в семьях показывают, что условия выживания потомства у иркутских разночинцев в середине XVIII в. были, очевидно, лучше, чем в семьях посадских людей города Хлынова (Вятки). Это дает основание говорить о том, что депопуляция обследованной группы иркутян была не связана напрямую с влиянием социально-экономических факторов. Важную роль в демографии города играла семейная структура населения. Пример Иркутска показывает, что коренное городское население Сибири XVIII в. **поддерживало свою численность в основном благодаря жизнедеятельности сложных большесемейных коллективов, дети которых преобладали в составе новых поколений потомственных горожан.** Последний из выводов заслуживает, на наш взгляд, проверки на материале других старожильческих популяций при изучении условий формирования городского населения Сибири в данный период.

Источники и литература

1. Виртшафтер Э.К. Социальные структуры: разночинцы Российской империи. М.: «Логос», 2002. 272 с.
2. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1981. 247 с.
3. Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. 660 с.
4. Кабузан В.М., Троицкий С.М. Численность и состав городского населения Сибири в 40-е – 80-е гг. XVIII в. // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII–XIX вв.). Сб. науч. статей. Новосибирск: Наука, 1968. С. 165–177.
5. Кудрявцев Ф.А., Вендрих Г.А. Иркутск. Очерки из истории города. Иркутск: Восточно-Сибирское изд-во, 1971. 152 с.
6. Иркутск. Материалы для истории города XVII–XVIII столетий. М.: Типография М.Н. Лаврова, 1883.
7. Рянский Л.М. Движение крепостного населения в период кризиса феодализма в России (Опыт количественного анализа по данным Курской губернии) // История СССР. 1991. № 2. С. 142–151.
8. Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере. Конец XVII – начало XVIII вв. М.: Наука, 1976. 221 с.
9. Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII – первая половина XIX в.). М.: Наука, 2000. 261 с.
10. Александров В.А. Русское население Сибири в XVII – начале XVIII вв. (Енисейский край). М.: Наука, 1964. 303 с.
11. Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. Омск: Западно-Сибирское изд-во, 1973. 430 с.
12. Водарский Я.В. Население России в конце XVII – начале XVIII вв. (численность, сословно-классовый состав, размещение). М.: Наука, 1977. 263 с.
13. Мазур Л.Д. Процесс дворообразования на посадских землях. По материалах Генеральных переписей XVII в. Владимира, Суздаля, Шуи, Юрьева-Польского // Российская Академия архитектуры и строительных наук. 2003. № 3. С. 78–81.
14. Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. Т. I: Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 583 с.
15. Вятка. Материалы для истории города XVII–XVIII столетий. М.: Типография М.Н. Лаврова, 1887.
16. Элерт А.Х. Сибирские экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера и проблема точности ревизской статистики // История СССР. 1989. № 6. С. 22–35.

Г.Н. Чагин*

Коми-язьвинцы, их этническая территория и численность

В статье обобщается письменный материал о формировании этнической карты коми-язьвинцев. Читателю легче будет понять, где живут коми-язьвинцы, сколько их насчитывается, если он пожелает познакомиться с ними более основательно.

Ключевые слова: коми-язьвинцы, этническая группа, старообрядцы, Пермь Великая, Чердынский уезд

G.N. Chagin

Komi-Yazva people, their ethnic territory and number

The written material about formation of an ethnic map of the Komi-Yazva people is generalized. It will be easier for a reader to understand, where the Komi-Yazva people live, how many they are, if he gets to know them better through this book.

Key words: Komi-Yazva people, an ethnic group, Old Believers, Great Perm, Cherdynsky district

Коми-язьвинцы являются потомками обособленной коми этнической группы, занимавшей земли в низовьях Колвы, Вишеры и по берегам Камы от впадения в неё р. Пильвы на севере и до р. Яйвы на юге. Эта группа исчезла, ассимилировалась с русским населением, пришедшим в Пермь Великую в конце XV – XVI в. из Северо-Двинского бассейна. Центром становления коми-язьвинцев явилось междуречье Вишеры, Язьвы, Глухой Вильвы и Боровой. Здесь открыто четыре селища, три городища, восемь могильников, найдено восемь кладов IX–XV вв. [Чагин, 2012, с. 7].

Первые письменные известия о поселениях коми-язьвинцев появились в писцовой книге 1579 г. Упоминаются деревни Язьва, Нёмзя и починок Орефин [РГБ, л. 31], которые сохраняются до нашего времени. В 1624 г. существовало 10 населенных пунктов на расстоянии от дер. Язьва, которую следует соотносить с дер. Нижняя Язьва, до починка Орефин. В них насчитывалось 56 дворов. Административно верх-язьвинские поселения входили в состав погоста Губдор Чердынского уезда [РГБ, л. 100–102].

В XVII в. происходит значительное увеличение численности населения на верхней Язьве в основном за счет внутренних ресурсов. В 1678 г. на территории погоста Губдор в 178 дворах проживало 630 чел. мужского пола. Коми-язьвинцам принадлежало 109 дворов [РГБ, л. 468–490]. В переписи 1678 г. в погосте Губдор отмечается вновь образованный «погост, что была деревня нижняя верх Язьва на реке на Язьве» с 13 дворами [РГБ, л. 473]. В XVIII в. этот погост записывается селом **Верх-Язьва и центром вновь образованной волости Чердынского уезда**. В 1678 г. впервые учитывается дер. Антипина с шестью дворами. Владельцы четырех домов имели фамилию «Паршековы», которые «поселились из Арефины деревни» в 1663–1668 гг. [РГБ, л. 478–478об.]. Впоследствии некоторые Паршаковы переселились из дер. Арефиной на берег р. Язьвы и положили начало дер. Паршаковой, существующей в наше время. Впервые дер. Паршакова упоминается в 1681 г. в челобитной крестьянина «Лаврушки Бычина из Бычиной деревни» [Пермская летопись, 1884, с. 520–521].

В XVIII в. продолжалось расселение коми-язьвинцев в верховьях Язьвы при одновременном увеличении их численности. Перемещение населения из ранее обжитых мест обуславливалось двумя факторами: поиском угодий для охоты и земледелия и стремлением крестьян иметь независимые условия для сохранения старообрядческой веры. Старообрядцев, особенно крепких в вере, побуждало к переселению стремление не «обмирщиться и не попасть в сети антихриста».

Старообрядцами стали жители всех деревень и починок, расположенных по р. Язьве выше с. Верх-Язьва. В деревнях Антипина, Ванькова, Пудьва они имели молитвенные дома**. На остальной территории господствующим оставалось официальное православие. В с. Верх-Язьва был сначала деревянный, затем каменный Христорождественский храм. В наше время здесь обустроен дом для молений (часовня) [Чагин, 2012, с. 11–12].

* Чагин Георгий Николаевич (Пермь) – доктор исторических наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет, g-chagin@yandex.ru.

** Первоначальное название старообрядческого согласия – беглопоповцы. Современное официальное название – Русская древлеправославная церковь. Кафедральный Покровский собор в Москве. В д. Ванькова служат в Никольской церкви.

В XVIII–XIX вв. крестьяне-старообрядцы основали на правом берегу Язьвы деревни Суиб (Ванькова), Симанова, Егорова, Ванина, Коновалова, Павловка, Ветлянка, Сёмина, Федотова, Макарова, Панова, Микулина, а на левом берегу деревни: Сысоева, Аксёнова, Абрамова, Нефёдова. В глухой местности, на значительном отдалении от р. Язьва на рубеже XVIII–XIX вв. возникла д. Пудьва, которая быстро превратилась в важнейший центр старообрядчества, окруженный многочисленными скитами, разбросанными по лесам [Чагин, 1997, с. 168–173].

Православное население в своем расселении группировалось вокруг двух центров – с. Верх-Язьва и д. Нижняя Бычина. К волостному центру, с. Верх-Язьва, тяготело 15 поселений, значительная часть которых находилась по р. Шудья – правому притоку Язьвы, поскольку здесь были хорошие угодья для земледелия.

В 1834 г. существовало 20 населенных пунктов. В них проживало 262 семьи, в которых числилось 1720 чел., в том числе 553 чел. старообрядцев [ГАПК, л. 405–626]. В Верх-Язьвинской волости в 1897 г. существовало 54 населенных пункта, в которых насчитывалось 665 дворов и 3803 чел. [Список населенных мест, 1897, с. 9–14].

В первой четверти XX в. коми-язьвинцы селились по хуторам. В целом их возникло около 20, в основном на водоразделах. Во второй половине XX в. каких-либо новых поселений коми-язьвинцы не создали. Но известно, что их немалое число поселилось в поселках Северный Колчим, Красный Берег, Цепёл, возникших на этнической территории, а также в г. Красновишерске, основанном на рубеже в начале 1930-х гг.

Первая Всесоюзная перепись населения 1926 г. учла в 45 населенных пунктах 836 крестьянских хозяйств, в которых проживало 3792 чел. Все они записаны «пермяками», т.е. под своим древним этнонимом [Населённые пункты, 1928, с. 58–70]. По данным 1949 г., численность достигла 4,7 тыс. чел. В.И. Лыткин, изучавший язык коми-язьвинцев в 1949–1953 гг., насчитал 3,6 тыс. человек, свободно говорящих на родном языке и знающих русский язык. Они составляли примерно 75% всего населения верх-язьвинского куста [Лыткин, 1961, с. 8].

В 2012 г. в Верх-Язьвинском сельском поселении* проживало 2767 чел. Число коренного населения достигает около 2 тыс. чел. Кроме того, живут коми-язьвинцы в г. Красновишерске. В целом в настоящее время наши исследования позволяют определить их общую численность в Красновишерском районе около 5 тыс. чел.**

В наше время коми-язьвинцы продолжают идентифицировать себя как с древней этнической территорией, так и с родным языком. Давно язык коми-язьвинцев подвергся трансформации со стороны русского языка, но он не утратил своего значения, не забыт и востребован народом. Очень значимым событием явилось первое издание коми-язьвинского букваря – еще одного символа народа [Паршакова, 2003].

В современной этнической демографии запечатлен важный показатель. Во время Всероссийской переписи населения 2010 г. 436 чел., жителей верх-язьвинских деревень, впервые записались коми-язьвинцами. Безусловно, это результат оживленного движения последних двух десятилетий по возрождению языка и традиций народа.

Источники и литература

- Государственный архив Пермского края. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2374.
Лыткин В.И. Коми-язьвинский диалект. М., 1961.
Населенные пункты Уральской области. Свердловск, 1928. Т. I: Верхнекамский округ.
Паршакова А.Л. Коми-язьвинский букварь. Пермь, 2003.
Пермская летопись с 1263–1881 г.: четвертый период с 1678–1682 г. / Сост. В. Шишонко. Пермь, 1884.
Российская государственная библиотека. Ф. 256. Д. 308.
Список населенных мест Пермской губернии: Чердынский уезд. Пермь, 1897.
Чагин Г.Н. Пудьвинская лавра // Уральский сборник: история, культура, религия. Екатеринбург, 1997.
Чагин Г. Н. Коми-язьвинцы Пермского края. Пермь, 2012.

* Верх-Язьвинское сельское поселение Красновишерского района образовано 1 января 2006 г. В него вошли территории Антипинского, Бычинского, Верх-Язьвинского, Северо-Колчимского сельских Советов.

** Этот показатель образует численность людей, родившихся и живущих в населенных пунктах верхней Язьвы, а также тех, которые переехали на жительство в г. Красновишерск. Установить среди них численность людей, знающих коми-язьвинский язык, не представляется возможным.

Н.П. Безносова*

Состав сельского трудоспособного населения Коми АССР по возрасту и полу в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)

В статье рассматриваются изменения численности и структуры сельского населения Республики Коми трудоспособного возраста в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Республика Коми, Великая Отечественная война, 1941–1945, сельское население

N.P. Beznosova

Structure of rural able-bodied population of the Komi ASSR on age and sex in days of the Great Patriotic War (1941–1945)

Changes in number and structure of agricultural able-bodied population of the Republic of Komi in days of the Great Patriotic War are considered.

Key words: the Republic of Komi, the Great Patriotic War, 1941–1945, agricultural population

Объявленная с первых дней Великой Отечественной войны массовая мобилизация мужчин в действующую армию внесла значительные изменения в демографическую структуру населения республики. На период войны она лишилась наиболее трудоспособной части мужского населения. Подавляющее большинство населения городов и сёл составляли женщины, а среди мужчин преобладали лица младших (до 17 лет) и старших (50 лет и более) возрастов. Наиболее неблагоприятное положение создалось к началу 1943 г., когда удельный вес женщин увеличился до 63% против 51,4% в 1939 г. Деформация в соотношении полов прослеживается и у горожан, и у жителей села: и тут и там преобладали женщины. Вместе с тем проведённый анализ выявил значительную разницу гендерных структур городского и сельского населения. Диспропорции в городской местности были менее выражены, чем в селе, а к окончанию войны в городских поселениях сформировался близкий к естественному баланс между мужчинами и женщинами [3, л. 94–96].

Совершенно другая ситуация сложилась на селе, где практически все мужчины призывного возраста подлежали мобилизации, что привело к серьёзной деформации структуры населения. Если до войны удельный вес женщин в составе сельского населения составлял 51,6%, то к началу 1943 г. он увеличился до 63,4%. В селе осталось всего 26 тыс. мужчин трудоспособного возраста (16–59 лет), из них работающих, т.е. здоровых и способных к труду, менее половины [3, л. 94–96]. Наибольшая деформация произошла в возрастном диапазоне от 18 до 49 лет, где численность женщин превышала численность мужчин в 4,3 раза – 53,8 тыс. женщин против 12,6 тыс. мужчин [1, л. 18]. Особенно резкие диспропорции сложились среди поколения 1918–1924 гг. рождения: в 1943 г. здесь на каждых 100 мужчин приходилось 540 женщин [4, л. 5–46]. Нарушение в соотношении полов в пользу женщин наблюдалось во всех без исключения сельских районах и во всех возрастных группах. Максимальные диспропорции отмечены в Удорском районе, где численность женщин в возрасте 18–49 лет превышала численность мужчин в 8,4 раза, в Прилузском – в 5,7 раза, в Ижемском – 5,6 раза, минимальные – в Усинском (в 2,3 раза) и Кожвинском (в 2,9 раза) (табл. 1).

Таблица 1

Численность и распределение сельского трудоспособного населения Коми АССР (по данным единовременного отчёта о возрастном-половом составе сельского населения на 1 января 1943 г.), чел.

Административные районы	Мужчины			Женщины		
	14–17 лет	18–49 лет	50 лет и старше	14–17 лет	18–49 лет	50 лет и старше
г. Сыктывкар (Кочпонский и Тентюковский сельсоветы)	180	286	225	201	931	431
Железнодорожный	528	534	854	638	2613	1412
Ижемский	884	808	923	1185	4516	1657

* Безносова Наталья Павловна (Сыктывкар) – научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, nbeznosova@mail.ru.

Окончание табл. 1

Административные районы	Мужчины			Женщины		
	14–17 лет	18–49 лет	50 лет и старше	14–17 лет	18–49 лет	50 лет и старше
Кожвинский	252	478	375	388	1393	656
Корткеросский	360	478	636	509	2387	1074
Летский	550	645	726	706	2952	1324
Прилузский	975	570	1199	1426	3255	2243
Сторожевский	705	640	989	939	3125	1620
Сыктывдинский	958	1308	1435	1146	5198	2670
Сысольский	1259	1776	1733	1630	6732	3190
Троицко-Печорский	292	509	337	382	1806	680
Удорский	495	385	823	620	3243	1458
Усть-Вымский	794	836	897	1023	4020	1799
Усть-Куломский	1537	1647	1572	1983	5621	3289
Усть-Усинский	331	1043	332	471	2378	565
Усть-Цилемский	521	536	671	732	2792	1110
Ухтинский	183	147	192	219	827	275
Всего по сельской местности	10804	12626	13919	14198	53789	25454

Источник: НАРК. Ф. Р.-140. Оп. 2. Д. 1028. Л. 18.

В сельских районах резкий перевес в пользу женщин сохранялся до окончания войны. В начале 1945 г. женщины на селе составляли 64,5%, мужчины – 35,5%. Наиболее глубокий гендерный дисбаланс наблюдался в Удорском (33% мужчин и 67% женщин) и Усть-Куломском (33,5 и 66,5%) районах [1, л. 18]. В Усть-Цилемском районе удельный вес мужчин мобилизационного, он же наиболее активный трудоспособный, возраста (18–49 лет) составлял в конце войны лишь 12,7% от совокупного мужского населения района, Сторожевском – 12,8, Удорском и Ухтинском – 14,4, Ижемском – 14,7, Сысольском – 15,7% [4, л. 5–46]. Среди колхозного крестьянства диспропорции были еще глубже. В 1945 г. мужчин 18–49 лет в колхозах было в 5,3 раза меньше, чем женщин (мужчин – 7068, женщин – 37658) [2, л. 10].

Структура возрастного и полового состава сельского трудоспособного населения республики, сложившаяся на заключительном этапе войны представлена в табл. 2.

Таблица 2

**Численность и распределение сельского трудоспособного населения Коми АССР
в 1944–1945 гг., на начало года, чел.**

Год	Всего в возрасте 16–59 лет, чел.	Из них		Всего в возрасте 16–59 лет, %	Из них	
		Мужчины	Женщины		Мужчины	Женщины
1939*	158759	77768	80991	100,0	49,0	51,0
1944	102482	26152	76330	100,0	25,5	74,5
1945	97601	24049	73552	100,0	24,6	75,4

* В возрасте 15–59 лет.

Таблица составлена и рассчитана по: НАРК. Ф. Р.-140. Оп. 5. Д. 28. Л. 102; Д. 39. Л. 5–46; Ф. 605. Оп. 1. Д. 1222. Л. 65.

Как следует из табл. 2, за годы войны демографическая структура сельского населения Коми подверглась значительной деформации. Прежде всего, это выражалось в огромной диспропорции полов – количественном преобладании женщин. К окончанию войны удельный вес мужчин в деревнях упал до 35,5%. Наибольшему сокращению подверглось мужское население трудоспособного возраста, доля которого в 1944 г. составляла 25,5% от общей численности трудоспособного населения, в 1945 г. снизилась до 24,6%. Численность женщин в возрасте от 16 до 59 лет превышала численность мужчин в 1944 г. в 2,9 раза, в 1945 г. – в 3,1 раза. В возрастной пирамиде трудоспособного населения самым пострадавшим от людских потерь было поколение 1918–1924 годов рождения (те, кому к окончанию войны было от 18 до 24 лет). Максимально высокие потери этого поколения и наиболее глубокий среди всех возрастных групп дисбаланс соотношения численности мужчин и женщин объясняются тем, что мужская часть этой возрастной группы составляла основу воинского контингента в годы Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф. Р. - 140. Оп. 2. Д. 1028.
2. Там же. Оп. 5. Д. 10.
3. Там же. Д. 28.
4. Там же. Д. 39.

*А.В. Сперанский**

Печальное эхо войны: людские потери СССР и их последствия**

В статье дается аргументированная критика политически ангажированных антиисторических публикаций некоторых западных и российских исследователей, касающихся людских потерь Советского Союза в годы Великой Отечественной войны и их последствий.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, людские потери, историография

A.V. Speransky

Sad echoes of war: human losses of the USSR and their consequences

The well-reasoned criticism of politically engaged antihistorical publications of some Western and Russian researchers, concerning human losses of the Soviet Union in days of the Great Patriotic War and their consequences is given.

Key words: the Great Patriotic War, human losses, historiography

События конца XX – начала XXI в., приведшие к распаду Советского Союза и утрате монополии марксизма на единственно верное понимание исторического процесса, внесли определенный позитивный заряд и в осмысление истории Великой Отечественной войны. Ликвидация партийного контроля, государственной цензуры, «архивная революция», возможность подлинно научных контактов с западными историческими школами сделали российских историков более сдержанными и терпимыми к чужой точке зрения.

К сожалению, перемены носят односторонний характер. Политически ангажированные западные историки по-прежнему удерживают позиции, занятые ими еще во времена «холодной войны». Преувеличение собственных успехов и принижение вклада СССР в победу остаются на Западе лейтмотивом как исторических трудов, так и политических действий, связанных с историей Второй мировой войны.

В конце XX – начале XXI в. западная точка зрения, касающаяся итогов Второй мировой войны, получила серьезную поддержку внутри самой российской историографии. Целая группа российских историков, публицистов, писателей, разделяющих либерально-исторические взгляды, практически солидаризировалась с ней. Представители этого направления отказываются называть эту войну «Великой Отечественной», считают СССР, наряду с Германией, главным агрессором, развязавшим Вторую мировую войну, критикуют советских государственных деятелей и военачальников за бездарное руководство страной и армией, отрицают решающий вклад СССР в разгром фашистской Германии.

В современных условиях одной из основных проблем, порождающих споры между «либералами» и представителями традиционной точки зрения, является вопрос людских потерь, понесенных СССР в годы Второй мировой войны, как среди военнослужащих, так и среди мирного населения. Либералы, пользуясь достаточно сомнительными методиками подсчетов, используя публицистические приемы, главным образом на страницах периодических, а не научных изданий, «доводят» общую утрату народонаселения страны до 50 млн., а потери на фронте – до 30 млн. чел. Подобные утверждения, опубликованные в средствах массовой информации, несмотря на отсутствие научной, доказательной базы, становятся достоянием миллионов читателей и формируют в обществе ложные, антиисторические представления.

Между тем подлинно научные исследования свидетельствуют, что эти цифры в угоду политической конъюнктуре чрезмерно завышены и не соответствуют действительности. Отметим, что вопрос о людских потерях СССР в годы Второй мировой войны остро дискутировался еще в конце 1980-х гг. Для разрешения возникших споров была создана специальная комиссия Генерального штаба МО СССР и Отделения истории АН СССР (1989 г.), которая всесторонне изучала материалы Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО). В результате на основе анализа именных списков безвозвратных демографических потерь воен-

* Сперанский Андрей Владимирович (Екатеринбург) – доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН, avspersansky@mail.ru.

** Работа выполнена по Программе фундаментальных исследований УрО РАН «Урал в социальных трансформациях России XX века: специфика и идентичность исторического процесса». № 15-13-6-23. 2015–2017 гг.

нослужащих Красной армии за 1941–1945 гг. (погибших на фронте, пропавших без вести, не вернувшихся из плена, умерших в госпиталях от ран и болезней, скончавшихся в результате несчастных случаев в тылу) общее число погибших солдат и офицеров было определено в 8 668 400 чел.

Конечно, эту цифру нельзя назвать абсолютной. Нужно, очевидно, делать поправку на неточность подсчетов, иногда имевших место в экстремальных условиях боя, на утрату части архивных сведений в послевоенный период. Однако возможные расхождения не могут носить принципиального характера и в целом официально объявленная цифра людских потерь в Красной армии, опубликованная в издании «Гриф секретности снят: потери вооруженных сил СССР...», опубликованном в 1993 г. в Москве под редакцией генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева, является наиболее достоверной [1, с. 131.]. Отметим также, что подсчеты людских потерь Вермахта, сделанные немецкими специалистами, составляют 8 млн. 649 тыс. 500 чел., что ненамного меньше потерь Красной армии. При этом нужно также иметь в виду относительность и этой цифры, включающей в себя лиц только немецкой национальности и не учитывающей людские потери, понесенные союзниками Германии на Восточном фронте [2, с. 10, 11].

К вышесказанному можно добавить любопытный штрих, касающийся военнопленных. В немецком плену (по нашим подсчетам) находилось 4,5 млн. красноармейцев, из них на Родину вернулось 1,8 млн. чел. То есть в неметчине погибло 2,7 млн. наших солдат и офицеров. В советском плену было 4,1 млн. немцев. При всех «ужасах» сталинских лагерей домой вернулось 3,5 млн. чел. То есть в «ледяной русской тюрьме» нашли свое последнее пристанище 600 тыс. солдат и офицеров Вермахта. Нетрудно подсчитать, что если бы советский режим уничтожил в своих лагерях 2,7 млн. немцев, как это сделал фашистский режим Германии с нашими, то соотношение безвозвратных потерь было бы не в его пользу.

Таким образом, официальные цифры безвозвратных потерь с обеих сторон в противовес «либеральным гипотезам» упрямо свидетельствуют, что русские и немцы воевали примерно одинаково. По крайней мере, либеральный тезис о том, что Г.К. Жуков, И.С. Конев, К.К. Рокоссовский и иже с ними воевали и побеждали только числом, буквально «заваливая немецкие траншеи трупами своих солдат», не соответствует действительности [3, с. 8.].

Если говорить об общих потерях народонаселения Советского Союза за весь военный период, то этот вопрос менее изучен, так как объективно гораздо труднее поддается анализу в силу своей объемности. Число потерь, понесенных Советским Союзом в годы Великой Отечественной войны, поначалу оценивалось в 7 млн. чел. – по заявлению Иосифа Сталина, сделанному в 1946 г. Спустя 15 лет новый советский лидер Никита Хрущев назвал цифру в 20 млн. погибших. Леонид Брежнев оперировал цифрой «более 20 млн. чел.», озвученной им в 1965 г. В 1985 г. Михаил Горбачев довел цифру потерь до 27 млн., которая была подтверждена Борисом Ельциным в докладе, посвященном 50-летию Победы над Германией (1995 г.).

По нашему мнению, последняя цифра наиболее реалистична, так как она подтверждается как сравнением количества населения СССР, проживавшего до войны (перепись 1939 г. – 194 млн. чел.) и после войны (перепись 1959 г. – 167 млн. чел), так и этнодемографическим методом расчета людских потерь, разработанным Л.Л. Рыбаковским и примененным им в своих научных исследованиях. В монографии «Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне» ученый категорически опровергает «конъюнктурную арифметику» и обосновывает достоверность официально объявленной цифры в 27 млн. чел. [4].

В этой связи нельзя не отметить интересные исследования В.Н. Земскова. В монографии «Умылись кровью? Ложь и правда о потерях в Великой Отечественной войне» он снижает цифру общих потерь до 16 млн. чел., определяя потери военнослужащих в 11,5 млн. чел., а мирного населения – в 4,5 млн. чел. Несмотря на заметные расхождения с вышеназванными цифрами, в целом это исследование тоже опровергает бездоказательные инсинуации фальсификаторов [5].

Но Великая Отечественная война отразилась не только на непосредственной численности населения СССР. Косвенные потери от войны (не родившиеся люди) оцениваются примерно в 23 млн. чел. Из 27 млн. погибших советских граждан около 20 млн. были мужчинами. Отсюда вытекает и низкая послевоенная рождаемость – многие женщины просто оставались незамужними. В категории граждан от 1924 до 1928 года рождения на 100 женщин приходилось всего лишь порядка 40 мужчин.

Нельзя сбрасывать со счетов и тяжелые условия быта в военное время. Стрессы и недоедание самым серьезным образом отразились на физическом здоровье женщин и их потомства. Люди, рожденные в СССР с 1945 по 1952 г., в среднем были на пять сантиметров ниже и на два килограмма легче людей, родившихся в 1930-е гг. В конечном итоге, демографические проблемы, вызванные Великой Отечественной войной, стали бомбой замедленного действия и для мирного развития страны. Она «взорвалась» в 1970–1980-е гг., когда послевоенное поколение стало основным людским ресурсом и производительной силой страны. Его малочисленность привела к тому, что в этот период ежегодный выход людей на пенсию на 7–8 млн. превышал число вступающих в трудовую деятельность. При экстенсивном развитии советской экономики, нуждавшейся

в постоянном притоке новых рабочих рук, возникший демографический кризис имел катастрофические последствия. Это обусловило развитие стагнационных процессов во всех экономических сферах СССР, привело к резкому падению производства, понижению уровня жизни населения и стало одной из причин краха социалистической идеологии и распада Советского Союза.

Таким образом, массовая гибель людей на фронте и в тылу, в зоне немецкой оккупации, ухудшение здоровья оставшихся в живых, снижение рождаемости, массовые миграции – все это, безусловно, имело место в период трагических событий 1941–1945 гг. и оказало непосредственное негативное влияние как на демографическую, так и на экономическую сферу развития послевоенного общества. Поэтому сегодня, признавая отрицательные последствия войны, надо избегать политических спекуляций на эту тему и, учитывая исторический опыт военного прошлого, строить работу по преодолению печальных демографических результатов на основе серьезных научно обоснованных расчетов.

Источники и литература

1. Гриф секретности снят : потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах : статистическое исследование / Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993. 416 с.
2. Куманев Г.А. Вклад СССР в победу над фашизмом. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. 50 с.
3. Сперанский А.В. Великая Отечественная война в концептуальном осмыслении современной истории: проблемы и дискуссии // Народ. Война. Победа. Город-герой Новороссийск 28–30 мая 2015 г. (К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.). Сборник статей. Пенза: Изд-во ПГУ, 2015. С. 4–12.
4. Рыбаковский Л.Л. Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне. М.: Экон-Информ, 2010. 140 с.
5. Земсков В.Н. Умылись кровью? Ложь и правда о потерях в Великой Отечественной войне / И.И. Ивлев, В.Н. Земсков, Б.К. Кавалерчик, Л.Н. Лопуховский, И.В. Пыхалов. М.: Яуза; Эксмо, 2012. 512 с.

*В.Н. Бубличенко**

Демографические факторы во время ликвидации беспризорности в Вологодской области (1945–1955 годы)

Демографические факторы во время ликвидации беспризорности в Вологодской области (1945 – 1955 гг.). В статье отмечается, что учет демографических факторов при анализе беспризорности на территории Вологодской области в послевоенное десятилетие позволяет сделать вывод об изменении в размещении данной социальной группы подростков. Усложнялась их возрастная дифференциация и степень однородности. Под воздействием социально-экономических процессов структура населения переводилась в новое состояние. Численность беспризорных несовершеннолетних динамично увеличивалась или снижалась в зависимости от материального состояния семьи, состояния школьного и профессионального обучения.

Ключевые слова: Демография, беспризорность, правоохранительные органы, Вологодская область

V.N. Bublichenko

Demographic factors during the elimination of homelessness in the Vologda region (1945–1955)

It is noted that the inclusion of demographic factors in the analysis of homelessness in the territory of the Vologda region in the post-war decade allows to conclude on the change in location of the social group of teenagers. Their age differentiation and uniformity degree became complicated. Under the influence of social and economic processes the population structure was transferred to a new condition. Number of homeless minors dynamically increased or decreased depending on the material condition of a family, condition of school and vocational training.

Key words: demography, homelessness, law enforcement authorities, the Vologda region

Успешное решение советским государством в первое десятилетие после окончания Великой Отечественной войны проблемы ликвидации подростковой беспризорности требовало комплексного подхода. Он обеспечивался использованием ранее накопленного опыта. Тем не менее с учетом социально-демографических изменений возникла необходимость его дальнейшего совершенствования.

Во время отражения фашистской агрессии в советском обществе появилась новая социальная группа беспризорных – сироты в результате войны. Часть из них за совершенные преступления попадала в детские трудовые колонии, другие – изымались с улицы и через приемники-распределители МВД СССР отправлялись в различные государственные учреждения с целью обеспечения их дальнейшей социализации.

Выявленные нами документы, которые содержат сведения о численности сирот в результате войны на территории Вологодской области, позволяют сделать вывод об их преобладании в приемниках-распределителях до 1944 г. Начиная с января следующего года их численность практически сравнивалась с обычными сиротами, которые помещались в такие учреждения [1]. Требования ведомственных документов по движению контингента приемников-распределителей Отдела по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью (ОБДББ) МВД СССР в послевоенное десятилетие учет беспризорных детей из числа сирот в результате войны не предусматривали.

По состоянию на 1946 г. в детских трудовых колониях МВД СССР находилось 963 подростка, которые относились к сиротам в результате войны (8,6% от общего числа осужденных) [2]. Отметим, что в последующие годы такой контингент несовершеннолетних в отчетных документах ОБДББ МВД СССР нами не выявлен. В связи с этим анализ динамики численности сирот в результате войны, которые отбывали наказание в детских трудовых колониях, затруднен. Тем не менее автор считает правомерным рассматривать их наличие, пусть и незначительное, в данных учреждениях на протяжении второй половины 1940-х гг. Возможно,

* **Бубличенко Владимир Николаевич** (Ухта) – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры Ухтинского технического государственного университета, vbublichenko@mail.ru.

такая категория беспризорных подростков учитывалась другим способом и отдельно не выделялась в связи с нежеланием государства обеспечивать им финансовую или материальную поддержку.

В отчетных документах детских приемников-распределителей первоочередным являлся учет численности прибывших и выбывших подростков. Согласно статистике ОБДББ МВД СССР среди них произошло снижение с 204 111 чел. в 1945 г. до 91 762 к 1949 г. (на 55%) числа беспризорных [3]. Обоснованная точка зрения историка А.А. Славко о сложности и противоречивости организации учета таких подростков советскими учреждениями позволяет сделать вывод о значительном снижении беспризорности в Советском Союзе к концу 1940-х гг. [4].

Важно учесть, что изменение ситуации происходило постепенно, и в первые три года после окончания войны наблюдалось увеличение числа беспризорных подростков. Тяжелое материальное положение населения, особенно в неполных семьях, голод 1946–1947 гг. на большей части страны создавали условия для потери детьми связи с родителями. Милицейские протоколы фиксировали их как подростков «из семей, временно впавших в нужду». По сведениям историка М.Р. Зезиной, на начало 1946 г. в детских приемниках-распределителях МВД СССР находилось около 20% таких детей, в отдельных областях складывалась критическая ситуация. Например, в Молотовской и Вологодской областях этот показатель достигал 70%, в Смоленской – приближался к 90% [5].

Увеличение численности несовершеннолетних в приемниках-распределителях страны продолжалось до 1947 г., когда за отчетный период в них поступило 294 506 беспризорных подростков [6]. В основном это были городские жители, в то время как сельские дети составляли 37% [7]. Затем ситуация относительно стабилизировалась. Однако численность задержанных на улице подростков оставалась довольно высокой. С 1948 по 1954 г. в ДПР МВД СССР поступало в среднем 180 060 чел. [8].

В конце 1947 г. отчетный доклад Управления МВД по Вологодской области содержал вывод о росте детской безнадзорности и снижении беспризорности. Тем не менее по сравнению с предшествующим годом такие явления в подростковой среде увеличились на 34% относительно предшествующего года. В связи с получением в области хорошего урожая, проведением денежной реформы и отменой карточной системы размеры детской беспризорности и безнадзорности по Вологодской области в IV квартале 1947 г. резко снизились. За отчетный год в приемники-распределители поступило 856 подростков, среди которых преобладали задержанные охраной железнодорожного транспорта МГБ (477 чел.). Очевидно, в основном это были иногородние несовершеннолетние из соседних областей или совершающие длительные многокилометровые перемещения по стране из удаленных регионов [9].

Движение несовершеннолетних в детских приемниках-распределителях Вологодской области за 1945–1948 гг. приведено в табл. 1.

Таблица 1

Динамика движения несовершеннолетних по детским приемникам-распределителям НКВД–МВД Вологодской области в 1945–1948 гг.

Параметр	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	Итого
Прибыло за год	3236	3521	4804	2530	17931
	1898	Нет свед.	1119	1447	4464
Убыло за год	3317	3389	4644	2786	17882
в том числе:					
Возвращено родителям	1141	1225	2321	909	6 811
Передано в детские дома	759	744	884	825	4 129
Отправлено в ДТВК УНКВД (УМВД)	556	694	175	84	2 082
Устроено в ремесленные училища и школы ФЗО	180	88	542	306	1 269
Трудоустроено	562	139	196	129	1 845
Прочие	119	290	526	533	1537

Примечание. Убыль воспитанников за 1946 г., параметр «прочие», итоговый показатель подсчитаны автором. В знаменателе – число прибывших беспризорных подростков.

Источники: ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 58. Л. 16. Д. 137. Л. 25. Д. 182. Л. 4. Архив УВД ВО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 19. Л. 180, 181. Д. 21. Л. 168. Д. 32. Л. 137.

Из табл. 1 видно, что снижение численности несовершеннолетних в приемниках-распределителях Вологодской области в 1945 г. до 3236 чел. носило временный характер. На протяжении двух последующих лет наблюдалась тенденция к ее увеличению, достигнув в 1947 г. максимального значения. В следующем году численность подростков в таких учреждениях уменьшилась на 53%. Несмотря на снижение, динамика беспризорности среди размещенных в ДПР Вологодской области с 1945 по 1948 г. оставалась в среднем на

уровне 42%. Как и во второй половине 1930-х гг., сохранялась политика, направленная на возврат подростков к родителям. В то же время число отправленных в детдома было достаточно высоким. Сложившееся положение объяснялось трудностями военного и послевоенного периода, когда отсутствовала возможность передачи беспризорных в семью. Трудоустройство на предприятия подростков из приемников-распределителей Вологодской области, преобладающее в 1944–1945 гг., снижалось. С 1947 г. они чаще отправлялись в ремесленные училища и школы ФЗО. Передача изъятых с улицы несовершеннолетних в трудовые воспитательные колонии относительно 1946 г. уменьшилась на 25%.

В первой половине 1950-х гг. численность подростков в приемниках-распределителях Вологодской области постепенно снижалась. Так, если за 1950 г. в них поступило 998 чел. (413 беспризорных), в следующем – 741, то в 1954 г. данный показатель составил 588 несовершеннолетних [10]. Из них более 50% было отправлено родителям, около 15% – в детдома, 2% – в ремесленные училища и школы ФЗО, 6% трудоустроено в промышленность и сельское хозяйство, 8% переданы в трудовые воспитательные колонии [11].

Как свидетельствуют архивные данные, несмотря на то, что основную часть покинувших семью подростков в первой половине 1950-х гг. составляли лица в возрасте старше 14 лет, происходило усложнение возрастной дифференциации среди несовершеннолетних, попадавших в распределительные учреждения Вологодской области. Начиная с 1954 г. под влияние улицы стали попадать дети до семи лет. При этом их численность в первом полугодии 1955 г. увеличилась до 31 чел. По образовательному уровню среди отправленных в начале 1950-х гг. в вологодские распределительные учреждения подростков преобладали школьники 4–7 классов. Однако число дошкольников, неграмотных и учащихся 1–3 классов было значительным (табл. 2).

Составной частью беспризорности несовершеннолетних была их миграция по территории страны. Историки Н.А. Леонова отмечает, что в отечественной историографии «детская миграция рассматривалась в контексте работ, посвященных различным аспектам детства, государственной политики в отношении детского населения, социального обеспечения детей в конкретно исторические этапы», но с учетом масштабов явления требует самостоятельного комплексного исследования [12]. Очевидно, доминантой в нем должен быть региональный компонент, который обеспечит более высокую степень объективности в изучении проблемы.

Таблица 2

Возрастной и образовательный состав несовершеннолетних в детских приемниках-распределителях Вологодской области в 1952 – 1955 гг. (по состоянию на I полугодие)

Параметр	1952 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.	Итого
Всего поступило за отчетный период	358	275	272	228	1133
Возраст:					
– до 7 лет	–	–	27	31	58
– от 7 до 11 лет	33	21	14	19	87
– от 11 до 14 лет	129	98	–	45	272
– от 14 до 16 лет	196	156	106	72	530
– от 16 лет и выше	–	–	57	61	118
Образование:					
– дошкольники	–	–	27	36	63
– неграмотные	8	17	11	3	39
– 1–2 класса	154	–	76	–	230
– 3 класса	51	59	–	48	158
– от 4 классов до 6	145	199	–	124	468
– от 4 до 7 классов	–	–	156	–	156
– 7 классов и выше	–	–	2	17	19

Примечание. Сведения за 1952 г. приведены по состоянию на II полугодие. Все данные приводятся в соответствии с источником.

Источник: Архив МВД ВО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 85. Л. 188. Д. 87. Л. 45. Д. 88. Л. 47. Д. 89. Л. 60.

В контексте исследуемой темы рассмотрим ситуацию с миграцией беспризорных подростков на примере Вологодской области в послевоенное десятилетие. Она занимала обширную территорию Европейского Севера России. Через нее проходили транспортные магистрали, соединяющие центральные районы с Уралом и Сибирью. Активные боевые действия в годы Великой Отечественной войны на территории Вологодской области не велись, но близость бывших фронтовых создавали условия для появления на ней беспризорных подростков. Кроме того, среди них были жители из более отдаленных районов Советского Союза.

Несовершеннолетние задерживались в поездах органами транспортной милиции, после чего доставлялись оперативным вагоном в г. Вологду. Анализ численности подростков, состоящих в ДПР области, бежав-

ших из детдомов и ремесленных училищ в 1945 г., свидетельствует о преобладании среди них иногородних. Местные бегуны составляли около 22% задержанных. Остальные беспризорные прибыли из Ленинградской (60 чел.), Калининской (27 чел.), Свердловской (83 чел.), Томской (40 чел.), Тюменской (30 чел.), Молотовской (88 чел.) и других областей [13].

В первой половине 1950-х гг. отчетные документы ОБДББ по Вологодской области регулярно вели учет беспризорников мигрантов из других районов страны. Географическая принадлежность поступающих подростков была довольно разнообразной. Наиболее часто задерживались выходцы из Архангельской, Ярославской, Ленинградской, Костромской, Кировской областей, Коми АССР, Карело-Финской ССР. Но были среди них представители Белоруссии, Украины, Казахстана.

Численность поступающих в Вологодскую область из других районов страны беспризорников постепенно уменьшалась. Так, если в 1952 г. иногородние среди них составляли 129 чел., в первом полугодии 1953, 1954 гг. их было 96 и 101 чел. соответственно, то к середине 1955 г. среди задержанных беспризорников области мигрантов насчитывалось 59 чел. [14]. Сложившаяся ситуация объяснялась общим снижением подростковой беспризорности к середине 1950-х гг.

В заключение следует отметить, что учет демографических факторов при анализе беспризорности на территории Вологодской области в послевоенное десятилетие позволяет сделать вывод об изменении в размещении данной социальной группы подростков. Усложнялись их возрастная дифференциация и степень однородности. Под воздействием социально-экономических процессов структура населения переводилась в новое состояние. Численность беспризорных несовершеннолетних динамично увеличивалась или снижалась в зависимости от материального состояния семьи, состояния школьного и профессионального обучения. Миграции беспризорников осложняли работу правоохранительных органов и детских закрытых учреждений.

Источники и литература

1. Архив УВД Вологодской области (далее – архив УВД ВО). Ф. 26. Оп. 1. Д. 78. Л. 178. Д. 79. Л. 21.
2. Подсчитано по: ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 17. Л. 4–4об.
3. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 58. Л. 2; Д. 243. Л. 3.
4. Подробнее см.: *Славко А. А.* Детская беспризорность и безнадзорность в России конца 1920-х – начала 1950-х годов. Социальный портрет, причины, формы борьбы: Автореф. ...д-ра истор. наук. Самара, 2011. – URL: <http://www.dissercat.com> (Дата обращения: 13.11. 2015 г.).
5. *Зезина М. Р.* Без семьи. Сироты послевоенной поры // *Родина*. 2001. № 9. С. 82.
6. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 137. Л. 28.
7. *Зезина М. Р.* Указ. соч. С. 83.
8. Подсчитано по: ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 182. Л. 1. Д. 243. Л. 3. Д. 361. Л. 37об. Д. 509. Л. 70. Д. 671. Л. 51.
9. Архив УВД ВО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 37. Л. 220, 221.
10. Там же. Д. 279. Л. 21; Д. 361. Л. 38; Д. 671. Л. 51.
11. *Бубличенко В. Н.* Создание и развитие детских закрытых учреждений НКВД – МВД СССР на Европейском Севере России (1935–1956 гг.). Ухта, 2010. С. 115.
12. *Леонова Н. А.* Детская беспризорность как фактор миграции в историческом контексте 1920–1930-х гг. // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 2. – URL: www.science-education.ru (Дата обращения: 21.11.2015).
13. Архив УВД ВО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 19. Л. 175.
14. Там же. Д. 85. Л. 131; Д. 87. Л. 45; Д. 21. Л. 48; Д. 89. Л. 60–60об.

О.Б. Дашинамжилов*

К вопросу об особенностях демографического развития Сибири и Дальнего Востока в 1965–1989 годах**

В исследовании рассматривается демографическое развитие восточных районов РСФСР в 1965–1989 гг. Дана сравнительная характеристика динамики численности жителей Сибири и Дальнего Востока. Выявлены и проанализированы основные факторы, оказывающие воздействие на рождаемость, смертность и миграцию, дана оценка влиянию государственной социально-экономической политики на процессы народонаселения.

Ключевые слова: население, восточные районы, рождаемость, смертность, миграция, государственная политика

O.B. Dashinamzhilov

On the question about peculiarities of demographic development of Siberia and Far East in 1965–1989-s.

Peculiarities of Eastern districts of the RSFSR in 1965–1989-s demographic development are considered in the research. A comparative characteristic of number dynamics of the inhabitants of Siberia and Far East is offered. The main factors that influence on the birth, mortality and migration are revealed and analyzed; the assessment of the state social economic politics impact on the processes of population is suggested.

Key words: population, Eastern districts, birth rate, mortality, migration, state politics

Тенденции хозяйственного и демографического развития восточных районов всегда были объектом пристального внимания научного и экспертного сообщества, так как экономическая динамика страны в целом во многом определялась успехами или неудачами в освоении местных минеральных, водных и земельных ресурсов. Исследование процессов народонаселения в Сибири и на Дальнем Востоке особенно актуально и востребовано в наши дни, в условиях инвестиционных и технологических ограничений, наложенных на нашу страну, и попыток центральных органов власти в контексте «восточного разворота» реализовать новые стратегические задачи. Успешное осуществление последних требует внимательного изучения предыдущих этапов формирования и развития демографического потенциала зауральских территорий, в том числе специфики воспроизводственных и миграционных процессов, а также государственной социальной и кадровой политики.

В 1965–1989 гг. численность населения Сибири выросла на 4,9 млн. чел., а Дальнего Востока – на 2,6 млн. чел. или на 25,5% и 48,7% (РСФСР – на 16,7%). Этот процесс во многом зависел от темпов индустриального освоения. Интенсивная разработка западносибирских нефтяных и газовых месторождений привлекла в северные районы сотни тысяч рабочих рук. Несколько иное положение сложилось в Восточной Сибири. Несмотря на создание Ангара-Енисейского ТПК отток населения здесь в 1960-е гг. оказался довольно сильным, а масштабы привлечения людских ресурсов на строительство БАМа, КАТЭКа, Саянского ТПК в 1970–1980-е гг. были значительно меньшими в сравнении с ЗСНГК. Однако естественный прирост в расчете на 1000 чел. на востоке Сибири был всегда выше, чем в ее западной части. Именно поэтому, если в Западной Сибири демографический рост в 1965–1989 гг. составил 24,9%, то в Восточной – 26,5%.

Из-за высокой потребности во внешних трудовых ресурсах важнейшим фактором демографического роста Дальнего Востока являлись миграция и, соответственно, государственная политика ее стимулирования. Использовались разнообразные формы материального поощрения переселенцев, в том числе льготы работникам Крайнего Севера и высокая заработная плата. В итоге, численность населения этого экономического района в рассматриваемый период увеличилась почти в полтора раза – на 48,7%.

* Дашинамжилов Одон Борисович (Новосибирск) – кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора историко-демографических исследований Института истории Сибирского отделения РАН, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8; e-mail: Odon@bk.ru

** Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект №14-01-00109.

Теперь переходим к анализу процессов воспроизводства. К большому сожалению, источниковая база не позволит осуществить расчет суммарного коэффициента рождаемости и средней продолжительности жизни по восточным районам. В этой связи нам придется использовать общероссийские статистические сведения и шире применять общие коэффициенты.

В начале 1960-х гг. из-за экономических просчетов центральных государственных органов и ухудшения возрастной структуры населения произошло сокращение общего коэффициента рождаемости, которое продолжалось вплоть до 1968 г. Вместе с тем его показатели в восточных районах страны, благодаря более молодому населению, оставались выше, чем по республике в целом (табл. 1).

Таблица 1

Общий коэффициент рождаемости и смертности в 1965–1989 гг., ‰

Год	РСФСР		Западная Сибирь		Восточная Сибирь		Дальний Восток	
	Рожд.	Смертн.	Рожд.	Смертн.	Рожд.	Смертн.	Рожд.	Смертн.
1965	15,7	7,6	16,3	6,9	18,4	6,7	17,9	6,2
1968	14,1	8,1	14,7	7,5	16,4	7,2	16,8	6,7
1970	14,6	8,7	15,2	8,1	17,5	7,7	17,8	7,2
1972	15,3	9,0	16,8	8,3	18,5	7,6	18,9	7,4
1975	15,7	9,8	17,7	9,2	19,3	8,7	18,9	7,9
1977	15,8	10,2	18,0	9,4	19,7	8,9	19,4	8,1
1980	15,9	11,0	17,9	10,4	19,8	9,7	18,5	8,8
1981	16,0	10,9	18,7	10,0	20,2	9,5	18,8	8,7
1983	17,5	11,1	20,2	10,1	21,4	9,6	19,9	8,8
1985	16,6	11,3	18,4	10,1	20,1	9,6	18,4	8,4
1986	17,2	10,4	18,8	9,0	20,7	8,6	19,2	7,4
1987	17,2	10,5	18,6	9,0	20,6	8,4	19,3	7,3
1988	16,0	10,7	17,0	9,2	19,2	8,7	18	7,6
1989	14,6	10,7	15,3	9,3	17,5	8,9	16,4	7,8

* Рассчитано по: Естественное и механическое движение населения РСФСР. Стат. сб. М., 1967. С. 54, 58, 59; 70, 71; Естественное и механическое движение населения РСФСР. Стат. сб. М., 1970. С. 33, 38, 39, 44, 49, 50; Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1973 году. Стат. сб. М., 1974. С. 10, 11; Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1979 году. Стат. сб. М., 1980. С. 5–8, 34–37, 46–49; Численность, состав и движение населения в РСФСР. М., 1990. С. 8–11, 85, 92–93. 98–99; Ефимкин М.М. Сибирская Россия. Новосибирск, 2009. С. 252.

Итак, в конце 1960-х гг. фертильного возраста начинают достигать многочисленные поколения, появившиеся на свет в конце 1940-х – 1950-е гг. Начинается последовательное до 1977 г. повышение общего коэффициента, после чего наступает его стабилизация. Однако этот рост был вызван только структурно-возрастными факторами. Как показывают общероссийские тенденции, в границах которых шло, в том числе и демографическое развитие восточных районов страны, суммарный коэффициент рождаемости (который не зависит от возрастной структуры населения) в РСФСР в расчете на одну женщину остался почти на одном уровне – 1,972 ребенка в 1969/1970 гг. и 1,967 в 1976/1977 (1965/1966 – 2,215).

С целью повышения числа деторождений в начале 1980-х гг. центральными государственными органами были приняты нормативные акты, призванные преодолеть негативные тенденции в демографической сфере. Еще на XXV съезде КПСС, в 1976 г., в докладе председателя Совета Министров А.Н. Косыгина прозвучало, что в 1980-е гг. государство столкнется с сокращением естественного прироста трудовых ресурсов [1]. В этой связи в январе 1981 г. постановлением Совета Министров СССР поэтапно вводился частично оплачиваемый отпуск по уходу за новорожденным ребенком до достижения им возраста одного года, а по желанию матери продление его до полутора лет без оплаты. На Дальнем Востоке, в Сибири и северных районах страны размеры выплат составляли 50,0 руб. в месяц, а в остальных районах – 35,0 руб. и т.д. [2].

Население отреагировало на законодательные инициативы власти ростом общего коэффициента рождаемости (табл. 1). Заметно увеличилось количество вторых, третьих и выше порядков рождений. Между тем с начала 1980-х гг. репродуктивного возраста достигли малочисленные когорты, появившиеся на свет в 1960-е гг. В результате взаимодействия этих, в сущности, разнонаправлено действующих факторов через несколько лет общий коэффициент вновь стал снижаться. Высокие ожидания населения в начальный период перестроенных процессов способствовали небольшому его росту, но уже в 1988–1989 гг. по мере ухудшения экономического положения начался спад, который с отдельными перерывами растянулся почти на все последующее десятилетие.

Если не брать в расчет деформаций в возрастной структуре, можно увидеть, что суммарный коэффициент все же вырос. Если в 1979/1980 гг. в РСФСР в целом он составлял 1,888 ребенка на одну женщину, то

в 1989 г. – 2,007. Благодаря совершенствованию законодательства о материальной поддержке семей с детьми суммарный коэффициент повысился до 2,083 ребенка в 1983/1984 гг., но своих предельных значений (2,194) он достиг в 1986/1987 гг.

Во второй половине 1960-х гг. и вплоть до конца 1970-х гг. последовательно увеличивался общий коэффициент смертности. В Сибири и на Дальнем Востоке его величина была меньше, чем по республике, благодаря пониженной доле лиц старших возрастов. Среди главных причин роста следует назвать последовательное старение населения, повышение его среднего возраста. Так, в Западной Сибири за 1970–1980 гг. общий коэффициент смертности повысился на 28,4%, в Восточной Сибири – на 26,0%, Дальнем Востоке – на 22,2%. Вместе с тем непосредственно смертность также увеличилась. Анализ данных по республике в целом показывает, что возрастные коэффициенты в 1969/1970 гг. по сравнению с 1964/1965 гг. снизились только у младших и подростковых пятилетних групп (до 15 лет). В старших пятилетних когортах произошел почти повсеместный рост смертности, главным образом, у мужчин, и эта тенденция сохранилась и в последующем десятилетии.

В итоге, постепенно снижалась ожидаемая продолжительность жизни – главный показатель, который применяется для оценки реального уровня смертности. Если в РСФСР для всего населения в целом она в 1965/1966 гг. составляла 69,50 лет, в 1969/1970 гг. – 68,81, в 1974/1975 гг. – 68,60, то в 1978/1979 гг. – 67,72 года [3].

Если взять и сравнить смертность по причинам смерти в РСФСР за 1970 и в 1980 гг., выяснится, что количество летальных исходов в расчете на 100 тыс. чел. снизилось только от инфекционных и паразитарных болезней, с которыми советская медицина в послевоенное время научилась эффективно бороться. Существенно выросла смертность от тех причин, которые характерны уже для современного общества. Так, например, если в 1970 г. смертность от новообразований составила 155,6 на каждые 100 тыс. чел., то в 1980 г. – 170,4, от болезней кровообращения – 363,9 и 511,9. Несколько повысилась также смертность от болезней органов дыхания и пищеварения, а также от несчастных случаев, отравлений и травм.

Анализ данных за 1980 г. выявил наличие определенной специфики восточных районов в причинах смерти населения. Однако показатели, рассчитанные на 100 тыс. чел., дают все-таки лишь некоторое обобщенное представление, так как совершенно не учитывают отличий в возрастных характеристиках. Так, смертность от инфекционных и паразитарных заболеваний в Сибири и на Дальнем Востоке была несколько выше, чем по республике в целом и заметно ниже – от новообразований и болезней органов кровообращения, видимо, из-за более молодой возрастной структуры. Разница в смертности от заболеваний органов дыхания и пищеварения была в целом минимальной. Высокая дифференциация наблюдалась в смертности от несчастных случаев, отравлений и травм, которая в восточных районах была больше как минимум на четверть.

В 1985 г. центральными государственными органами был принят пакет мер по искоренению алкоголизма – явления, ставшего особенно заметными в 1970–1980-е гг. [4]. Общий коэффициент смертности снизился уже в 1985 г., достигнув минимальных значений в 1986–1987 гг., а затем вновь стал расти, хотя в 1989 г. был по-прежнему ниже, чем в начале десятилетия. Что касается средней продолжительности жизни, то в РСФСР в 1986/1987 гг. она достигла максимальных значений за всю историю – 70,13 лет, хотя затем вновь снизилась (1989 г. – 69,57 лет). На новые начинания власти отреагировали все причины смертельных исходов, кроме новообразований. За 1985–1988 гг. смертность от болезней системы кровообращения в Сибири и на Дальнем Востоке сократилась на 4,8%, органов пищеварения – на 12,4%, органов дыхания и несчастных случаев, отравлений и травм – на четверть, инфекционных и паразитарных заболеваний – на 29,8%.

Наряду с процессами воспроизводства важнейшую роль в демографической жизни Сибири и Дальнего Востока играла миграция. На формирование миграционных потоков влияли природно-климатический фактор, уровень развития социально-бытовой сферы, обеспеченность жильем, продуктами питания и услугами. По большинству из этих параметров восточные районы проигрывали центрально-европейским регионам СССР. В таких условиях массовый приток населения, особенно в первой половине XX в., зачастую становился следствием ухудшения социально-экономического положения в районах выхода или возникновения на их территории военных действий.

Именно поэтому в рассматриваемый период государственная политика стала ключевым фактором, влияющим на формирование миграционных потоков. Стимулирование пространственных перемещений происходило путем строительства на востоке страны крупных предприятий или территориально-производственных комплексов, введения разнообразных льгот для районов Крайнего Севера и повышенных коэффициентов к заработной плате.

В хрущевский период в правительственных кругах превалировала точка зрения, согласно которой надбавки к заработной плате и другие льготы в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к ним, были оправданы только на начальном этапе освоения. По мере становления промышленности, улучшения

материально-бытовых и культурных условий сохранение льгот и надбавок в прежних объемах могло привести к определенным излишества. Необходимость их сохранения в целом не отрицалась, однако определенная корректировка в сторону их снижения все же произошла.

Во второй половине 1960-х гг. отток населения из Сибири заметно усилился, тогда как на Дальнем Востоке было отмечено положительное сальдо (табл. 2). В Восточной Сибири объемы потерь в абсолютном и относительном выражении были меньше, чем в Западной, благодаря строительству гидроэлектростанций Анагро-Енисейского каскада и других промышленных предприятий. В Западной Сибири формирование ЗСНГК только началось, его влияние на демографическую ситуацию было еще невысоким.

Таблица 2

Сальдо миграции населения Сибири и Дальнего Востока, тыс. чел.

Регион	1966–1970 гг.	1971–1975 гг.	1976–1980 гг.	1981–1985 гг.	1986–1989 гг.	1966–1989 гг.
Сибирь, в т.ч.	-595,2	-119,1	+165,9	+559,7	+222,2	+233,5
Западная	-425,0	-88,8	+153,8	+516,8	+241,3	+398,1
Восточная	-170,2	-30,3	+12,1	+42,9	-19,1	-164,6
Дальний Восток	+133,5	+234,7	+187,2	+203,5	+91,7	+850,6

* Рассчитано по: Малинин Е.Л., Ушаков А.К. *Население Сибири*. М., 1976. С. 42; *Трудовые ресурсы востока РСФСР*. М., 1982. С. 6; *Территориальные проблемы труда и народного благосостояния*. М., 1981. С. 139; ЦГА РСФСР. Ф. 374. Оп. 34. Д. 18. Л. 225–226; Ефимкин М.М. *Социальное развитие рабочего класса Сибири*. С. 66.

Необходимость сохранения и пополнения кадрового потенциала востока страны на центральном государственном уровне хорошо осознавалась. Уже на XXIII съезде КПСС, в 1966 г., было указано, что политика в области заработной платы должна полнее учитывать природно-климатические условия, уровень хозяйственного освоения районов и существующие розничные цены [5]. В этой связи постановлением союзного правительства с первого января 1968 г. введен районный коэффициент (*1,2) к заработной плате рабочих и служащих различных отраслей народного хозяйства Дальнего Востока, Читинской области, Республики Бурятия, где он еще не был установлен [6].

С первого октября 1969 г. подобный коэффициент (*1,2) был утвержден на территории Красноярского края и Иркутской области. Также указом Президиума Верховного Совета СССР в сентябре 1967 г. были расширены льготы для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. К этому следует добавить и то, что в июле 1967 г. Совет Министров СССР принял специальное постановление о развитии производительных сил Дальневосточного экономического района и Читинской области.

В результате принятых мер в первой половине 1970-х гг. убыль населения из Восточной Сибири существенно сократилась. Из Западной Сибири на рубеже 1960–1970-х гг. отток населения не ослабевал, особенно в центрально-европейские районы страны, Украину, республики Средней Азии. Изменения произошли после того, как союзным правительством в западносибирских регионах с первого января 1972 г. были введены районные коэффициенты к зарплате (*1,15), а в Томской области (без г. Томск) – 1,2. В итоге отрицательное сальдо Западной Сибири за 1971–1973 гг. снизилось в пять раз.

На Дальний Восток, где по-прежнему ощущалась нехватка трудовых ресурсов, приток мигрантов был значительным. Следует сказать, что среднемесячная заработная плата в этом экономическом районе достигла в 1975 г. – 227,0 руб., тогда как в РСФСР – 149,0 руб. (в Западной Сибири – 167,0 руб., в Восточной – 177,0 руб.) и продолжала оставаться самой высокой в республике до конца рассматриваемого периода.

Во второй половине 1970-х гг. в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке начинается строительство БАМа – железной дороги протяженностью 3145 км. Специально для ее строителей был установлен районный коэффициент к заработной плате равный 1,7, также на них стали распространяться льготы, принятые для местностей, приравненных к районам Крайнего Севера. Активизировались работы по разработке углей Канско-Ачинского угольного бассейна и сооружению на их основе мощных тепловых электростанций.

В Западной Сибири выросла добыча нефти и газа. Северные районы Тюменской и Томской областей приобрели «решающее значение для экономики страны». Согласно Основным направлениям развития народного хозяйства СССР на 1976–1980 гг. в Западной Сибири предполагалось довести уровень добычи нефти к 1980 г. до 300–310 млн. тонн, газа – до 125–155 млрд. куб. м.

Механический прирост населения как Восточной, так и Западной Сибири в 1976–1980 гг. становится уже положительным. Дальний Восток по-прежнему оставался притягательным для мигрантов, хотя объемы притока колебались по пятилетиям. В первой половине 1980-х гг. положительное сальдо регионов Сибири достигает максимальных значений (табл. 2). В Восточной Сибири развивались Канско-Ачинский и Саянский территориально-производственные комплексы, продолжалось сооружение БАМа. На Дальнем Востоке,

кроме БАМа, набирало обороты строительство Южно-Якутского ТПК, где общий объем промышленного производства за 1980–1985 гг. вырос в два раза.

Перестройка общественно-политического и хозяйственного уклада после 1985 г. не смогла разрешить накопившихся проблем в народнохозяйственном комплексе страны. Стимулирование экономического роста за счет отдельных рыночных элементов даже усугубило текущее положение. Чрезмерно быстрая демократизация, реформа государственного управления и передача властных полномочий от партийных органов советским ускорили кризис командно-административной системы, активизировали центробежные процессы в СССР и снизили авторитет коммунистической партии. Несмотря на то, что в восточных районах темпы роста промышленного производства снизились, хотя и оставались несколько выше, чем в РСФСР в целом, объемы притока мигрантов стали сокращаться. Из Восточной Сибири, начиная с 1988 г., начался отток населения, из Дальнего Востока – с 1989 г.

Итак, динамика демографического развития восточных районов в 1965–1989-е гг. имела свои особенности. Сравнительно стабильная внутри- и внешнеполитическая обстановка и устойчивый характер подъема социального и экономического потенциала страны в этот период благоприятно повлияли на процессы народонаселения. Политика государства, направленная на улучшение материального благосостояния народа и меры стимулирования рождаемости привели к тому, что снижение естественного прироста приняло замедленный характер. Специфика восточных районов заключалась в их ускоренном промышленном развитии и особом подходе центральных государственных органов к оплате труда. Формирование территориально-производственных комплексов стимулировало приток мигрантов извне, что наряду с высоким по сравнению с РСФСР в целом естественным приростом обеспечило ускоренные темпы повышения численности населения.

Источники и литература

1. XXV съезд коммунистической партии Советского Союза. 24 февраля – 5 марта 1976 г. Стенограф. отчет. М., 1976. Т. 2. С. 20.
2. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1987. Т. 14: 1981–1984. С. 21–29.
3. Демографический ежегодник России. Стат. сб. М., 1997. С. 101.
4. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1987. Т. 15: 1985–1988. С. 26.
5. XXIII съезд коммунистической партии Советского Союза. 29 марта – 8 апреля 1966 г. Стенограф. отчет. М., 1966. Т. 2. С. 47.
6. Свод законов СССР. М., 1984. Т. 2. С. 284.

Я.А. Кузнецова*

Формирование системы образования в северных районах в 1970–1980-е годы (на примере Бурятского участка БАМ)

В статье представлена историческая реконструкция процесса формирования образовательной системы в северных районах республики Бурятия в 1970–1980-е гг. Этот период в республике характеризуется началом интенсивного промышленного и транспортного освоения и строительства Бурятского участка БАМ. В статье показаны основные демографические тенденции и их влияние на формирование одной из важнейших сфер социально-демографической инфраструктуры региона – системы образования. Проанализированы характеристики основных уровней образования, а также их специфика для районов пионерного освоения.

Ключевые слова: Бурятия, БАМ, система образования, северные районы, миграции, рождаемость

Ya.A. Kuznetsova

The formation of the educational system in northern areas of the Buryat section of the Baikal-Amur railroad in 1970 – 1980-s

The article presents the historical reconstruction of the formation of educational system in the northern areas of the republic of Buryatia in 1970–1980-ies. This period is characterized by the beginning of intensive industrial and transport development and construction in the republic the Buryat section of the Baikal-Amur railroad. The article shows the main demographic trends and its influence on the formation in education system – the one of the most important sphere of the social and demographic infrastructure in the region. The article analyses the characteristics of the basic levels of education, and their specific in the areas of pioneer development.

Key words: Burytia, Baikal-Amur railroad, educational system, nothern areas, migration, natality

Новый этап в развитии системы школьного образования, ее модернизации и строительства новых учебных учреждений правительство обещает начать уже в 2016 г. Такая потребность вызвана демографическими тенденциями в стране. Уже в 2015 г., подчеркнул премьер-министр Д. Медведев, количество первоклассников на 145 тыс. больше, чем годом ранее, а через 10 лет общее число школьников вырастет на 3,5 миллиона.

Формирование и развитие системы образования в северных районах является в настоящее время одной из актуальных проблем. Как отмечают многие журналисты, сегодня чаще строятся церкви, чем детские сады и школы. Несмотря на геополитическую, экономическую важность арктических территорий страны, их социально-демографическая сфера во многом отстает от развития центральных регионов России, в том числе система образования. В целом современная система дошкольного, среднего и профессионального образования на Севере стала формироваться в период интенсивного промышленного и транспортного освоения.

Рассмотрим создание системы образования на примере северных районов одного из крупных многонациональных регионов Восточной Сибири – республики Бурятия. Это – Северобайкальский, Северомуйский, Курумканский, Баунтовский районы. На сегодняшний день это самые неблагополучные в социально-экономическом развитии районы республики. Миграционный отток, плохое состояние здоровья населения, сопряженное с проблемой качества и доступности социальных услуг, неразвитость сферы профессионального образования, высокий уровень бедности как следствие безработицы и низкой заработной платы – далеко не полный список проблем северных территорий. При этом в 1970–1980 гг. эти районы отличались интенсивным уровнем экономического и социально-демографического развития. Это было, в первую очередь, связано с реализацией одного из самых крупномасштабных проектов XX в. – строительством БАМ, в том числе Бурятского участка БАМ, который проходил через северные районы республики и являлся одним из наиболее труднодоступных и технически сложных участков.

* Кузнецова Яна Александровна (Новосибирск) – кандидат исторических наук, сектор историко-демографических исследований, Институт истории СО РАН, scriptor@history.nsc.ru.

Изначально проект строительства не предусматривал возможности появления в зоне стройки детей. Однако уже в первые годы строители начали перевозить свои семьи. Кроме того, по мере формирования коллективов строителей, в которых преобладала молодежь фертильных возрастов и развития населенных пунктов, создания в них важнейших объектов инфраструктуры доля естественного прироста в общем приросте населения стали стремительно расти. Так, в 1979 г. доля естественного прироста в районах составила 7,3%, в 1985 г. – 11,4%, а в 1989 г. – уже 21,1%. В среднем естественный прирост занимал 30–45% [1].

В конце 1980-х гг. показатель рождаемости начал снижаться, что объяснялось общим оттоком населения из региона, в связи с окончанием строительства и перестроечными процессами в стране. Тем не менее в абсолютном измерении рождаемость продолжала увеличиваться. По числу родившихся Северобайкальский район на протяжении всего рассматриваемого периода занимал одно из лидирующих мест в республике, а в 1980-е гг. превышал среднереспубликанские показатели.

Ведущую позицию в структуре естественного движения населения на протяжении всего рассматриваемого периода занимал построенный строителями г. Северобайкальск. В начале 1980-х гг. он вошел в пятерку городов с самыми высокими показателями рождаемости по РСФСР. Такое лидерство достигалось благодаря удобному географическому расположению города, концентрацией наибольшего количества строительных организаций и относительно более развитой социальной инфраструктурой. Второе и третье место занимали поселки Новый Уоян и Северомуйск. С середины 1980-х гг. к ним примыкает Таксимо. Таким образом, интенсивные миграции семей строителей и нарастающий темп естественного прироста в районах нового освоения привели к необходимости создания сети детских образовательных учреждений.

Детские сады и ясли стали формироваться как по линии районного отдела образования, так и строительными организациями. На Бурятском участке в период 1975–1980 гг. было построено 27 детсадов, которые охватили 45–50% детей дошкольного возраста. Практически все дошкольные учреждения вмещали на $\frac{1}{5}$ больше нормы детей. Например, в г. Северобайкальск детсад на 360 мест посещало 420 чел. [2]. К 1981 г. по г. Северобайкальску были введены два корпуса детсада СМП-607, три корпуса детсада СМП-651 [2]. В 1985 г. закончено строительство двух дошкольных учреждений на 280 мест в Нижнеангарске и Куморе. Необходимо отметить, что все ведомственные сады сооружались из бруса и сборных щитов во временном исполнении.

В 1980 г. было организовано Северобайкальское отделение БАМ ЖД, при котором был учрежден Сектор школ и дошкольных учреждений. Началось создание сети школ и детсадов по линии Министерства путей сообщения. Согласно приказу Сектора № 79 от 02.07.1984 г. был образован детсад на 280 мест в Северобайкальске. Со 2 марта 1987 г. на станции Уоян был открыт детский сад с 12-часовым пребыванием детей. В 1987 г. сдан детсад на 90 мест в Кичере. В феврале 1989 г. введены еще детские сады на 140 мест в Кичере, на 90 мест в Северобайкальске, на 280 мест в Таксимо. Всего в дошкольном образовании было занято 394 педагога [2].

Данные меры позволили к концу 1980-х гг. охватить детсадами около 60% дошкольников. В 1989 г. только по г. Северобайкальску остались неудовлетворенными 880 заявлений родителей. Около 2150 детей были не устроены в детские сады, а ежегодная рождаемость в городе составляла около 700 чел. Не менее напряженной была ситуация в других крупных северных поселках трассы. Например, в Таксимо обеспеченность детсадами составила 790 мест на 2,5 тыс. чел. [2]. Большинство дошкольных учреждений были ведомственными. С середины 1980-х гг. в связи с переходом строительных организаций на хозрасчет сократилось выделение мест в детсадах для работников бюджетных организаций. В течение 1990-х гг. МПС передал все подведомственные учреждения на баланс местного бюджета, в результате большая их часть была закрыта.

Необходимо отметить, что в целом по республике ситуация была похожей. Обеспеченность детей местами в дошкольных учреждениях по Бурятии в 1971 г. составила 40%, к 1989 г. она возросла и достигла показателя 69,4% [3]. Бурятия отставала по уровню обеспеченности дошкольными учреждениями от многих областей России и Сибири. Следует также подчеркнуть, что планы по вводу в действие учреждений выполнялись в среднем на 60–70%. Из-за низких темпов строительства дошкольных учреждений в 1970–1980 гг. усилилась тенденция прогрессирующего отставания республики от других регионов по этому показателю. Так, в 1970 г. Бурятия занимала 12-е место среди административных районов Сибири и Дальнего Востока по уровню обеспеченности детей местами в дошкольных учреждениях, а в 1985 г. она оказалась на 16-м месте [3].

Одновременно шел процесс создания учреждений среднего образования. Накануне строительства БАМа в Северобайкальском районе функционировало 10 школ, в том числе три средние, две восьмилетние и пять начальных. С прибытием первых строителей и их семей на мыс Курлы и в п. Уоян возникла необходимость в модернизации старых и строительстве новых школ. В связи с этим часть начальных школ северных районов была преобразована в средние.

Материальная база школьного образования в этот период значительно укрепилась. За каждым классом бамовских школ были закреплены шефы, оказывавшие материальную помощь. Например, Северобайкальская средняя школа была перенесена в новое построенное типовое здание на 400 учебных мест. А вследствие

интенсивного притока населения в конце 1970-х гг. в г. Северобайкальске была образована еще одна средняя школа. В 1976 г. были открыты средние школы в поселках тоннельщиков Гоуджеките и Тоннельном. Последняя принимала также детей из п. Северомуйска, которых в течение года возили на учебу на рабочем грузовом транспорте. В п. Новом Уояне была построена средняя школа на 320 учебных мест [4]. Кроме этого, для детей строителей БАМа были открыты интернаты в Северобайкальске, Новом Уояне и Северомуйске, в которых содержалось на полном государственном обеспечении 486 детей [2].

Таким образом, к концу 1970-х гг. районная школьная сеть насчитывала 16 школ. Однако этой базы было явно недостаточно. Переуплотненность наблюдалась во всех учебных заведениях. В 1980 г. на Бурятском участке магистрали были организованы еще четыре новые средние школы в поселках Солнечный, Кичера, Янчукан и Таксимо. Все они были также построены во временном исполнении. При этом около 60% средств по строительству объектов образования остались неосвоенными. В сложных условиях находились и сами работники образования. Многие преподаватели проживали в зданиях школ вплоть до 1981 г. из-за отсутствия жилья.

С началом школьной реформы материально-техническая база образовательных учреждений получила дальнейшее развитие. В 1982 г. появились новые корпуса школ, спортзалы в поселках Кичере, Новом Уояне, Куморе. К 1984 г. было введено дополнительно пять общеобразовательных школ, из которых только одна средняя школа располагалась в типовом здании, остальные – во временных брусовых и сборно-щитовых помещениях [5]. Министерство просвещения на баланс их не принимало, поэтому школы, расположенные во временках, находились на содержании базовых предприятий.

С выходом Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении трудового воспитания, обучения, профориентации школьников...» началось укрепление учебно-материальной базы трудового обучения в школах БАМ [6]. Были оборудованы кабинеты автодела, мастерские технического и обслуживающего труда, выделены машины и тракторы, а также стационарные лагеря труда и отдыха для летних работ. Согласно Постановлению ЦК КПСС «О повышении заработной платы учителей» с 1 сентября 1985 г. были введены новые условия оплаты [7]. Зарплата работников сферы образования выросла на 30–35%. Увеличились и прочие статьи расходов на образование. На 10–15% были повышены нормы питания детей, расходы на приобретение учебников, инвентаря и оборудования и пр. Во второй половине 1980-х гг. материальная база учреждений образования продолжала развиваться, но более умеренными темпами. Одной из основных проблем продолжала оставаться нехватка учебных площадей. Занятия во многих школах проходили в три смены. Под классы приспособлялись подсобные помещения. Отсутствовали помещения для учительских, библиотек, продленных групп и т.д. Все это отразилось на низком качестве образования. Еще одной из причин этого являлись высокая мобильность населения в целом, частая смена местожительства детей в связи с характером строительных работ или выездом за пределы региона.

Особое внимание стало уделяться развитию трудового обучения и профориентационной подготовке. В девяти школах Северобайкальского района в суммарном количестве трудовая подготовка велась по семи профилям, в том числе по основам автодела, животноводства, овощеводства, электротехники и т.д. Несмотря на проделанную работу, состояние трудовой подготовки и профориентации в школах Бурятского участка БАМа оставалось неудовлетворительным. Закрепленные за школами базовые предприятия часто не оказывали необходимую поддержку. Из-за отсутствия кадров преподавателей технического труда и мастеров производственного обучения многие учебные заведения не выполняли программы трудового обучения. Ни одна из школ не имела производственных заданий по выполнению заказов предприятий и организаций на уроках технического труда и т.д.

Школьная реформа коснулась не только трудового обучения. Изменениям подверглась и структура управления школами. Так, с 1988–1989 гг. функции инспектирования работы учителя стали выполнять администрации школ, а инспектора отделов образования – контролировать школьные администрации. В 1988 г. во всех школах были созданы общественные советы, а через год образован районный совет по народному образованию в составе 34 чел. Было организовано 15 методобъединений, три постоянно действующих семинара, три межшкольных методобъединения. На начало 1989 г. в школах города работало 492 педагога, из которых с высшим образованием – 387 чел., учителей-методистов – 6 чел., старших учителей – 19 чел., отличников народного образования – 36 чел. [2].

Важное место в системе воспитания учащихся принадлежало организации внешкольной работы. В условиях переуплотненности школ, двух- и трехсменного обучения основная нагрузка по организации внешкольной работы ложилась на учреждения дополнительного образования. До конца 1970-х гг. в северных районах действовал единственный Дом пионеров в Нижнеангарске, в поселках Кичера, Верхняя Заимка и селе Байкальское – три его филиала. Северобайкальский дом пионеров существовал непостоянно вследствие отсутствия помещения. Только в 1982 г. ПМК «Ленинградбамстрой» сдал в эксплуатацию городской дом

пионеров на 150 детей. В середине 1980-х гг. был открыт Новоуоянский дом пионеров, за которым было закреплено шесть поселков (Новый Уоян, Старый Уоян, Янчукан, Тоннельный, Северомуйск, Кумора). В 1985–86 гг. в нем работало 83 кружка [2].

Среди учреждений дополнительного профессионального образования особое место принадлежит заведениям, связанным с эстетическим воспитанием. С началом строительства БАМа на Бурятском участке существовала одна музыкальная школа в п. Нижнеангарск. Однако за годы сооружения магистрали их количество возросло до семи. В 1975 г. была образована школа искусств на мысе Курлы. В 1978 г. возникла музыкальная школа в Новом Уояне. С сентября 1979 г. открылась школа искусств в Северомуйске. В летнее время в северных районах была организована работа детских лагерей. В 1984 г. насчитывалось пять лагерей городского типа при средних школах, а также спортивно-оздоровительные лагеря в Кичере, Новом Уояне, Энхалуке и т.д.

Таким образом, внешкольная работа с учащимися на Бурятском участке БАМа реализовывалась в широком спектре форм и направлений. Ассигнования на внешкольные учреждения в районном и городском бюджете увеличивались из года в год. Однако, несмотря на значительные суммы, средств для эффективного развития данной сферы образования явно не хватало. Материально-техническая база внешкольных образовательных учреждений была слабой. Все заведения находились во временных приспособленных зданиях, испытывали дефицит в оборудовании, инвентаре и т.д. Поэтому качество работы того или иного заведения напрямую зависело от личных качеств руководителя, энтузиазма педагогов и других субъективных факторов. В 1980-е гг. на Бурятском участке магистрали наблюдался рост детской преступности, особенно в г. Северобайкальске. В 1984–1985 гг. на учете инспекции по делам несовершеннолетних находилось 75 несовершеннолетних района и 80 учащихся г. Северобайкальска. За год в школах города было совершено 115 правонарушений [8].

Еще одной формой обучения, весьма важной для территорий промышленного и транспортного освоения, было создание школ рабочей молодежи для самих строителей. В середине 1970-х гг. школы и их учебно-консультационные пункты были открыты во многих поселках трассы. К концу десятой пятилетки на БАМе действовало 37 средних дневных и вечерних общеобразовательных школ и девять учебно-консультационных пунктов. Число ШРМ увеличивалось до начала 1980-х гг. После открытия сквозного рабочего движения в 1984 г. количество учащихся вечерних школ стало сокращаться, главным образом, в связи с передислокацией некоторых строительных подразделений и закрытием ряда временных поселков. В 1985 г. в районе насчитывалось шесть ШРМ, которые продолжали функционировать до 1989 г. Для организации ШРМ также не было достаточного количества помещений, нередко использовались здания общеобразовательных школ. Обучение проводилось как по очной форме, так и заочно. Благодаря работе ШРМ уменьшилась численность строителей с неполным средним образованием. Если в 1975 г. имели неполное среднее образование 60,5% строителей, то к 1984 г. их доля в составе населения сократилась до 17,8%, а доля имеющих среднее, среднее специальное и высшее образование возросла с 39,5 до 82,2% [9].

Специфика транспортного строительства, предусматривающая сооружение различных по характеру объектов и требовавшая овладения несколькими смежными профессиями, обусловила необходимость подготовки кадров строителей непосредственно на магистрали. Однако местная материально-техническая база для повышения общеобразовательного уровня строителей и производственного обучения была крайне слабой. В целях обеспечения стройки квалифицированными рабочими при трестах и управлениях Главбамстроя было создано шесть учебных пунктов с сетью филиалов в линейных организациях, которые стали центрами подготовки и повышения квалификации рабочих. На Бурятском участке трассы первый учебный пункт возник при тресте «Нижнеангарсктрансстрой» в 1975 г. Однако из-за отсутствия помещения и оборудования проводились только краткосрочные курсы целевого назначения по месту работы обучающихся. В 1977 г. открыт учебно-консультационный пункт УС «Бамтоннельстрой», проводивший обучение по всем горным специальностям.

При постоянном перевыполнении планов подготовки новых рабочих планы повышения квалификации не выполнялись. Причины этого, как правило, коренились в недостатках планирования: ежегодно план повышения квалификации увеличивался, а поскольку текучесть среди инженерно-технических работников была низкой, приходилось отправлять на курсы одних и тех же людей. Повышение квалификации планировалось исходя из существующих потребностей производства, в соответствии со сложившейся квалификационной структурой работ, без учета перспективных потребностей, в результате чего «задела» квалификации не создавалось. Количество работников, получивших новую специальность или повысивших квалификацию с отрывом от производства, было значительно ниже общего числа обученных. Часто это объяснялось тем, что в учебных отпусках рабочих не были заинтересованы руководители предприятий, так как обучение рабочих оплачивалось организацией, частые разъезды сказывались на плановых показателях, темпах сдачи объектов и пр. Несмотря на широкий охват строительных подразделений, учебные пункты не имели на протяжении

всего периода строительства должного материально-технического обеспечения и специализировались, как правило, на краткосрочных курсах без отрыва от производства. Это обстоятельство сказывалось на эффективности обучения и качестве полученного образования.

Таким образом, на Бурятском участке БАМа была создана система образования, представленная школой всех уровней. Фактически на пустом месте сформировалась разветвленная сеть общеобразовательных школ и учреждений дошкольного и дополнительного образования. Однако постоянный приток и отток населения, складывание неустойчивой демографической структуры районов пионерного освоения, диспропорциональность социальной инфраструктуры, узкая материально-техническая база районов отрицательно сказывались на развитии образовательных учреждений в этот период. Главным критерием центральных плановых органов была экономическая эффективность, и, с этой точки зрения, вложения в социальную сферу, в том числе образовательную, являлись непроизводительной нагрузкой. Поэтому затраты на развитие объектов инфраструктуры, как и на других участках БАМ, сводились к минимуму: нормативы непроизводственного строительства занижались, проекты подвергались корректировке, происходило стихийное перераспределение средств между производственным и непроизводственным строительством в пользу первого и т.д.

Литература и источники

1. Власов Г.П. История хозяйственного освоения региона Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (1970–1980-е гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1999. 247 с.
2. Байкалов Н.С. История формирования социальной инфраструктуры бурятского участка БАМа (1974–1989 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2005. С. 247.
3. Боронова М.М. Социально-экономическое развитие республики Бурятия в 1960–1990-е гг. Исторический опыт. Иркутск, 2002. С. 296.
4. Национальный архив Республики Бурятия. Ф. Р-2002. Оп. 1. Д. 6. Л. 18–19.
5. Школьная реформа – дело всех и каждого // Северный Байкал. 1984. 1 сент.
6. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12.04.1984 г. «Об улучшении трудового воспитания, обучения, профориентации школьников и организации их общественно полезного, производительного труда» // Забота партии и правительства о благе народа: Сб. док-тов. М.: Политиздат, 1985. Кн. 3. Ч. 2.
7. Постановление ЦК КПСС, СМ СССР, ВЦСПС от 12.04.1984 г. «О повышении заработной платы учителей и других работников народного образования» // Забота партии и правительства о благе народа: Сб. док-тов. М.: Политиздат, 1985. Кн. 3. Ч. 2.
8. Школа – забота общая // Северный Байкал. 1984. 6 сент.
9. Аргудяева Ю. В. Труд и быт молодежи БАМа: настоящее и будущее. М.: Мысль, 1988. С. 93.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

УДК 314.7(574:470+571)"20"

Т.С. Садыков*

Казахстан и Россия: миграционные тренды в начале XXI века

Миграция в современном мире с каждым годом приобретает всё большее значение, поскольку от ее регулирования зависит развитие экономики и уровень жизни людей. Самыми масштабными миграционными процессами между РФ и Казахстаном были в 90-х гг. XX столетия после распада Советского Союза. Отток трудоспособного населения оказал негативное влияние на общую демографическую картину Казахстана. На первое место среди причин современных миграций между РФ и Казахстаном выдвинулись экономические факторы. На существенное улучшение миграционной политики между Россией и Казахстаном повлияло их вступление в зону свободной торговли и таможенный союз.

Ключевые слова: миграции, Казахстан, Россия, экономические факторы, таможенный союз

T.S. Sadykov

Kazakhstan and Russia: migratory trends in the beginning of XXI century

Migration in the modern world with each passing year is becoming increasingly important as the development of economy and living standards of people depend on its regulation. The large-scale migration processes between the Russian Federation and Kazakhstan were in the 1990s of XX century after disintegration of the Soviet Union. The outflow of the working population has had a negative impact on the overall demographic picture of Kazakhstan. In the first place among the reasons of contemporary migrations between the Russian Federation and Kazakhstan are economic factors. The accession of Russia and Kazakhstan in a free trade zone and the Customs Union has significantly improved migration policy between them.

Key words: migrations, Kazakhstan, Russia, economic factors, the Customs Union

В современном мире миграционные процессы являются важнейшим показателем не только социальной структуры государств (оценка динамики подвижности населения), но и демонстрируют формирование единого экономического пространства как рынка трудовых ресурсов. Миграция становится всё более значимым для общества явлением, связанным с множеством социально-экономических, политических, этнических, демографических и др. факторов. Миграционные процессы имеют свою специфику. Во многих государствах миграция считается одной из самых трудноразрешимых проблем. Чтобы структурировать миграционные процессы в Казахстане, начнем с их периодизации и определения основных трендов. За точку отсчета периодизации миграций нового времени примем 1987 г., когда вследствие реформирования советской системы, получившего название перестройки, вновь после длительного перерыва стала возможна эмиграция. В Казахстане это проявилось в динамично возрастающей эмиграции немцев. Всего можно выделить четыре периода.

1-й период – 1987–1991 г., когда миграции вышли за границы советского пространства, и по мере либерализации выезда из страны эмиграция ускориалась вплоть до распада СССР. В Казахстане число выезжающих за рубеж уже в это время было довольно велико по сравнению с другими республиками СССР. Например,

* Садыков Тлеген Садыкович (Астана, Казахстан) – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева.

в 1987 г. из Республики выехало 7,1 тыс. чел. (из всего СССР – 39,1 тыс.), в 1988 г. – 23,6 тыс. и в 1989 г. – 53 тыс. (из СССР – 108,2 тыс. и 235,0 тыс., соответственно). В 1991 г. из Казахстана выехало за рубеж 77,9 тыс. чел., из них: в Германию – 72,2 тыс. чел. (92,6%), остальные – в Грецию, Израиль и другие страны.

2-й период – 1992–1998 гг., время масштабных, стихийных и вынужденных перемещений между странами СНГ и за границы СНГ, обусловленных историческими геополитическими сдвигами и системным экономическим кризисом вследствие распада СССР, переходом Казахстана к суверенному существованию и рыночной экономике.

3-й период – 1999–2003 гг. – период спада вынужденной миграции, снижения интенсивности эмиграции, появления нерегулируемой трудовой иммиграции из стран Центральной Азии на фоне макроэкономической стабилизации в Казахстане.

4-й период – 2004–2008 гг. – период проявления позитивных тенденций в миграционных движениях: формирования положительного сальдо миграции, роста количества репатриантов, увеличения численности иностранной рабочей силы на фоне относительно устойчивого экономического роста. Одновременно значительно возрастает нерегулируемая трудовая иммиграция.

2009 г. открывает **новый период**, когда миграционные процессы происходят в условиях глобального финансового и экономического кризиса и будут зависеть от его продолжительности и глубины.

Из-за «утечки умов» в период экономического оживления в 2000-е гг. Казахстан стал испытывать дефицит квалифицированных кадров в соответствующих секторах экономики. По данным казахстанской компании КазМунайГаз, потребность только одной этой компании составляет около 25 тыс. специалистов.

Российские ученые оценили экономический ущерб от ежегодной эмиграции 50 тыс. специалистов с высшим образованием, имевшей место в России в 1990-е гг., в \$25 млрд. в год, что сравнимо с суммой оттока из страны денежного капитала. США оценивают эффект от притока специалистов с начала 1990-х гг. в размере 1 млн. чел. в \$500 млрд. в денежном выражении. По аналогии, экономический ущерб от интеллектуальной эмиграции из Казахстана за 1992–2004 гг., составившей 235–250 тыс. чел. (специалисты с высшим и незаконченным высшим образованием), может быть оценен в \$120–125 млрд.

Масштабы **межгосударственной миграции РФ и Казахстана** стали наиболее заметны после распада СССР. Изучение особенностей этого процесса позволит показать эффективность сотрудничества Москвы и Астаны в целом и выявить социально-экономические масштабы миграции в частности. Анализ происходящих процессов будет способствовать эффективному решению многих **государственных задач**, таких как **регулирование миграции, учет и распределение трудовых ресурсов, прогнозирования ситуации** и др.

Масштабы, характер и факторы миграционных процессов между РФ и Казахстаном не раз менялись за последние годы. Самым масштабным был период 1990-х гг., когда выезд русскоязычных граждан из Казахстана приобрел массовый характер. Факторами миграции тогда выступили – распад Советского Союза и связанные с ним последствия, начиная от падения промышленного производства и уровня жизни в целом. В общей сложности за десять лет из Казахстана выехало около 2 млн. чел., из них свыше 70% – в Россию. Значительная часть русских приняла решение репатриироваться на историческую родину, что и предопределило репатриационный характер миграционных потоков в первый период после распада СССР.

В начале 1990-х гг. отъезд русских происходил как из городской, так и из сельской местности республики Казахстан. Такая тенденция была характерна для регионов преимущественного проживания русского населения – Акмолинской, Кустанайской, Павлодарской, Северо-Казахстанской областей, расположенных на северо-востоке и в центральной части Казахстана. К середине же 1990-х гг. отток происходил, в основном, из городов, так как миграционный потенциал сельской местности был почти исчерпан. Покидавшее Казахстан население преимущественно было трудоспособного возраста. Этот фактор оказал негативное влияние на общую демографическую картину Казахстана, так как за счет оттока молодых произошло значительное старение населения.

Таким образом, **главными причинами**, способствовавшими массовой эмиграции русских из Казахстана, были: **во-первых**, желание вернуться на историческую родину и определиться с гражданством в связи с распадом Советского Союза; **во-вторых**, ухудшение условий труда; **в-третьих**, падение уровня производства в Казахстане.

Данные Росстата основных показателей миграции между РФ и Казахстаном представлены на диаграммах. По этим данным можно проследить, как происходили изменения в процессе миграции. Пик эмиграции из Казахстана в Россию, как видно из таблицы, приходится на 1997–1998 гг. В это время количество эмигрантов из Казахстана составляло около 40% от всех эмигрантов, прибывших в Россию.

К 2000-м гг. масштаб миграций существенно уменьшился. Данный процесс был обусловлен в основном правовым фактором: принятием в **РФ законов «О гражданстве Российской Федерации» и «О пра-**

вовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Данные законы отменяли какие-либо льготы в предоставлении гражданства РФ для граждан Казахстана, приравнивая их к гражданам дальнего зарубежья. Эти законы были крайне негативно восприняты русским населением Казахстана. Кроме того, миграционный потенциал Казахстана был практически исчерпан, так как большинство желающих покинуть страну сделали это раньше.

На миграции из России в Казахстан существенное влияние оказала **государственная программа республики Казахстан Нурлы Кош**, принятая в 2008 г. Она направлена на помощь в расселении и обустройстве оралманов (с казахского – «возвращенец») – этнических казахов-репатриантов, переселяющихся из других стран. Целями данной программы являются повышение качества жизни этнических мигрантов, стимулирование возвращения высококвалифицированных специалистов, ранее выехавших из Казахстана, а также укрепление социальной стабильности и согласия и улучшение демографической ситуации. По данной программе оралманы получают социальную помощь и поддержку.

Изменились и причины современных миграций из Казахстана в Россию. Всё больше на первое место выходят **факторы экономические**, среди которых можно отметить лучший уровень жизни в РФ, желание создать лучшие перспективы для своих детей, большой шанс на трудоустройство, сохранение пенсионной системы.

В миграционных потоках стали преобладать кратковременные и приграничные поездки. Большая доля приграничных поездок связана, прежде всего, с протяженностью границы между странами. Она составляет более 7500 км и является самой длинной границей между странами СНГ.

На существенное улучшение миграционной политики между Россией и Казахстаном повлияло их вступление в **зону свободной торговли (ЗСТ), в таможенный союз (ТС)**, предусматривающий единую таможенную территорию. В пределах этой территории во взаимной торговле товарами отсутствуют таможенные пошлины и ограничения экономического характера, а также используются единые таможенные тарифы при торговле с третьими странами.

В 2012 г. Центром интеграционных исследований Евразийского банка развития был проведен социологический опрос в десяти странах СНГ и Грузии. Респондентам задавался вопрос «Как Вы относитесь к тому, что экономики Беларуси, Казахстана и России объединились в Таможенный союз (который освободил торговлю между тремя странами от пошлин)?». Ответы в России и Казахстане свидетельствуют о том, что большинство граждан в этих странах положительно относятся к созданию ТС: в России 72% респондентов ответили «положительно», 17% – «безразлично» и 4% – «отрицательно». В Казахстане 80%, 10% и 5% соответственно.

Таким образом, есть предпосылки к тому, что миграционные потоки между РФ и Казахстаном и дальше будут носить в основном экономический характер. Этому способствует активное развитие торговли между странами. Так, товарооборот между Казахстаном и Россией за период с 2009–2012 гг. вырос практически в 2 раза – с 12,4 до 23,8 млрд. долларов США.

Положительным фактом можно считать и подписание в 2011 г. программы долгосрочного экономического сотрудничества между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан до 2020 года. Данная программа будет способствовать дальнейшему развитию экономического сотрудничества и укреплению торгово-экономических связей между странами.

Проведенные в работе исследования миграционной ситуации между РФ и Казахстаном позволили прийти к **следующим выводам:**

Во-первых, миграция в современном мире с каждым годом приобретает всё большее значение, поскольку от ее регулирования зависит развитие экономики и уровень жизни людей;

Во-вторых, самыми масштабными миграционные процессы между РФ и Казахстаном были в 90-х гг. XX столетия после распада Советского Союза;

В-третьих, отток трудоспособного населения оказал негативное влияние на общую демографическую картину Казахстана;

В-четвертых, причины современных миграций между РФ и Казахстаном изменились в сторону. При этом на первое место выдвинулись экономические факторы;

В-пятых, существенное улучшение миграционной политики между Россией и Казахстаном повлияло их вступление в зону свободной торговли (ЗСТ) и таможенный союз (ТС).

Источники и литература

1. Бурганова И.Н. Соглашение о зоне свободной торговли и его роль в процессе взаимодействия государств-участников СНГ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 2 ч. Тамбов, 2012. № 1(15). Ч. II. С. 38–40.

2. Каржаубаева А.И. Старое и новое в миграционных процессах. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.demoscope.ru/center/fmcenter/karchaubaeva.html> (Дата обращения: 15.03.2014).

3. Мустафаев Н. Миграционная ситуация в Казахстане [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.zakon.kz/66494-migracionnaja-situacija-v-kazakhstane.html> (Дата обращения: 15.03.2014).

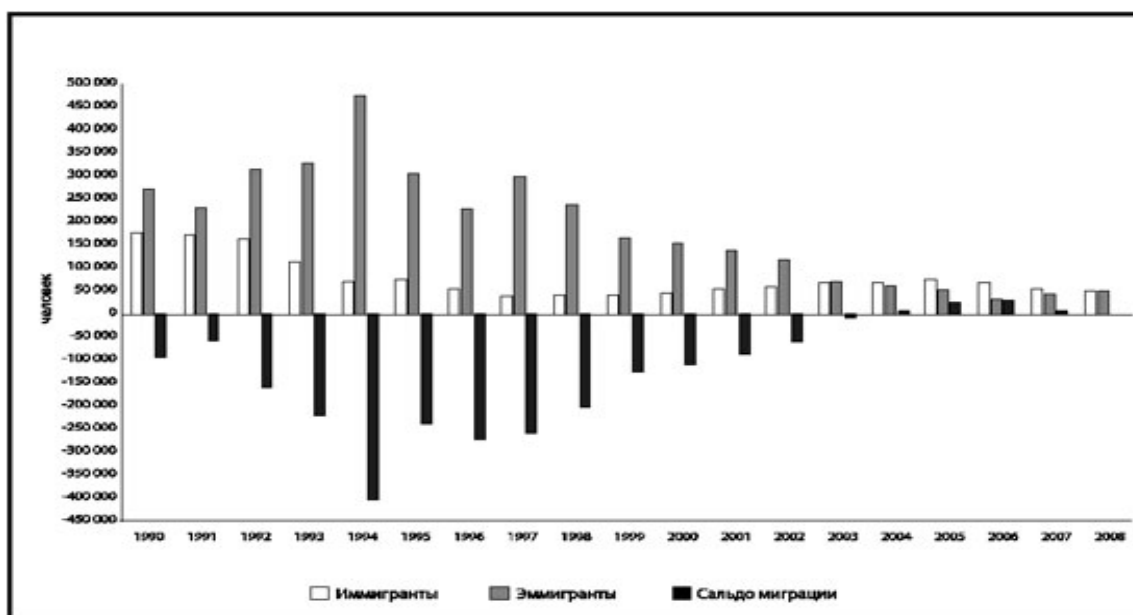
4. Разумов Я. Миграционное «завтра» Казахстана. [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.zakon.kz/121226-migracionnoe-zavtra-kazakhstana.html> (Дата обращения: 13.03.2014).

5. Садовская Е.Ю. Миграционные процессы и миграционная политика в Казахстане // Миграционная ситуация в странах СНГ / Под ред. Ж. Зайончковской. Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ и Независимый исследовательский Совет по миграции стран СНГ и Балтии. ИНП РАН. М., 1999; Садовская Е.Ю. Миграция в Казахстане на рубеже XXI века: новые тенденции и перспективы. Галым: Алматы, 2001; Садовская Е.Ю. Трудовая миграция как средство адаптации к экономическому кризису в Казахстане. Галым: Алматы, 2001; Садовская Е.Ю. Незаконная миграция в Казахстане: причины, география распространения и проблемы предупреждения // Центральная Азия: политика и экономика. 2001. № 8.

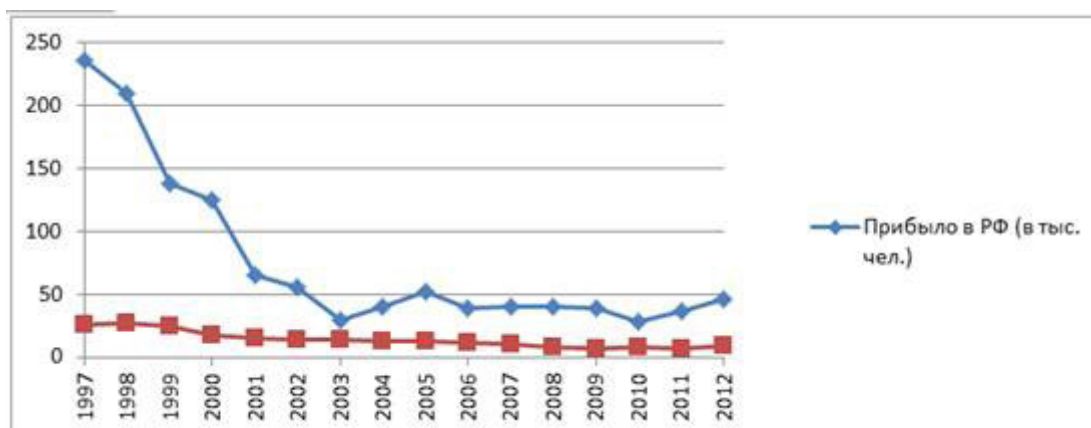
6. Садовская Е.Ю. Некоторые политические аспекты эмиграции русскоязычного населения в Казахстане // Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии / Под ред. Г. Витковской. М., 1998. С. 80–95; Садовская Е.Ю. Миграция в Казахстане на рубеже XXI века, и др.

Приложение

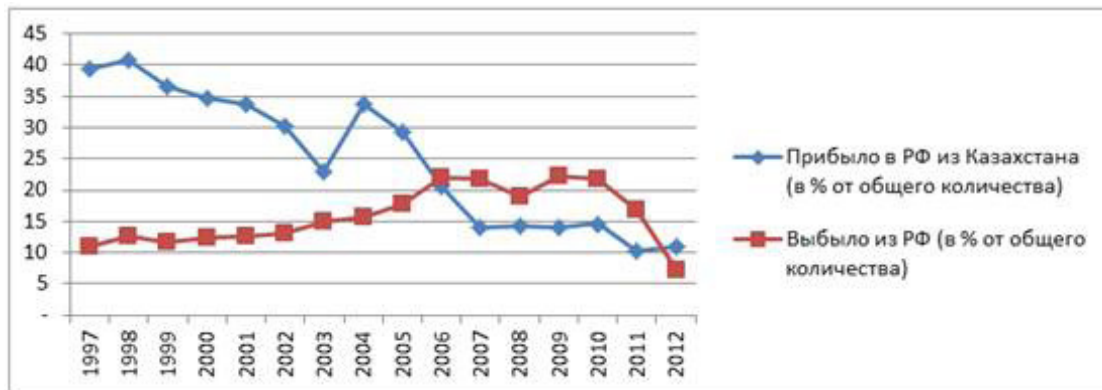
Международная миграция Республики Казахстан в 1990–2008 гг., чел.

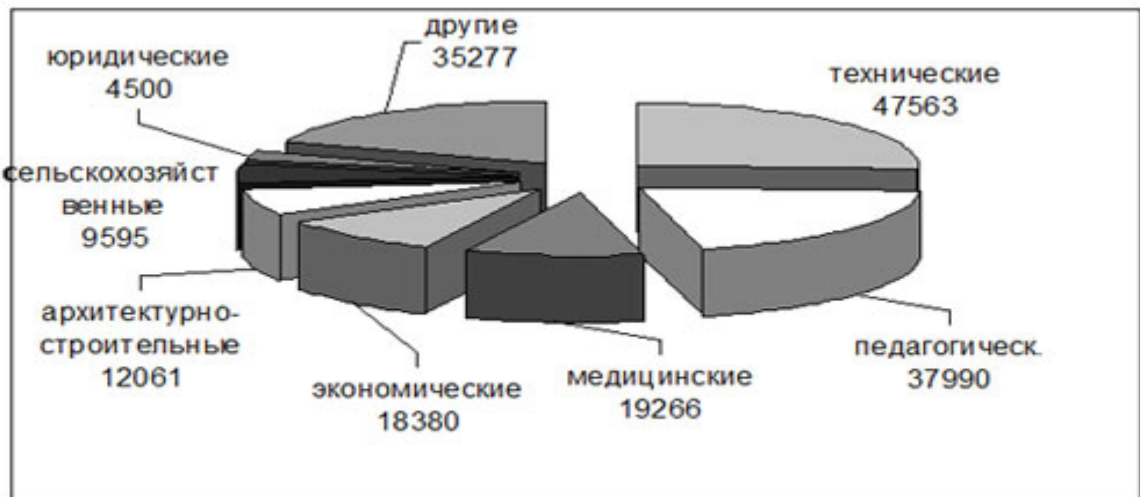
Прибытие мигрантов в РФ и выбытия из РФ, тыс. чел.

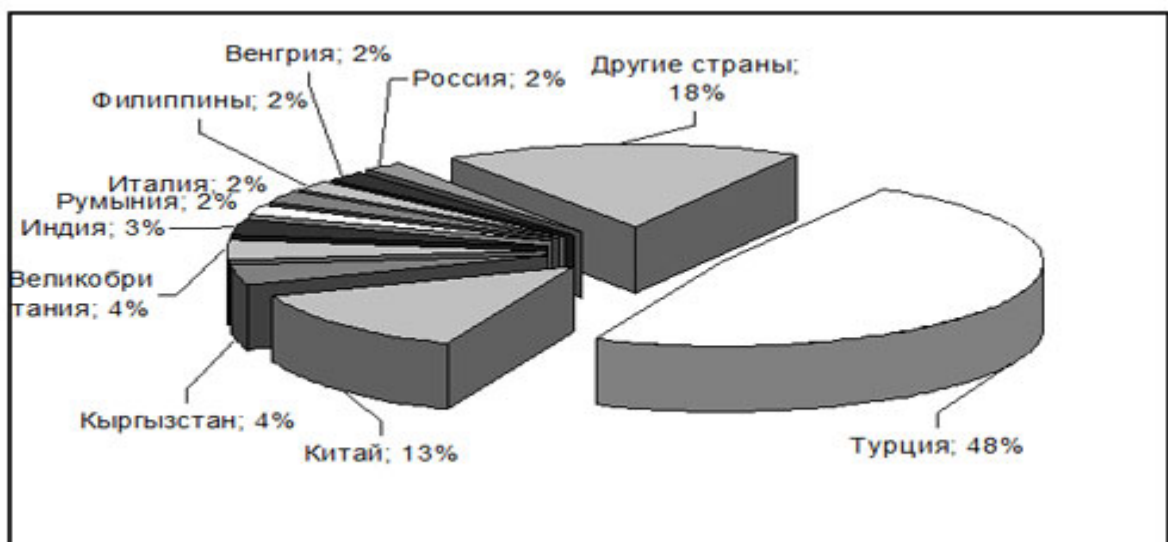
*Прибытие мигрантов в РФ и выбытия из РФ
(в процентном соотношении от общего количества мигрантов)*

Эмигранты с высшим образованием по профилю образования, 1996–2004 гг., чел.

Иностранная рабочая силы в Республике Казахстан по странам исхода в 2007 г., %

*В.В. Фаузер, Т.С. Лыткина, Г.Н. Фаузер**

Миграционные процессы на Российском Севере: историко-социологическое измерение**

Дается общая характеристика населения северных регионов России с указанием потерь в численности населения за 1991–2016 гг.; приводятся результаты социологического опроса экспертов по четырем городам и трем сельским районам Республики Коми; в заключении статьи даются рекомендации по оптимизации миграционных процессов.

Ключевые слова: Север России, миграция населения, опрос экспертов

V.V. Fauzer, T.S. Lytkina, G.N. Fauzer

Migratory processes in the Russian North: historical and sociological dimension

We give a general description of the Russian population of northern regions with an indication of the population losses for 1991–2016; the article presents the results of expert sociological survey in four cities and three rural areas in the Komi; at the end of the article the authors provide recommendations for optimization of migration processes.

Key words: Russian North, migration, expert survey

Введение. Север России всегда был объектом пристального внимания ученых – от социологов/демографов до экономистов/историков [см.: 1–5, 9–10, 16]. В настоящее время замечен геополитический интерес мирового сообщества к Российскому Северу, чьи границы протянулись от Кольского полуострова до Чукотки, граничащего по суше и морю с Норвегией, США и Финляндией.

Из 17,1 млн. кв. км площади страны на территории, полностью относимые к Крайнему Северу и местности, приравненные к ним, приходится 7,6 млн. кв. км или 44,5%. Проживает 7 млн. 859 тыс. чел. или 5,4% населения России.

За последние 25 лет (1991–2016 гг.) численность населения Севера России уменьшилась на 1 млн. 859 тыс. человек – с 9 млн. 718 тыс. до 7 млн. 859 тыс. чел. Исключение составил Ханты-Мансийский АО – Югра, где был положительным естественный и миграционный прирост. В последние годы (2011–2015 гг.) к нему присоединился Ненецкий АО. В трех субъектах: республиках Саха (Якутия) и Тыва, Ямало-Ненецком АО – естественный прирост перекрыл миграционную убыль населения. Можно отметить, что с 1991 по 2016 г. положительный естественный прирост составил 256,4 тыс. чел., а миграционные потери – 2 млн. 115,1 тыс. чел.

Численность населения северных субъектов, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям в 1991–2016 гг., тыс. чел.

Регионы	1991 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2016 г.
Российская Федерация	148274	148460	146890	143801	142834	146545
Север России	9718	9048	8453	8162	7944	7859
Европейский Север	4789	4493	4124	3829	3598	3423
Республика Карелия	791	771	735	690	649	630
Республика Коми	1240	1157	1058	983	912	857

* Фаузер Виктор Вильгельмович (Сыктывкар) – доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией демографии и социального управления Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, fauzer@iespn.komisc.ru; Лыткина Татьяна Степановна (Сыктывкар) – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории демографии и социального управления Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, lytkina@iespn.komisc.ru; Фаузер Галина Николаевна (Сыктывкар) – научный сотрудник лаборатории демографии и социального управления Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, gfauzer@iespn.komisc.ru

** Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-03-00078.

Окончание табл.

Регионы	1991 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2016 г.
Архангельская область	1569	1498	1390	1299	1237	1174
Ненецкий АО	52	45	41	42	42	44
Мурманская область	1189	1067	941	857	800	762
Азиатский Север	4929	4555	4329	4333	4346	4436
Республика Саха (Якутия)	1119	1037	963	953	959	960
Республика Тыва	304	303	306	304	308	316
Камчатский край	479	422	372	344	323	316
Магаданская область	385	267	202	174	159	146
Сахалинская область	715	659	569	530	501	487
Ханты-Мансийский АО – Югра	1280	1293	1360	1462	1521	1627
Ямало-Ненецкий АО	489	478	496	514	524	534
Чукотский АО	158	96	61	52	51	50

По абсолютным потерям численности населения регионы Севера распределились так: Мурманская обл., которая за исследуемый период потеряла 427 тыс. чел. (35,9% от численности населения 1991 г.), Архангельская обл. – 395 тыс. чел. (25,2%), Республика Коми – 383 тыс. чел. (30,9%); Магаданская обл. – 239 тыс. чел. (62,1%); Сахалинская обл. – 228 тыс. чел. (31,9%); Камчатский край – 163 тыс. чел. (34,0%); Республика Карелия – 161 тыс. чел. (20,4%); Республика Саха (Якутия) – 159 тыс. чел. (14,2%); Чукотский АО – 108 тыс. чел. (68,4%); Ненецкий АО – 8,0 тыс. чел. (15,4%). В трех регионах был рост населения: в Ханты-Мансийском АО – Югра – 347 тыс. чел. (2016 г. к 1991 г. – 127,1%), Ямало-Ненецком АО – 45 тыс. чел. (109,2%) и Республике Тыва – 12 тыс. чел. (103,9%). То есть практически во всех северных регионах произошло сокращение численности населения, в основном за счет миграционного оттока населения.

Сегодня большинство статей построено на материалах статистики [14; 15], меньше – на результатах социологических исследований. Данная работа – попытка восполнить имеющийся пробел. Работа построена на результатах опроса 177 экспертов в 2013 г. [11, с. 56–57].

Описание выборки. В выборке представлены четыре из десяти городов Республики Коми, доля каждого составила (%): Сыктывкар – 36,8; Усинск – 19,9; Ухта – 13,1; Воркута – 8,0. Сельские районы представлены экспертами из Сыктывдинского, Ижемского и Усть-Цилемского муниципалитетов – 22,2%. В численности населения доля жителей этих городов и сельских районов составляет 64,2% от всего населения республики (2013 г.).

На мужчин приходится 44,9%, на женщин – 55,1%. По возрасту респонденты распределились следующим образом (%): до 24 лет – 2,3; 25–29 лет – 14,1; 30–34 года – 16,4; 35–39 лет – 18,6; 40–44 года – 15,8; 45–49 лет – 10,2; 50–54 года – 8,5; 55–59 лет – 6,8; 60 лет и старше – 7,3. Средний (медианный) возраст респондентов составляет 41,4 года.

По национальности среди респондентов преобладают русские – 55,9%; затем следуют коми – 25,4%; украинцы – 8,5%; татары – 2,3%; белорусы – 1,7%; азербайджанцы – 1,7%; немцы – 1,1%; представители других национальностей – 3,4%. Для сравнения приведем данные переписи населения 2010 г. по Республике Коми (%): по национальности среди населения преобладают русские – 65,1; затем следуют коми – 23,7; украинцы – 4,2; татары – 1,3; белорусы – 1,0; немцы – 0,6; азербайджанцы – 0,6; представители других национальностей – 3,5.

Среди экспертов большинство имеет экономическое образование – 34,5%; техническое образование – 28,2%; значительна доля лиц, обладающих педагогическим образованием – 15,3%; а также юридическим образованием – 14,7%.

Распределение экспертов по занимаемым должностям, представлено следующим образом: руководители структурных подразделений – 27,3%; затем идут ведущие специалисты – 25,0%; директора/руководители организаций – 14,2%; заместители директоров/руководителей – 13,6%; заместители руководителей структурных подразделений – 9,1%; занимают другие должности – 9,8%.

По статусу эксперты распределились так (%): работодатели – 51,7%; госслужащие – 14,2%; ученые и педагоги – 9,7%; общественники – 4,5%; имели иной статус – 19,9%.

Среди экспертов 47,5% являются местными уроженцами, а 52,5% не являются уроженцами данного населенного пункта. По месту исхода большая часть экспертов прибыла в нынешнее место жительства из областей России – 36,5%; из бывших республик СССР (СНГ) – 32,3%; из населенных пунктов Республики Коми – 31,2%.

Проживающие в данном населенном пункте не с рождения распределились следующим образом: проживают более 20 лет – 69,4% экспертов; проживают 10–19 лет – 21,5%; проживают менее 10 лет – 9,0%.

Влияние миграции на социально-экономические процессы в Республике Коми. Учитывая факт того, что сегодня и в обозримом будущем миграции станут неотъемлемой частью жизнедеятельности населения республики, экспертам был задан вопрос: «Считаете ли Вы, что миграционные процессы создают или создадут в будущем сложную социально-экономическую ситуацию?». Ответы распределились следующим образом: да, создадут в отдельных муниципалитетах – 31,7%; нет, не создадут – 29,9%; да, создадут в целом по республике – 28,8%; затруднились ответить – 9,6%.

Программой исследования было предусмотрено выяснить, какие трудности создадут или уже создали мигранты при въезде и выезде из республики. Так, уточняя полученные ответы на предыдущий вопрос, у экспертов спросили: «Если будут создаваться трудности, то в чем конкретно это может выразиться при **въезде в республику**?». На данный вопрос были получены следующие ответы: повышается уровень преступности – 41,8%; растёт уровень безработицы – 33,3%; увеличивается нагрузка на социальную инфраструктуру – 28,8%; ломается привычный образ жизни у местного населения – 25,4%; снижается общий уровень культуры населения – 23,2%; возникает этническая нестабильность – 20,3%; ухудшаются условия рынка жилья – 16,4%; возрастет экологическая нагрузка на регион – 5,6%; другое – 4,0%.

Также были получены ответы на вопрос: «Если «будут создаваться трудности», то в чем конкретно это может выразиться **при выезде из республики**?». Эксперты ответили следующим образом: ухудшится трудовой потенциал (по образованию, возрасту, полу) – 41,2%; вызовет потери населения и его трудоспособной части – 40,7%; изменится этническая структура в худшую сторону – 13,6%; изменится этническая структура в лучшую сторону – 10,7%; улучшится структура населения – выедут пенсионеры – 5,6%; другое – 1,7%.

В настоящее время нет однозначной оценки роли миграции для республики, его населения. В связи с чем экспертов спросили: «Как вы считаете, являются ли мигранты конкурентами местному населению на рынке труда?». По мнению экспертов: да, являются конкурентами, но лишь в отдельных отраслях – 57,7%; да, практически во всех отраслях – 22,0%; нет, не являются конкурентами – 20,3%. Как видим, мигранты составляют серьезную конкуренцию местному населению на региональном рынке труда.

У экспертов уточнили: «Если «допустить, что являются», то ответьте почему?»: мигранты готовы трудиться за меньшую оплату труда – 72,9%; мигранты готовы трудиться на непрестижном месте работы – 46,3%; мигранты стараются держаться за место работы – 27,1%; мигранты менее требовательны к социальной сфере – 24,9%; мигранты более активно ищут работу – 15,3%; мигранты более дисциплинированы – 11,3%; мигранты стремятся сделать карьеру на новом месте жительства – 10,2%; мигранты более квалифицированные работники, чем местное население – 7,3%; другое – 0,6%.

В ходе опроса экспертов ставилась задача выяснить: «Почему работодатели привлекают мигрантов для работы в республике?». На данный вопрос были получены следующие ответы: мигрантам можно платить меньше – 69,5%; работодателям можно не заботиться о соблюдении прав мигрантов – 31,6%; среди местного населения нет достаточного числа необходимых работников – 26,0%; мигранты всегда приезжали сюда работать – 24,3%; квалификация мигрантов для такой работы выше, чем у местных жителей – 12,4%; республика активно развивается, поэтому здесь нужны рабочие руки – 10,2%; другое – 1,7%.

Самочувствие мигрантов в Республике Коми. Следует отметить, что программа исследования включала блок вопросов, выясняющих, как чувствуют себя мигранты на новом месте жительства и с какими проблемами они сталкиваются, интегрируясь в новое сообщество. На поставленные вопросы получены следующие ответы. Распределение ответов на вопрос: «Как, на Ваш взгляд, ощущают себя мигранты, проживая в республике?»: ощущают временно проживающими, готовыми уехать в любой момент – 51,5%; ощущают себя посторонними по отношению к местным жителям – 23,1%; ощущают себя своими, как и местные жители – 22,5%; другое суждение – 2,9%. И распределение ответов на вопрос: «Укажите, какие проблемы испытывают мигранты в Республике Коми наиболее остро?»: проблемы, связанные с оформлением документов на работу – 48,0%; проблемы, связанные с условиями быта – 42,9%; проблемы, связанные с правами и социальными гарантиями – 36,2%; проблемы, связанные с оплатой труда – 21,5%; проблемы, связанные с отсутствием семьи – 20,3%; проблемы, связанные с отношением к мигрантам местных жителей – 20,3%; проблемы, связанные с условиями работы – 19,8%; другое – 1,1% [см. также 6–8].

Миграция и межнациональные отношения в Республике Коми. Экспертам предлагалось оценить отношение жителей республики к мигрантам, а также высказаться о том – имеют ли место конфликты между местным населением и пришлым. Отвечая на вопрос анкеты: «Знаете ли вы о негативном отношении жителей республики к мигрантам?», положительно ответило, да – 55,7% экспертов; отрицательно, что не знают – 44,3%. Экспертам был задан вопрос: «Происходят ли в республике конфликты между мигрантами и местным населением?». Более трети экспертов (38,6%) ответило, что не знают о таких случаях; 35,2% ответило, что да, бывают на бытовой почве; каждый пятый – 20,5% ответил, что да, бывают на этнической почве; и только – 5,7% ответило, что нет, не бывают.

Оценка результативности и перспектив миграции в Республике Коми. Для оценки результативности миграционных процессов экспертам был задан ряд вопросов. Например: «Что на взгляд экспертов наиболее существенно влияет на состояние миграционной обстановки в республике?». Ответы выглядят так: миграция граждан нового зарубежья (стран СНГ) – 52,6%; миграция между республикой и регионами России – 31,6%; миграция граждан старого зарубежья – 15,8%.

Было уточнено: «Какие категории мигрантов наиболее благоприятно повлияют на социально-экономическое развитие республики?». По мнению экспертов благоприятно повлияют на социально-экономическое развитие республик специалисты высшей квалификации – 76,3%; мигранты-россияне – 28,2%; бывшие «северяне» – 19,2%; мигранты внутри республики – 16,9%; мигранты предприниматели – 11,3%; вахтовые рабочие – 5,6%; иностранные рабочие – 5,6%; вынужденные переселенцы – 2,3%; другие – 0,6%.

Экспертам был задан вопрос: «Как Вы считаете, какой результат миграционного баланса должен быть в республике?». Ответы выглядят так: примерно одинаково приезжать и уезжать – 68,4%; в республику должны больше приезжать, чем уезжать – 26,0%; из республики должны больше уезжать, чем приезжать – 5,6%. То есть эксперты больше склонны считать, что республика должна больше получать мигрантов, чем отдавать, и это вполне экономически обоснованно.

Представляют интерес ответы на вопрос: «Сколько мигрантов хотело бы остаться в республике?». По мнению экспертов, хотело бы остаться: меньшинство – 32,3%; большинство – 31,2%; примерно половина – 24,3%; почти все – 8,7%; почти никто – 3,5%. Текущая статистика и материалы Всероссийской переписи населения 2010 г. показывают, что представителей Средней Азии и Закавказья в республике стало меньше.

Причины миграционной подвижности. Распределение ответов на вопрос: «Какие причины лежат в основе миграции в республику?»: приезжают подзаработать на время (на сезон, на вахту и т.д.) – 71,2%; приезжают работать на постоянной основе – 49,2%; приезжают по семейным обстоятельствам – 19,2%; приезжают на учебу – 11,9%; приезжают из-за межнациональных конфликтов – 10,2%; приезжают из-за правовой дискриминации – 2,3%; приезжают из-за экологической катастрофы – 3,4%.

Распределение ответов на вопрос: «Какие причины лежат в основе миграции из республики?»: уезжают учиться, больше возможностей и качественнее образование – 65,0%; у населенного пункта, в котором проживают, нет будущего, так как не развивается производство, сложно найти работу, есть угроза ее потери – 49,2%; уезжают из-за климата – 49,2%; уезжают по состоянию здоровья – 27,7%; желание вернуться на родину, к родителям, родственникам – 23,7%; нет возможности материально обеспечить семью – 19,2%; уезжают по семейным обстоятельствам (развод, брак, нет возможности создать семью) – 17,5%; уезжают из-за этнического дискомфорта – 0,6%; другое – 1,7%.

Рекомендации

1. Для закрепления мигрантов в Республике Коми необходимо создавать новые рабочие места с достойной заработной платой.
2. Проводить политику на рынке труда, направленную на «сглаживание» дискриминации в оплате труда, в карьерном росте/служебном продвижении, при приеме/увольнении с работы.
3. Проводить активную политику на рынке труда по защите социально-экономических интересов коренного и старожильческого населения.
4. Совершенствовать сеть образовательных учреждений, позволяющей удовлетворить основные потребности выпускников школ в получении профессионального образования.
5. Через национально-культурные автономии, средства массовой информации, иные возможности проводить работу на скорейшую интеграцию мигрантов в местные сообщества, а местное население к положительному восприятию пришлого населения.
6. Рассмотреть вопрос о создании в отдельных муниципалитетах структур по работе с мигрантами. Главная их цель – помощь в интеграции в общество в самом широком смысле (изучение языка, культуры, обычаев, юридическая помощь, социальная поддержка). Усиление среди мигрантов юридической грамотности приведет к росту социальных потребностей, а следовательно, снизит разницу между ними и местным населением.
7. Рассмотреть возможность проведения масштабного исследования – прогноза потребности в притоке в республику мигрантов с целью создания долгосрочного плана мероприятий по организованному привлечению квалифицированной рабочей силы с одновременным созданием гибкой системы подготовки специалистов на месте.
8. Проанализировать необходимость введения региональных требований к мигрантам, приезжающих на работу на долговременной основе.
9. Подготовить предложения по региональной стимуляции привлечения на работу мигрантов – высококвалифицированных специалистов.

10. Провести анализ возможности региональной стимуляции возвращения из-за рубежа бывших жителей республики (специалистов, в прибытии которых есть потребность).

11. Привлечь к работе с мигрантами представителей соответствующих религиозных конфессий.

Заключение. С начала 1990-х гг. Российский Север утратил свою экономическую привлекательность, обусловив тем самым отток наиболее квалифицированных и дееспособных молодых людей. Произошедшая трансформация половозрастной структуры населения не соответствует потребностям отраслевой специализации территории, увеличивается социально-экономическая нагрузка на бюджеты муниципалитетов, что говорит о недостаточном внимании государства к проблемам Севера. Перспективы экономического развития Севера требуют пересмотра всей политики государства по отношению к северным территориям, населению, там проживающему; совершенствования градостроительной политики и политики расселения населения [13]. Необходимо объединить интересы всех заинтересованных сторон: государства, экономических субъектов и населения в сторону согласования общественных и экономических интересов территории, формирования социально-экономической политики способной остановить отток населения и создания комфортных условий для жизни и работы северян.

Как вариант/альтернатива замещения выбывающего населения мог бы стать вахтовый метод организации труда [12, с. 304–307], где ведущую роль играли бы не крупные корпорации, а государство и региональные правительства.

Источники и литература

1. Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Central-Asian minorities in Russia in 21 century: Dynamics, structure and new areas for migration // Acta Historica Neosoliensia. Vedecký časopis pre historické vedy. 16/2013. Vol. 1–2. P. 200–204.
2. Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф., Рожкин Е.Н. Коми край в XV–XX веках: административно-территориальное деление и этнодемографические процессы. Сыктывкар, 2001. 48 с.
3. Жеребцов И.Л., Фаузер В.В. Демографические процессы в Коми в XX веке. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2000. 36 с.
4. Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Вишнякова Д.В. Сельское население Коми в середине XIX – XX веке: расселение, состав, численность. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2005. 220 с.
5. История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар: Анбур, 2011. Т. 2.
6. Лыткина Т.С. Социальный потенциал северного города: от игнорирования к признанию // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 3. С. 33–47.
7. Лыткина Т.С. Человек на Севере после распада СССР: от признания к игнорированию // Известия Коми научно-го центра УрО РАН. 2014. № 3 (19). С. 144–151.
8. Лыткина Т.С. Экономическое поведение «новых бедных» в условиях социальной трансформации: Дис. на соиск. уч. ст. канд. соц. наук. М.: ИС РАН. 2005. 177 с.
9. От первобытных стоянок – к городам. Очерки истории заселения Республики Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2014. 296 с.
10. Подошлов В.П., Фаузер В.В., Жеребцов И.Л. Население Республики Коми на рубеже веков: исторический опыт и перспективы развития // XXI век: взаимодействие языков и культур (бесконфликтное существование). Материалы республиканской научно-практической конференции. Сыктывкар, 1999. С. 45–52.
11. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н., Залевский В.А. Население северных регионов: от количественных показателей к качественному измерению / Отв. ред. д.э.н., профессор В.В. Фаузер. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Соколова, 2016. 236 с. (Б-ка демографа. Вып. 17).
12. Фаузер В.В., Лыткина Т.С. Вахтовый метод и демографический потенциал Российского Севера // Управленческие аспекты развития Северных территорий России: материалы Всерос. науч. конф. (20–23 октября 2015 г., Сыктывкар): в 4 ч. Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2015. Ч. 2. С. 302–307.
13. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Особенности расселения населения в Арктической зоне России // Арктика: экология и экономика. 2016. № 2. С. 40–50.
14. Фаузер В.В. Оценка роли миграций в формировании населения Республики Коми // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ (электронный журнал). 2014. № 4. С. 170–183.
15. Фаузер В.В. Теория и практика исследования миграционных процессов // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ (электронный журнал). 2013. № 3.
16. Этнический фактор в демографическом развитии Республики Коми (середина XIX – начало XXI века). Очерки истории народонаселения. Сыктывкар, 2006. 184 с.

М.А. Шишкина*

Репродуктивные установки и факторы ограничения рождаемости населения Республики Коми в разные периоды современной демографической истории**

Представлено сравнение репродуктивных установок населения Республики Коми в разные периоды современной демографической истории. Проинтерпретированы причины сложившейся динамики. Установлен характер влияния трансформации репродуктивных установок на демографическую ситуацию региона. Проанализированы факторы ограничения рождаемости, выявленные в результате проведения двух социологических опросов в Республике Коми в 1993 и в 2013 гг.

Ключевые слова: репродуктивное поведение, репродуктивные установки, факторы ограничения рождаемости, демографическая ситуация, демографическая политика

М.А. Shishkina

The reproductive attitudes and the factors of the fertility limitation of the population of the Komi Republic in the different periods of modern demographic history

Comparison of the reproductive attitudes of the population of the Komi Republic in the different periods of modern demographic history was presented. The causes of fixed dynamics were described. The character of influence the transformation of reproductive attitudes on the demographic situation of the region was defined. The factors of the fertility limitation, identified on the basis of two sociological surveys in the Komi Republic in 1993 and 2013 were analyzed.

Key words: reproductive behavior, reproductive attitudes, the factors of fertility limitation, demographic situation, demographic policy

Репродуктивные нормы являются основанием для формирования потребности в детях на каждом конкретном этапе социально-экономического развития общества и трансформируются во времени, адаптируясь к новым историческим реалиям. Как изменились репродуктивные установки и факторы ограничения (откладывания) рождаемости населения Республики Коми за практически двадцатилетний период возможно оценить, воспользовавшись результатами ряда социологических исследований. Первое – микроперепись населения 1994 г. Содержит сведения о репродуктивных установках женщин разного возраста. Второе – социологический опрос о факторах ограничения рождаемости, проведенный сотрудниками кафедры организации и планирования производства СыктГУ в 1993 г. среди 299 женщин г. Сыктывкара, находящихся в фертильном возрасте. Третье – социологический опрос репродуктивных установок населения, проведенный в 2013 г. коллективом сотрудников Института ИСЭиЭПС Коми НЦ УрО РАН. В его рамках было опрошено 795 чел. репродуктивного возраста в 20 муниципальных образованиях Республики Коми: 74,1% женщин и 25,9% мужчин.

Показатель «среднее ожидаемое число детей» является более точным индикатором репродуктивных установок. Данный показатель отражает, какое число детей планирует индивид в конкретных жизненных условиях, «в одном из новых подходов ожидаемое число детей анализируется применительно к конкретному горизонту планирования, а не на весь репродуктивный период» [1]. Результаты микропереписи 1994 г. показали, что размер среднего ожидаемого числа детей убывает от более старших к более младшим возрастным когортам женщин в репродуктивном возрасте (табл. 1).

* Шишкина Мария Александровна (Сыктывкар) – младший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, shishkina@iespn.komisc.ru/

** Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-02-00355 «Влияние федеральных и региональных мер демографической политики на репродуктивные установки населения и перспективы рождаемости»).

Таблица 1

**Среднее ожидаемое число детей
у женщин разного возраста в Республике Коми
(Микроперепись населения 1994 г.)**

Возраст, лет	Среднее ожидаемое число детей
18–19 (1975–1976 гг. рождения)	1,37
20–24 (1970–1974 гг. рождения)	1,45
25–29 (1965–1969 гг. рождения)	1,67
30–34 (1960–1964 гг. рождения)	1,91
35–39 (1955–1959 гг. рождения)	2,0
40–44 (1950–1954 гг. рождения)	2,04

По сравнению с 1980 г. к 1993 г. по всем возрастам «ожидаемое число детей уменьшилось с 2,0 до 1,6, что явно подтверждает суженый характер воспроизводства» [2, с. 25]. Только у поколений 1950–1954 гг. рождения и 1955–1959 гг. рождения уровень репродуктивных ожиданий был наиболее приближен к норме, необходимой для простого воспроизводства населения, которая составляет не менее 2,1–2,2 ребенка [3]. Репродуктивные установки женщин в возрасте 18–29 лет, которые являлись в период середины – конца 1990-х гг. наиболее активными объектами реализации фертильности, находились на уровне

малодетности в самом строгом понимании. Сокращение репродуктивных установок населения отражалось на итоговых показателях рождаемости, низкий уровень которой наравне с ростом уровня смертности вносил определяющий вклад в формирование процессов депопуляции населения в период с 1993 по 2010 г.

В Республике Коми суммарный коэффициент рождаемости стал неуклонно снижаться с 1988 г. (табл. 2).

Таблица 2

Динамика суммарного коэффициента рождаемости в России и в Республике Коми, 1990–2013 гг.

Год	Российская Федерация	Республика Коми	Год	Российская Федерация	Республика Коми
1985	2,06	2,22	2000	1,20	1,21
1986	2,11	2,32	2001	1,22	1,27
1987	2,19	2,31	2002	1,29	1,37
1988	2,13	2,11	2003	1,32	1,4
1989	2,01	1,93	2004	1,34	1,42
1990	1,89	1,83	2005	1,29	1,37
1991	1,73	1,71	2006	1,30	1,38
1992	1,55	1,57	2007	1,42	1,5
1993	1,39	1,4	2008	1,50	1,56
1994	1,40	1,36	2009	1,54	1,62
1995	1,34	1,28	2010	1,57	1,64
1996	1,27	1,26	2011	1,58	1,71
1997	1,22	1,19	2012	1,69	1,88
1998	1,23	1,26	2013	1,71	1,97
1999	1,16	1,17	2014	–	2,02

Источник: [4]; [5, с. 44]; [6, с. 21]; [7, с. 30].

В 1998 г. годовой темп прироста суммарного коэффициента рождаемости приобрел положительную динамику, повысившись до 1,26 рождений. Далее в 1999 г., снизившись по сравнению с 1998 г. на 7,14%, суммарный коэффициент рождаемости достиг самого низкого за все годы демографического кризиса значения – 1,17 рождений на одну женщину. Только с начала 2000-х гг. он принял динамику к поступательному росту. В период 1994–1997 гг., несмотря на действующие региональные инициативы в области демографической политики, суммарный коэффициент рождаемости в Республике Коми был стабильно ниже его значений в целом по России. С 1998 г. он стабильно превышает величину среднероссийских показателей. Со второго десятилетия 2000-х гг. дифференциация в суммарном коэффициенте рождаемости между региональным и общероссийским уровнем увеличивается год от года: в 2011 г. суммарный коэффициент рождаемости в Республике Коми превышал общероссийский уровень на 8,2%, в 2012 г. – на 11,2%, а в 2013 г. – на 15,2%.

Формирование у населения активных репродуктивных возрастов стандартов в области детности на низком уровне в первой половине 1990-х гг. стало следствием ряда причин. К ним, прежде всего, нужно отнести окончательный переход в конце 1980-х – начале 1990-х гг. населения Республики Коми к малодетности, который произошел почти на двадцать лет позже в сравнении с общероссийским уровнем [8, с. 146]. Во второй половине 1980-х гг. были запущены процесс перестройки, изменение экономической системы, переход к рыночному механизму хозяйствования, сопровождающиеся продолжительным социально-экономическим кризисом. В этот же период произошло свертывание активной государственной просемейной политики, реализуемой в стране с 1981 г. на основании Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 235 от

22.01.1981 г. «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей». Также во второй половине 1980-х гг. в стране, в том числе через средства массовой информации, происходило распространение ценностей индивидуализма, самовыражения, ценностей внесемейного порядка. В этих условиях происходило не только откладывание рождения (еще) детей на более поздние сроки, но и сокращение самих репродуктивных установок населения.

Результаты исследования репродуктивных установок населения, проведенного практически спустя двадцатилетие после микропереписи 1994 г. – в 2013 г., зафиксировали репродуктивные ожидания респондентов

Таблица 3 репродуктивных возрастов на более высоком уровне (табл. 3).

**Среднее ожидаемое число детей у женщин
разного возраста в Республике Коми в 2013 г.**

Возраст, лет	Среднее ожидаемое число детей
Все возрасты	2,13
15–19 лет (1994–1998 гг. рождения)	2,22
20–24 лет (1989–1993 гг. рождения)	2,07
25–29 лет (1984–1988 гг. рождения)	2,17
30–34 лет (1979–1983 гг. рождения)	2,14
35–39 лет (1974–1978 гг. рождения)	2,11
40–44 лет (1969–1973 гг. рождения)	2,08
45–49 лет (1964–1968 гг. рождения)	2,18

Благоприятно, что в отличие от микропереписи 1994 г., которая зафиксировала поступательное снижение репродуктивных установок от более старших к более младшим возрастным когортам, в 2013 г. репродуктивные ожидания достигают самых высоких значений как в старших, так и в средних возрастных когортах и даже достигают максимума среди самых молодых репродуктивных возрастов. Репродуктивные ожидания в среднем по массиву опрошенных и у большинства возрастных когорт в 2013 г. находятся на уровне, приемлемом для замещения поколений. Только у когорт 1969–1973 гг.

и 1989–1993 гг. рождения репродуктивные планы незначительно ниже этой нормы. Возросшие стандарты репродуктивного поведения отразились на итоговых показателях рождаемости. Если в 2006 г. до введения материнского (семейного) капитала на федеральном уровне, суммарный коэффициент рождаемости (1,38) был на 34,3% ниже нормы, приемлемой для замещения поколений, то в 2013 г. суммарный коэффициент рождаемости (1,97) был ниже этой нормы на 6,2%, в 2014 г. – на 3,8%. В период 2011–2014 гг. в Республике Коми отмечен естественный прирост населения. При этом с начала 2010-х гг. ухудшение структуры фертильных контингентов оказывает негативное воздействие на рождаемость.

Сравнивая среднее ожидаемое число детей между двумя исследованиями 1994 и 2013 гг., видим, что даже в рамках малодетного образа жизни, данный показатель может сильно различаться. Если микроперепись населения 1994 г. происходила в условиях социально-экономического кризиса, то 2013 г. характеризовался относительной стабилизацией ситуации в экономике страны. Ожидания в области детности поколений фертильных возрастов на момент микропереписи 1994 г. формировались, корректировались с учетом условий жизни и реализовывались в условиях прекращения активной просемейной государственной политики, а с середины первого десятилетия 2000-х гг., наоборот, в стране началось расширение спектра мероприятий демографической и семейной политики. С 1 января 2007 г. вторые и последующие рождения (усыновления) стали стимулироваться посредством федерального материнского (семейного) капитала. С 29 апреля 2011 г. федеральные мероприятия в Республике Коми были усилены региональным уровнем – началось стимулирование третьих и последующих рождений на основании выплат регионального материнского капитала, издан и реализуется целый ряд иных законодательных актов по улучшению положения семей с детьми.

Увеличение репродуктивных установок населения в начале второго десятилетия 2000-х гг. отразилось на росте интенсивности рождаемости: произошли сдвиги в календаре рождений в сторону более ранней реализации рождений, особенно второй и третьей очередности, с целью получения гарантий государства, полагающихся семьям с детьми в период действия современной государственной демографической политики. Нереализованные в кризисный период 1990-х гг. репродуктивные установки получили импульс для воплощения, о чем свидетельствует увеличение уровня рождаемости у женщин средних и, особенно, старших репродуктивных возрастов. Значительно увеличилась доля вторых и третьих, а также, но не столь существенно, доля четвертых и последующих рождений в общей структуре рождаемости.

Обратимся к описанию изменения факторов, влияющих на ограничение детности в различные периоды современной демографической истории в Республике Коми. Одной из задач проведенного в 1993 г. социологического опроса женщин фертильного возраста г. Сыктывкара было получение мнений и суждений о том, какие факторы побуждают отказаться респондентов от рождения (еще) детей с помощью вопроса «Если Вы не хотите иметь больше детей, укажите, какие причины останавливают Вас?» (табл. 4).

Мотивы ограничения рождаемости детей, 1993 г.

Наименование мотива	Количество ответов
Не позволяет здоровье, возраст	160
Не уверены в прочности брака	145
Женщина занята на производстве	112
Необходимость закончить учебу, получить специальность	97
Не рассчитываем на помощь родственников в уходе за ребенком	77
Не хочу сталкиваться с недостатками систем обслуживания детей	75
Супруг пьет	69
Появление ребенка ограничит возможность заниматься любимым делом	57
Появление ребенка ухудшит материальные условия	37
Дети часто болеют	36
При рождении ребенка не оказывается достаточная материальная помощь	33
Неравномерно распределены семейные обязанности между супругами	29
Останавливают трудности ухода за детьми	22
Не позволяют жилищные условия	22

Источник: [9, с. 52].

Как видно, главной причиной ограничения рождаемости женщин г. Сыктывкара в 1993 г. были неудовлетворительное состояние здоровья, возраст. Можно было бы предположить, что объединение двух данных мотивов – «возраст» и «здоровье» – могло повлечь за собой ситуацию, когда респонденты выбирали ответ «возраст», так как уже закончили реализацию фертильности, но обладали при этом удовлетворительным состоянием здоровья. Однако в выборке доля тех, кто реально к этому периоду мог завершить свой репродуктивный период, имела низкий удельный вес: в возрасте 30–34 лет было 15,8%, 35–39 лет – 7,7%, 40–49 лет – 1,3% опрошенных. Данный мотив отказа от рождения (еще) детей называли не только женщины старшего репродуктивного возраста, но и около 60% респондентов в возрасте 16–34 лет указали мотив «здоровье», что свидетельствовало о неблагоприятном состоянии медицинского обслуживания и уровня здравоохранения [9, с. 58]. Полученные данные отражали наличие функциональных нарушений в репродуктивной функции у значительной части женщин активных репродуктивных возрастов.

Второе место занимает такой мотив ограничения рождаемости, как неуверенность в прочности брака. Динамика разводимости в Республике Коми показывает, что если в период 1980-х гг. показатель разводов был стабильным, то в период 1992–1995 гг. он начал расти. Далее динамика разводов имела разнонаправленный характер, но показатели разводов преимущественно не были выше значений, наблюдающихся в период 1992–1995 гг. Третье место среди причин отказа от рождения (еще) детей принадлежит такому мотиву, как «занятость женщины на производстве». С одной стороны, это отражает то, что женщины стремились к самореализации, с другой – не хотели оставить производство, так как работа является источником дохода. Социально-экономический кризис в стране, обострение проблем сокращений и безработицы также повышали значимость наличия постоянной занятости для женщин.

**Мотивы ограничения рождаемости населения
в Республике Коми, 2013 г.**

Наименование мотива	Валидный процент
Возраст уже не тот	35,4
Уже достаточно	22,3
Не позволяет уровень доходов	16,6
Не позволяют жилищные условия	9,2
Не позволяет состояние здоровья	8,6
Неудовлетворительные отношения с мужем (женой)	1,3
Нет мужа (жены)	1,3
Иное	5,4
Итого	100,0

Таблица 5

По результатам исследования 2013 г. на вопрос «Ожидаете ли Вы, что в Вашей семье (у Вас) в ближайшее время родится еще один ребенок (дети)?» 37,1% респондентов репродуктивного возраста ответили «нет, ни при каких условиях». При этом 37,5% респондентов решатся на рождение, но при определенных условиях, главными из которых являются улучшение материальных условий (27,8%), для незамужних (неженатых) респондентов – заключение брака

(24,4%), а также улучшение жилищных условий (21,3%). Решили бы на рождение (еще) ребенка в ближайшее время и не имели ограничивающих для этого условий 15,5% опрошенных, решились бы на рождение (еще) ребенка и не одного – 4,3% респондентов, 5,7% респондентов не дали ответа на вопрос. Далее следовал вопрос о факторах ограничения рождаемости, он был сформулирован следующим образом: «Если Вы не ожидаете, что в Вашей семье (у Вас) в ближайшее время родится еще один ребенок (дети), то почему?» (табл. 5).

Анализ распределения мотивов ограничения рождаемости по возрастным группам показал, что вариант ответа «возраст уже не тот» в 74,8% случаев выбирали женщины в возрасте 40–49 лет. Что вполне обосновано, так как к этому возрасту большинство женщин заканчивают реализацию фертильности. Вариант ответа «уже достаточно» чаще выбирали женщины в возрасте 30–44 года. На момент опроса 15,7% женщин репродуктивного возраста, выбравших такой ответ, имели одного ребенка, 64,3% – двоих детей, 12,9% – троих детей, 4,3% – четыре ребенка. У 2,9% респондентов в возрасте 15–19 лет детей не было, выбор такого варианта ответа в этом случае может быть связан с отдаленным горизонтом планирования детей, а также с установкой на бездетность. Третье место занял такой мотив отказа от рождения в ближайшее время (еще) детей, как «неудовлетворительный уровень доходов». Наиболее часто выбирали такой ответ женщины в возрасте 20–24 года (28,8% ответов от общей совокупности ответов по всем возрастам) и женщины в возрасте 35–39 лет (19,2%). Жилищная проблема является наиболее острой для возрастной группы 20–24 года (51,7%), она имеет немаловажное значение для группы женщин 25–29 лет (20,7%) и для группы 35–39 лет (17,2%). Тот факт, что материальные и жилищные факторы ограничения рождаемости к 2013 г. увеличили свое влияние по сравнению с исследованием 1993 г., свидетельствует, с одной стороны, об отсутствии возможности у населения репродуктивного возраста удовлетворять потребность в детях в полном объеме с учетом реально располагаемых доходов в условиях рыночной экономики. С другой стороны, выявленный в 2013 г. приоритет материальных мотивов ограничения рождаемости может являться отражением усиления значимости демографических потребностей в структуре ценностных ориентаций населения. Семейные ценности все больше конкурируют с принимающими многообразие внесемейными ценностями, потребность в детях – с «новыми, не присущими традиционному обществу демографическими потребностями» [10].

Опрос показал, что проблема со здоровьем как фактор ограничения рождаемости у женщин актуализируется, начиная со среднего репродуктивного возраста: из совокупности выбравших такой мотив 18,5% были в возрасте 30–34 года, 25,9% – в возрасте 35–39 лет, 22,2% – в возрасте 40–44 лет, 18,5% – в возрасте 45–49 лет. Такие мотивы отказа от деторождения в ближайшей перспективе, как «неудовлетворительные семейные отношения» и «нет мужа/жены» не вошли в число приоритетных. Из числа не планировавших в скором времени детей и выбравших ответ «иное», 82,3% были в возрасте 15–24 лет и отмечали, что до рождения детей «надо закончить учебу», «возраст еще не тот – рано».

Таким образом, несмотря на то, что реальное число детей всегда имеет отклонения в ту или иную сторону от ожидаемого, проведенное исследование позволило установить: динамика ожидаемого числа детей достаточно наглядно отражает тенденции изменения уровня рождаемости. Снижение стандартов репродуктивного поведения в первой половине 1990-х гг. стало одним из факторов длительной естественной убыли населения. Возросшие до уровня, минимального для замещения поколений, репродуктивные установки населения во втором десятилетии 2000-х гг. внесли свой вклад в предотвращение запуска депопуляции уже в условиях ухудшения структуры фертильных контингентов, в повышение интенсивности рождаемости, отразившейся на росте ее суммарного коэффициента. В обоих исследованиях принимали участие женщины как в молодых, так и в средних и старших репродуктивных возрастах. Это обусловило лидерование биологических (возраст) мотивов ограничения рождаемости по результатам двух представленных опросов. Различия в методологии опроса не позволили оценить динамику значимости ряда мотивов: например, в 1993 г. такой мотив ограничения рождаемости как «занятость женщины на производстве» был на третьем месте, а в опросе 2013 г. такого подсака не содержалось. Тем не менее, судя по ответам респондентов видно, что к 2013 г. повысилась значимость материальных мотивов отказа от рождения (еще) детей в ближайшей перспективе, зато снизилась частота влияния внутрисемейных мотивов, а также мотивов, связанных с неудовлетворительным состоянием здоровья, побуждающих ограничивать уровень детности.

Источники и литература

1. Тынди́к А.О. Репродуктивные установки населения в современной России // Демоскоп. URL: demoscope.ru/weekly/2013/0553/analit01.php
2. Фаузер В.В. Рождаемость: динамика, проблемы, перспективы / Республика Коми: демография, социальная политика, занятость: Коллективная монография / Отв. ред. А.И. Терентьев. Сыктывкар: Сыкт. ун-т, 1996. С. 16–25.
3. Борисов В.А. Демографическая ситуация в современной России // Демографические исследования. 2005. – Режим доступа: <http://demographia.net/demograficheskaya-situaciya-v-sovremennoy-rossii>
4. Демографический ежегодник России – 2009 г.; 2014 г. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312
5. Демографический ежегодник Республики Коми – 2015. Сыктывкар: Комистат. 200 с.
6. Попова Л.А. Сущность, причины и последствия современного демографического кризиса. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 203 с.

7. Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар, 2001. 124 с.
8. Попова Л.А. Демографическая политика в Северных регионах России: особенности и приоритеты // Регион: экономика и социология. 2010. № 3. С. 136–153.
9. Ныrkова С.В., Терентьев А.И. Исследование мотивов ограничения рождаемости детей в г. Сыктывкаре / Республика Коми: демография, социальная политика, занятость: Коллективная монография / Отв. ред. А.И. Терентьев. Сыктывкар: Сыкт. ун-т, 1996. С. 48–58.
10. Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество. М.: Финансы и статистика, 1982. 287 с.

*В.В. Тихомирова**

**Социально-демографические проблемы
финансовых инвестиций и государственной поддержки граждан
старше трудоспособного возраста северных регионов****

В статье прогнозируется высокий прирост численности населения граждан старше трудоспособного возраста северных регионов, что приведет к значительному увеличению государственных финансовых инвестиционных расходов местных бюджетов на социальную поддержку пожилых людей. Предлагается адресное предоставление государственных социальных инвестиций лишь тем домохозяйствам, фактическое потребление которых находится ниже величины прожиточного минимума.

Ключевые слова: граждане старше трудоспособного возраста; государственные финансовые инвестиции; социальная поддержка; прожиточный минимум; адресная помощь

V.V. Tikhomirova

**Socio-demographic problems of financial investments and state support
of the senior citizens northern regions**

The article projected high increase in the number of older citizens of working age population of the northern regions, which will lead to a significant increase in public financial investment expenditures of local budgets for social support to the elderly. It is proposed to address the provision of public social investment only to those households whose actual consumption is below subsistence level.

Key words: citizens of working age; public financial investment; social support; living wage; targeted assistance

Государственная финансовая поддержка граждан старшего поколения – одно из ключевых направлений повышения продолжительности жизни, а значит, и решения социально-демографических проблем в России. Среди основных факторов, обуславливающих активное долголетие граждан пожилого возраста – эффективная система их социального обслуживания и развитие сферы социальных услуг. Отсюда, привлечение финансовых инвестиций, в том числе частных, в развитие социальных служб, модернизацию учреждений социального обслуживания граждан пожилого возраста является приоритетным направлением.

Тенденция старения населения, характерная для страны в целом, становится актуальной и для северных округов. На фоне прироста населения моложе трудоспособного возраста и значительного увеличения доли лиц пенсионного возраста практически по всем регионам заметно *сократится население трудоспособного возраста*.

Максимальное сокращение численности населения трудоспособного возраста будет наблюдаться в Чукотском АО (на 21,8%), Архангельской (на 15,8%) и Сахалинской (на 15,6%) областях, Республике Карелии (на 14,5%) и Республике Коми (на 14,1%). Лишь в Ямало-Ненецком АО число этой группы увеличится на 2,2% и составит 374,8 тыс. чел. В целом по регионам Севера численность данной категории граждан к 2020 г. сократится на 9,3% и составит 4,5 млн. чел. Отсюда к 2020 г. *прогнозируется высокий прирост численности населения пенсионного возраста* по всем северным территориям. Особенно значительные темпы роста численности населения старше трудоспособного возраста будут наблюдаться в Ямало-Ненецком (75,9%), Ханты-Мансийском (74,2%), Ненецком АО (47,5%) и Республике Саха (37,0%). В остальных регионах этот показатель будет колебаться от 12% (Сахалинская область) до 18,6% (Камчатский край). Исключение составит Чукотский АО, где по прогнозу Росстата число лиц пенсионного возраста сократится на 1,9% (табл.1).

* **Тихомирова Валентина Валентиновна** (Сыктывкар) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории финансово-экономических проблем, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, 167982 Россия, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26, tikhomirova@iespn.komisc.ru

** Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН № 14 «Фундаментальные проблемы региональной экономики», проект 15-14-7-12 «Инновационный потенциал северных регионов России: оценка и перспективы развития», научный руководитель Ю.А.Гаджиев.

Наблюдаются нарастание естественной убыли населения, несоответствие между сокращающейся активной частью трудовых ресурсов и размерами территорий северных регионов, увеличение доли граждан «старше трудоспособного возраста», отличительной чертой которых является то, что большая их часть относится к финансово несостоятельной группе населения с доходами ниже величины прожиточного минимума и т.д. Снижаются показатели уровня и качества жизни населения данной категории граждан – от показателя продолжительности жизни до показателей состояния здоровья и уровня инвалидности жителей Севера.

В результате в силу демографических процессов *среднегодовая численность населения регионов Севера* в период 2012–2020 гг., подпадающего под действие системы социальных гарантий, *будет объективно увеличиваться*. Это будет связано как с ростом числа лиц моложе трудоспособного возраста (в среднем на 1,0%), так и с общим постарением населения, увеличением численности лиц граждан пожилого возраста на 2,9%.

Темпы прироста численности населения в возрасте старше трудоспособного к 2010 г., %

Регионы	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Россия	4,0	6,0	8,2	10,5	12,6	14,4	16,1	17,9	19,6
Регионы Севера	7,0	10,5	14,1	17,6	20,7	22,8	25,0	27,1	29,2
Республика Карелия	3,7	5,7	7,8	10,0	11,9	13,2	14,5	15,8	17,1
Республика Коми	4,9	7,2	9,6	12,0	13,9	15,1	16,2	17,4	18,5
Архангельская область	4,3	6,3	8,6	10,8	12,6	13,7	14,9	16,1	17,3
Ненецкий АО	11,9	16,9	22,0	27,1	32,2	36,0	39,8	43,6	47,5
Мурманская область	4,7	7,0	9,4	11,5	13,2	13,9	14,6	15,3	16,0
Ханты-Мансийский АО	15,9	23,8	32,4	41,0	48,9	55,2	61,6	67,9	74,2
Ямало-Ненецкий АО	16,6	25,2	34,2	43,4	51,9	57,9	63,9	69,9	75,9
Республика Саха	8,3	12,5	16,7	21,0	25,2	28,2	31,1	34,1	37,0
Камчатский край	5,2	7,7	9,9	12,0	13,9	15,1	16,3	17,4	18,6
Магаданская область	6,2	9,2	11,7	13,6	15,0	15,6	16,1	16,7	17,2
Сахалинская область	4,9	6,7	8,8	10,2	11,2	11,4	11,6	11,8	12,0
Чукотский АО	3,8	5,7	7,5	7,5	5,7	3,8	1,9	0,0	-1,9

Источники: *Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 года. Стат. бюллетень. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.gks.ru/doc_2010/bul_dr/progn_09.zip; Итоги всероссийской переписи населения 2010 г. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol2/pub-02-03.xlsx [1]; расчеты автора.*

Так, например, в Республике Коми за период с 1991 по 2014 г. вследствие демографических процессов произошло увеличение абсолютной численности и доли лиц старше трудоспособного возраста с 132,8 до 172,0 тыс. чел. (с 10,7% до 19,7%). За период 2006–2013 гг. удельный вес числа жителей старше трудоспособного возраста вырос с 15 до 20% (рис. 1), при падении как доли лиц трудоспособного возраста, так и общего числа жителей [2].

«Накопление» населения пожилого и старческого возраста будет увеличиваться и в перспективе. Согласно прогнозу Росстата, в период до 2020 г. в республике будет продолжаться увеличение численности населения моложе трудоспособного возраста до 19,3% (в 2015 г. 19,1%) и увеличение численности населения старше трудоспособного возраста, доля которого составит 23,3% в структуре населения Республики Коми. Удельный вес лиц в возрасте 65 лет и старше увеличится до 12,2%. При ожидаемом снижении общей численности населения региона на 7,8% старение означает рост проблем трудоустройства экономики, нарастание проблем бюджетной обеспеченности и экономического благополучия граждан [3].

Причину падения экономического потенциала трудовых ресурсов Республики Коми, как и других северных регионов России, видят в снижении привлекательности территории как места приложения своего труда и жизнедеятельности в целом, связанное преимущественно с экономическими причинами [4]. В условиях галопирующей инфляции 1990-х гг. финансовые стимулы перестали служить стимулом переезда в северные регионы; выезжали, в основном, экономически активные граждане трудоспособного возраста. Кроме этого, переходные процессы и трансформационный спад негативно отразились на показателях деятельности крупных производств, являющихся отличительной чертой северных экономик.

Во многом опасность деградации человеческого капитала связывают и с отраслевой структурой экономики (на долю промышленности приходится около 50% ВРП Республики Коми), в рамках концепций голландской болезни [5]. Так, отток капитала и труда в добывающие и связанные с ними отрасли, снижение конкурентоспособности других отраслей тормозят развитие экономики, что не может не сказываться на качестве человеческого капитала путем снижения спроса на квалифицированный труд как со стороны работодателей, так и путем снижения спроса на услуги образования со стороны домохозяйств.

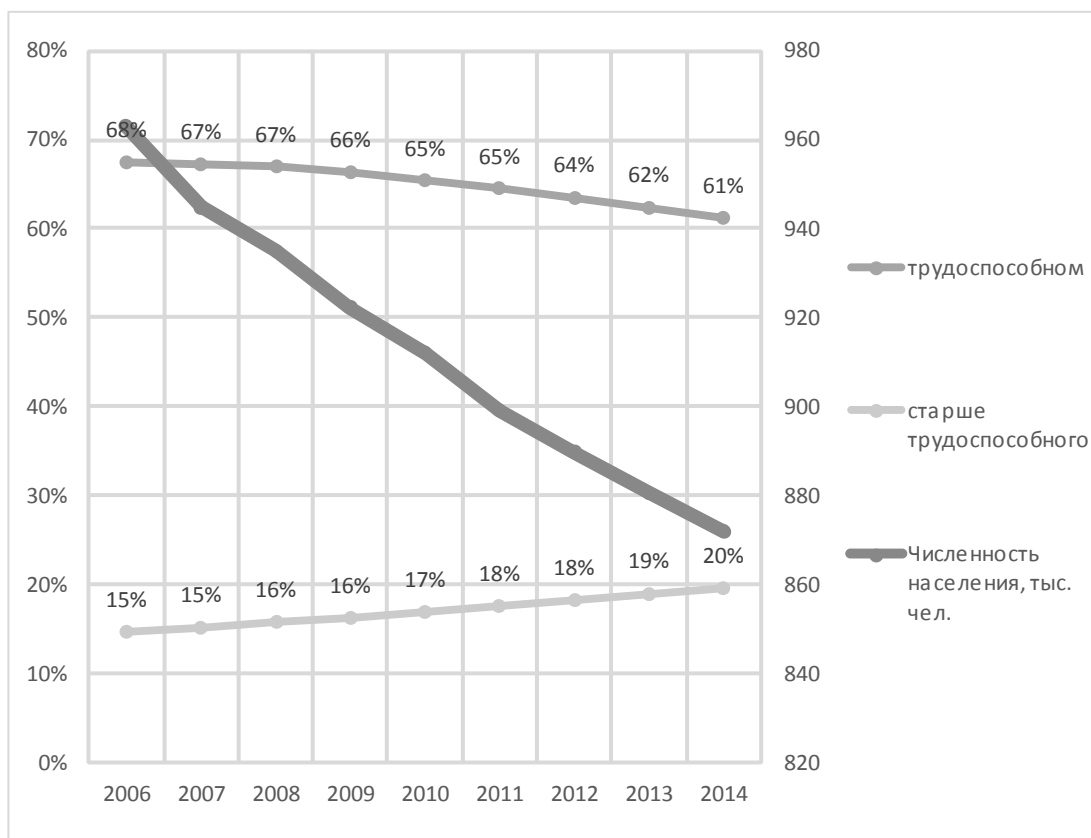

Рис. 1. Возрастная структура численности населения Республики Коми, на 1 января, %.
Источник: Статистический ежегодник РК 2014, раздел 4, с. 1; расчеты Е.Н. Тимушева [6].

Также есть точка зрения, что обладание некоторыми видами природных ресурсов увеличивает экономическое неравенство населения, а сильное неравенство снижает уровень инвестиций в физический, и особенно человеческий капиталы, и таким образом замедляет экономический рост [7].

Это приведет к значительному увеличению государственных финансовых инвестиционных расходов местных бюджетов на социальную поддержку пожилых людей: доведение уровня доходов неработающих пенсионеров до величины прожиточного минимума, выплату льгот и компенсаций, социальное обслуживание граждан пожилого возраста.

В силу демографических причин (естественной убыли) расходные обязательства бюджетной поддержки РФ будут неуклонно сокращаться, а субъектов РФ значительно расти. Отсюда, в ходе реализации Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ, в части предоставления мер социальной поддержки региональным льготным категориям, наметилась тенденция увеличения всех категорий льготников, особенно благодаря естественному приросту численности граждан пожилого возраста, удостоенных звания «Ветеран труда». На эту льготную категорию населения приходится наибольший объем расходов региональных бюджетов [8].

Поэтому основное бремя социальной поддержки населения будут нести местные органы власти.

Таким образом, наиболее острой проблемой, определяющей весь характер социально-экономических отношений между государством и обществом, является несбалансированность ресурсов и обязательств на всех уровнях бюджетной системы РФ. Перед федеральной властью стоит задача путем межбюджетного выравнивания способствовать повышению эффективности системы социальной защиты населения, уменьшению социальной дифференциации в интересах сокращения бедности. Поэтому основным методом социальной защиты в целом и социальной поддержки в частности, должно стать адресное предоставление социальной помощи лишь тем домохозяйствам, фактическое потребление которых находится ниже величины прожиточного минимума. Практика функционирования системы социальных выплат в регионах показывает, что единственно возможный путь повышения ее эффективности – безотлагательное введение принципа адресности. Понятие «адресность» в данном контексте означает ограничение круга получателей социальной поддержки конкретной целевой группой в зависимости от приоритетов социальной политики государства на данном этапе. В данном случае принцип адресности является противовесом «категорийному подходу», когда социальная помощь предоставляется гражданам по их формальной принадлежности к той или иной социальной (профессиональной или социально-демографической) группе населения без учета фактора нуждаемости. Усиление адресности социальной помощи предполагает принятие законодательных и организационных мер по ограничению круга получателей социальной поддержки малоимущими семьями и малоимущими одиноко проживающими гражданами. Соответствующие бюджетные ресурсы будут формироваться за счет сокращения безадресных форм помощи, а также социально неоправданных льгот и выплат [9].

Следует отметить, что льготы, предоставляемые гражданам за особые заслуги – Героям России и Советского Союза, полным кавалерам ордена Славы, инвалидам и участникам Великой Отечественной войны – должны быть сохранены. Возможность пользования другими льготами необходимо поставить в зависимость от дохода их получателей.

В связи с этим размеры социальных выплат должны быть *согласованы с финансовыми возможностями регионов*, и актуальным становится критерий общественной целесообразности в осуществлении социальной защиты граждан. Он требует строгого определения контингента тех, кто по объективным причинам полностью или частично лишен возможности к самообеспечению и имеет доход ниже величины прожиточного минимума. Отсутствие должного учета реальной нуждаемости и сохранение уравнительности влекут за собой малоэффективность социальной поддержки, поскольку она неоправданно растекается по огромному числу ее потребителей.

Источники и литература

1. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 года. Стат. бюллетень. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.gks.ru/doc_2010/bul_dr/progn_09.zip; Итоги всероссийской переписи населения 2010 г. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol2/pub-02-03.xlsx
2. Тихомирова В.В. Методология и механизмы финансового обеспечения системы социальной поддержки населения регионов зоны Севера // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2013. № 1 (25). С. 123.
3. URL: <http://www.gks.ru...>
4. Котырло Е.С. Человеческий капитал северных регионов // ЭКО. 2008. № 11. С. 68–79.
5. Полтерович В., Попов В., Тонис А. Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // Вопросы экономики. 2007. № 6. С. 4–27.
6. Гаджиев Ю.А. Модернизация инновационно-инвестиционной системы северных регионов России: проблемы и перспективы, ИСЭиЭПС Коми НЦ УрО РАН, научно-исследовательская работа (НИР) фундаментальная, регистрационный номер НИОКТР01201352733, дата регистрации – 22/02/2013, Тимушев Е.Н., параграф 7.1., 7.2.
7. Мишура А.В. Ресурсозависимость и качество институтов в регионах России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2010. № 6. С. 82–96.
8. Библиотека журнала «Социальная защита». Закон о ветеранах (в новой редакции). М.: Соционимия, 2005. 111с.
9. Байгереев М. Бедность и политика адресной социальной помощи малоимущим семьям // Человек и труд. 2001. № 1.
10. Центральная база статистических данных. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi>.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДОЛОГИЯ

УДК 930.2:314:35.08(470.13-25)"17/18"

*В.В. Сморгунов**

Исповедальные ведомости города Усть-Сысольска как источник по демографии государственных служащих уездного уровня в конце XVIII – первой трети XIX века**

Анализируются источники, позволяющих осветить численно-возрастной состав чиновничества Усть-Сысольского уезда. исповедальные ведомости представляют собой достаточно подробные материалы, которые с учетом выявленных недостатков позволяют отследить изменения, происходившие в среде уездного чиновничества.

Ключевые слова: исповедальные ведомости, Усть-Сысольск, демография, чиновничество

V.V. Smorgunov

Confessionary sheets of the town of Ust-Sysolsk as a source on demography of civil servants of district level in the end of XVIII – first third of XIX century

The analyzed sources allow to elucidate numerical-age structure of the officials of Ust-Sysolsky district. Confessionary sheets represent detailed enough materials which taking into account the revealed lacks allow to trace the changes occurring in the environment of district officials.

Key words: confessionary sheets, Ust-Sysolsk, demography, officials

Источников, позволяющих осветить численно-возрастной состав чиновничества Усть-Сысольского уезда, сохранилось немного. Собственно говоря, их всего два – это небольшой массив формулярных списков (сохранились всего в двух фондах Усть-Сысольского уездного казначейства и Усть-Сысольского нижнего земского суда) и исповедальные ведомости, составленные в Усть-Сысольском Троицком соборе. Сами ведомости распределены по двум фондам: фонд Усть-Сысольского Троицкого собора (фонд Ф-230) и фонд Усть-Сысольского духовного правления (фонд Ф-296). Материал фондов практически идентичен, лишь в некоторых случаях наблюдается различная сохранность фондов. В фондах Усть-Сысольского Троицкого собора материал представлен по годам, а в фондах Усть-Сысольского духовного правления они сшиты (иногда бессистемно) в большие книги, охватывающие значительные временные промежутки, но одновременно повторяющие исповедальные ведомости, составленные непосредственно в Усть-Сысольском Троицком соборе. В связи с разной сохранностью сличение одновременно нескольких экземпляров позволит исключить часть лакун, имеющих в документах.

Исповедальные ведомости представляют собой сшитые заметки формата чуть более, чем А4, бумага имеет водяные знаки. В зависимости от фонда – годовые (за один год) или те же годовые записи, но объе-

* **Сморгунов Вадим Владимирович** (Сыктывкар) – младший научный сотрудник лаборатории археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

** Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 15-13-6-24 «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)».

диненные за несколько лет. В Усть-Сысольском Троицком соборе в год различными священниками обычно составлялись три такие ведомости – приход первой, второй и третьей части, сшитые в одну книгу и переплетенные. В преамбуле к каждой части исповедальной ведомости обязательно указывался священник, составивший ее, и время окончательного составления, указываются церковные праздники, во время которых горожанин и лицо, пребывающее в городе, являлся или не являлся на исповедь (за отсутствие на ней без уважительной причины налагался штраф).

Шапка исповедальной ведомости выглядела следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Типовая шапка для оформления исповедальной ведомости по уездному городу Усть-Сысольску в конце XVIII – первой трети XIX века

Дворов	Число		Лет от рождения		Показанные действия	
	Людей		Мужска	Женска	Кто был у исповеди и святого причастия	Кто исповедались токомом, а не причастились и за каким винословием
	Мужска	Женска				

В таблице указывался социальный статус исповедуемых (например, военные и их домашние, приказные и их домашние, и т. д.). Из табл. 1 видно, что в исповедальной ведомости указывались социальный статус исповедуемого, пол, его семейное положение, возраст. Отмечались номер домохозяйства, в котором проживали исповедуемый и члены его семьи, наличие дворовых и членов их семей, если таковые имелись. Для канцелярских служащих имелась следующая особенность: если место службы у нескольких человек одно и то же, то оно указывалось только в начале списка, для остальных вписывалось только их канцелярское звание: «Подканцеляристы... Казначейства Иван Петров сын Свешников, ... жена его Дарья Алексеева дочь, у них дочь Марфа. Иван Иванов сын Копосов...» (НАРК Ф. ф-230. Д. 387. Л. 2об.).

В качестве примера приведем сведения исповедальных ведомостей Усть-Сысольского Троицкого собора о приказном слуге Усть-Сысольского нижнего земского суда Александре Осипове (т.е. Осиповиче) Попове.

1791 г. – не упоминается.

1792 г. – Канцелярист Александр Осипов сын Попов 28 лет, жена Марья Иванова дочь 28 года, сын Федор 4. (НАРК. Ф. ф-230. Оп. 1. Д. 899. Л. 4об.).

1793 г. – Канцелярист Александр Осипов сын Попов 29 лет, жена Марья Иванова дочь 29 лет, дети: Федор 5, Николай 3. (НАРК. Ф. ф-230. Оп. 1. Д. 388. Л. 9об.).

1794 г. – Канцелярист Александр Осипов сын Попов 29 лет, жена Марья Иванова дочь 29 лет, дети: Федор 5, Николай 3., Татьяна 1. (НАРК. Ф. ф-230. Оп. 1. Д. 391. Л. 4).

1795 г. – Канцелярист Александр Осипов сын Попов 30 лет, жена Мария Иванова дочь 30 лет, дети, Федор 6, Николай 4, Татьяна 2. (НАРК. Ф. ф-296 Оп. 1. Д. 3. Л. 198об.).

1796 г. – Канцелярист Александр Осипов сын Попов 31 лет, жена Марья Иванова дочь 31 лет, дети: Федор 7, Николай 5, Татьяна 3. (НАРК. Ф. ф-296 Оп. 1. Д. 4. Л. 3).

1797 г. – Канцелярист Александр Осипов сын Попов 32 лет, жена Марья Иванова дочь 32 лет, дети: Федор 8, Николай 6, Татьяна 4, Петр 1. (НАРК. Ф. ф-230. Оп. 1. Д. 397. Л. 3об.).

1798 г. – Канцелярист Александр Осипов сын Попов 33 лет, жена Марья Иванова дочь 33 лет, дети: Федор 9, Николай 7, Татьяна 5, Петр 1. (НАРК. Ф. ф-296. Оп. 1. Д. 4. Л. 104).

1799 г. – Канцелярист Александр Осипов сын Попов 34 года, жена его Марья Иванова дочь 34 года, дети Федор 10, Николай 8, Татьяна 6, Петр 3. (НАРК Ф. ф-230. Д. 395. Л. 3).

1800 г. – Коллежский регистратор Александр Осипов сын Попов 35 лет, жена его Мария Иванова дочь 35 лет дети Федор 11, Николай 9, Петр 4 Татьяна 7. (НАРК. Ф. ф-296. Оп. 1. Д. 4. Л. 200).

1801 г. – Нет данных.

1802 г. – Коллежский регистратор Александр Осипов сын Попов 37 лет, жена его Мария Иванова дочь 37 лет дети их Федор 13, Николай 11, Петр 6 Татьяна 9. (НАРК. Ф. 296. Д. 5. Л. 2об.–3).

1803 г. – Нет данных.

1804 г. – Винный пристав коллежский регистратор Александр Осипов сын Попов 39 лет, жена его Мария Иванова дочь 39, дети их Федор 15, Николай 13, Петр 8, Татьяна 11. (НАРК. Ф. 296. Д. 6. Л. 56об.).

1805 г. – Коллежский регистратор Александр Осипов сын Попов 40 лет, жена его Мария Иванова дочь 40 лет дети их Федор 16, Николай 14, Петр 9, Татьяна 12. (НАРК. Ф. 296. Д. 6. Л. 82об.).

1806 г. – Нет данных.

1807 г. – Бывший винный пристав коллежский регистратор Александр Осипов сын Попов 42 года, жена его Мария Иванова дочь 42, дети их Федор 18, Николай 16, Петр 11, Татьяна 14. (НАРК. Ф. 296 Д. 6. Л. 116об.).

1808 г. – Коллежский регистратор Александр Осипов сын Попов 43 года, жена его Мария Иванова дочь 43, дети их Федор, канцелярист, холост 19, Николай, копейист, холост 17, Петр 12, Татьяна 15. (НАРК. Ф. 296. Д. 6. Л. 82об.).

1809 г. – Нет данных.

1810 г. – Нет данных.

1811 г. – Коллежский регистратор Александр Осипов сын Попов 46 лет, жена его Мария Иванова дочь 46, дети их земского суда коллежский регистратор Федор холост 22, канцелярист Николай холост 20, Петр 15, Татьяна девица 18. (НАРК. Ф. ф-296. Д. 6. Л. 227об.).

1812 г. – Коллежский регистратор Александр Осипов сын Попов 47 лет, жена его Мария Иванова дочь 47 лет дети их земского суда коллежский регистратор Федор холост 23, канцелярист Николай холост 21, Петр холост 16, Татьяна девица 19. (НАРК. Ф. ф-296. Д. 6. Л. 227об.).

1813 г. – Коллежский регистратор Александр Осипов сын Попов 48 лет, жена его Мария Иванова дочь 48 лет дети их земского суда коллежский регистратор Федор холост 24, Татьяна девица 20. (НАРК. Ф. ф-296. Д. 6. Л. 244).

1814 г. – Коллежский регистратор Александр Осипов сын Попов 49 лет, жена его Мария Иванова дочь 49 лет дети их земского суда коллежский регистратор Федор холост 25, Татьяна девица 20. (НАРК. Ф. 296. Д. 6. Л. 260).

1815 г. – Коллежский регистратор Александр Осипов сын Попов 50 лет, жена его Мария Иванова дочь 50 лет дети их земского суда коллежский регистратор Федор холост 26. (НАРК. Ф. 296. Д. 6. Л. 274).

1816 г. – Коллежский регистратор Александр Осипов сын Попов 51 год, жена его Мария Иванова дочь 51, дети их земского суда коллежский регистратор Федор холост 27. (НАРК. Ф. 296. Д. 6. Л. 290).

1817 г. – Коллежский регистратор Александр Осипов сын Попов 52 год, жена его Мария Иванова дочь 52, дети их земского суда коллежский регистратор Федор холост 28. (НАРК. Ф. 296. Д. 6. Л. 317об.).

В последующих ведомостях имеются сведения только о детях А.О. Попова; о нем самом и его жене данных нет.

Пример второй: приказной служитель Усть-Сысольского нижнего земского суда Плотников Петр Васильевич.

1802	Канцелярист Петр Васильевич Плотников 32 года, холост. (НАРК. Ф. ф-296 Д. 5 Л. 48).
1803	Канцелярист Петр Васильевич Плотников 33 года, холост. (НАРК. Ф. ф-296 Д. 5 Л. 89).
1804	Канцелярист Петр Васильев Плотников 34 года, холост. (НАРК. Ф. ф-296. Д. 5. Л. 125).
1805	Нет данных
1806	Коллежский регистратор Петр Васильевич Плотников 35 лет, холост. (НАРК. Ф. ф-296 Д. 6. Л. 101).
1807	Коллежский регистратор Петр Васильевич Плотников 36 лет, жена его Феодосья Михайлова 19 лет. (НАРК. Ф. ф-296 Д. 5. Л. 181об.).
1808	Коллежский регистратор Пётр Васильевич Плотников 37 лет, жена Федосья Михайловна 20 лет. (НАРК. Ф. ф-296 Д. 5. Л. 211об.).
1809	Коллежский регистратор Пётр Васильев сын Плотников 38 лет, жена Федосья Михайловна 21 год. (НАРК. Ф. ф-230. Оп. 1. Д. 405. Л. 3).
1810	Коллежский регистратор Пётр Васильев сын Плотников 39 лет, жена Федосья Михайловна 22 года. (НАРК. Ф. ф-296. Д. 5. Л. 286).
1811	Коллежский регистратор Пётр Васильев сын Плотников 40 лет, жена Федосья Михайловна 23 года. (НАРК. Ф. ф-296. Д. 6. Л. 210).
1812	Умершего регистратора коллежского Петра Плотникова жена, вдова Федосья Михайловна 24 года. (НАРК. Ф. ф-296. Д. 6. Л. 227об.).
1813	Умершего регистратора коллежского Петра Плотникова жена, вдова Федосья Михайловна 25 года. (НАРК. Ф. ф-296. Д. 6. Л. 244).
1814	Умершего регистратора коллежского Петра Плотникова жена, вдова Федосья Михайловна 26 года. (НАРК. Ф. ф-296. Д. 6. Л. 260).
1815	Умершего регистратора коллежского Петра Плотникова жена, вдова Федосья Михайловна 27 года. (НАРК. Ф. ф-296. Д. 6. Л. 274).
1816	Умершего регистратора коллежского Петра Плотникова жена, вдова Федосья Михайловна 28 года. (НАРК. Ф. ф-296. Д. 6. Л. 290).
1817	коллежского регистратора Петра Плотникова жена, вдова Федосья Михайловна 29 лет. (НАРК. Ф. ф-296. Д. 6. Л. 318).
1818	коллежского регистратора Петра Плотникова жена, вдова Федосья Михайловна 30 лет. (НАРК. Ф. ф-296. Д. 6. Л. 333об.).
	Далее сведения не собирались.

Анализируя представленные материалы, можно сделать вывод о том, что мы имеем с периодичностью примерно в год (исключая периоды отсутствия данных) сведения о составе семей чиновников и даже их звании. Это позволяет отследить не только их общую численность, но и этапы развития карьеры, время вступления в брак, характерное для них и членов их семей и т.д. К недостатком можно отнести невозможность отследить по ведомостям судьбу переехавших в другой регион. В конце каждой части исповедальной ведомости приводится таблица, где указывалась численность каждой категории исповедуемых (табл. 2).

Таблица 2

Шапка таблицы численности прихожан должных быть у исповеди и святого причастия*

Всего в вышеписанном Троицком соборе в приходских во (число дворов) об- ретається	Число обоего пола людей									
	Исповедавших и причастившихся		Исповедавших только, а не причастившихся		Не исповедавшихся				Итого	
					От 7-ми лет за престарелых за отлучкою		За малолетством ниже сами лет			
мужска	женска	мужска	женска	мужска	женска	мужска	женска	мужска		

В таблице прихожане разбиты на категории согласно их социальному статусу (например: духовные, дворовые, приказные и т. д.).

В 1792 г. в таблицах приведены, в частности, следующие данные (табл. 3); часть сведений автором в таблицу не включена, как не имеющая значения для данного исследования (подробней см.: НАРК. Ф. ф-230. Д. 387).

Таблица 3

**Численность государственных служащих Усть-Сысольского уезда
согласно общего итога исповедальных ведомостей на 1792 г.**

Первая треть Усть-Сысольского Троицкого собора	Вторая треть Усть-Сысольского Троицкого собора	Третья треть Усть-Сысольского Троицкого собора
Секретарей – 1 Канцеляристов – 3 Подканцеляристов – 3 Копейстов – 5 Жен их – 11 Детей: мужска – 3; женска – 9 Итого мужчин – 15, женщин – 20	Секретарей – 1 Протоколистов – 1 Канцеляристов – 2 Копейстов – 1 Переплётчик – 1 Жен их – 9 Детей: мужска – 3; женска – 2 Итого мужчин – 9, женщин – 11	Нет государственных служащих

Таким образом, численность приказных служителей составляла 18 чел. Во время расчетов необходимо помнить о некоторых существенных факторах: во-первых, в некоторых случаях из-за нечеткого разграничения между статскими и военными чинами (особенно это характерно для периода до 1797 г.), в некоторых случаях по обеим категориям может приводиться общий итог; во-вторых, возможны случаи, когда вдовы или сестры приказных попадали в категорию жен.

На основании изложенного можно говорить о том, что в распоряжении исследователей оказались достаточно подробные материалы, которые с учетом выявленных недостатков позволяют отследить изменения, происходившие в среде уездного чиновничества.

*В.Н. Каракчиев**

**Отчеты и акты обследования волостных исполнительных комитетов
как источник по историко-демографическим процессам
в Коми автономной области в 1920-е годы****

Статья посвящена характеристике отчетов и актов обследования волостных исполнительных комитетов как источника по историко-демографическим процессам в Коми АО в 1920-е гг. В работе сделан вывод, что благодаря анализу указанного материала предоставляется возможность проследить изменения численности, национального и полового состава, миграции населения волостей Коми АО. В статье отмечена значимость анализа отчетов и актов обследования низших органов исполнительной власти Коми АО как материалов, позволяющих провести исследование демографического развития волостей региона за 1920-е гг.

Ключевые слова: демография Коми АО, волостной исполнительный комитет, отчеты и акты обследования, численность, национальный и половой состав, миграция

V.N. Karakchiev

**Reports and certificates of inspection of volost executive committees as a source
of historical-demographic processes in the Komi Autonomous region in the 1920s**

The article is devoted to the characteristic of reports and certificates of inspection of volost executive committees as a source of historical-demographic processes in the Komi Autonomous region in the 1920s. The paper concludes that due to the analysis of the material it is available to trace the changes in population, national and sex composition, population shift of the volosts of the Komi Autonomous Region. The article stresses the importance of the analysis of the reports and the certificates of the survey of the lower executive authorities of the Komi Autonomous region as materials enabling to conduct a study on demographic development of districts of the region during the 1920s.

Key words: demography of the Komi Autonomous region, volost executive Committee, reports and inspection certificates, population, national and sex composition, migration

Согласно Конституции СССР 1924 г. высшим органом власти на территории СССР являлся съезд Советов (Всероссийский, областной, губернский, уездный, волостной), а в период между ним – его исполнительный комитет. Волостные исполнительные комитеты Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (волисполкомы, ВИКи) в Коми крае были организованы в марте–апреле 1918 г. Они являлись распорядительными и исполнительными органами государственной власти в волостях. Согласно Положению об организации волостных Советов и их исполкомов 1924 г., ВИК должен был руководить государственным, хозяйственным и культурным строительством, контролировать проведение в жизнь всех постановлений высших органов советской власти. Он сосредотачивал в своих руках руководство всеми сторонами социально-экономической жизни в волости: промышленностью, сельским хозяйством, образованием, здравоохранением, контролем над всеми видами имущества и т.д. Волисполком был подотчетен Уездному исполнительному комитету (далее – УИК) и его Президиуму, а также Областному исполнительному комитету (далее – ОИК). УИКи и ВИКи прекратили свою деятельность по постановлению ВЦИК РСФСР от 14 января 1929 г. в связи с ликвидацией уездно-волостного административно-территориального деления. Вместо них были созданы районные исполнительные комитеты и сельсоветы.

* Каракчиев Владислав Николаевич (Сыктывкар) – младший научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, karakchiev.vlad@yandex.ru.

** Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 15-13-6-24 «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)».

Низшие органы исполнительной власти руководствовались в своей деятельности Конституцией РСФСР (1918 г.) и СССР (1924 г.), Положением ВЦИК о ВИК и сельских советах (1920 г.), Положением о волостных советах и их исполкомах (1924 г.), Собранием Указаний и Распоряжений РСФСР и другими документами. Волисполком был обязан отчитываться в своей деятельности перед УИК и вышестоящими органами власти. ВИКи сдавали месячные, квартальные, полугодовые и годовые отчеты, которые включали в себя описание политико-экономического и финансового положения, социально-культурного развития волости. На протяжении существования волисполкомов в Коми АО в 1921–1929 гг. как областными органами власти (инструкторы Коми ОИК, прокуратура, фининспектор и др.), так и уездными (инструкторы УИК) проводились проверки и написание актов обследования ВИК.

Благодаря делопроизводственным материалам (отчетам и актам обследования) имеется возможность достаточно детального изучения развития волостей, в том числе и историко-демографических процессов. Указанные документы находятся в фондах Национального архива Республики Коми (НАРК). Это фонды Усть-Куломского (Ф.Р.-6), Усть-Вымского (Ф.Р.-7), Ижмо-Печорского (Ф.Р.-8) и Сысольского (Ф.Р.-9) УИКов, а также Коми ОИК (Ф.Р.-3). В актах обследования и отчетах ВИКов указывались численность, приток и отток населения, национальный и половой состав и др. Как правило, в конце акта были представлены выводы и предложения, сделанные проверяющим лицом. Отличие отчетов и актов обследования в том, что отчеты писали сами ВИК, а информацию актов обследования собирал проверяющий орган. Поэтому можно предположить, что акт обследования дает более достоверные данные, чем отчет.

2 мая 1922 г. ВЦИК принял декрет, в котором определил административное деление Коми автономной области в следующем виде: Усть-Сысольский уезд в составе 38 волостей с центром в г. Усть-Сысольске, Усть-Вымский уезд в составе 21 волостей с центром в с. Усть-Вымь, Усть-Куломский уезд в составе 16 волостей с центром в с. Усть-Кулом, Печорский (Ижмо-Печорский) уезд в составе 25 волостей с центром в с. Ижма [1].

По данным Всесоюзной всеобщей переписи населения 1926 г., в Коми области проживало 207 314 чел., из них 191 245 (92,2%) – коми, 13 731 (6,6%) – русские, 2080 (1%) – ненцы, другие народности составляли 0,2% (258 чел.). Коми составляли абсолютное большинство населения 87 волостей, в двух волостях (Лоемской и Сереговской) преобладали русские, в одной (Колвинской) – ненцы, в четырех (Верхолузской, Спаторубской, Усть-Вымской, Серегово-Горской) имелось смешанное коми-русское население с преобладанием коми, а в одной волости – Большеземельской – смешанное коми-ненецкое население [2]. Численность населения Коми АО с 1922 по 1929 г. увеличилась в 1,23 раза (табл. 1).

**Численность населения Коми АО
в 1922–1929 гг.**

Годы	Численность, чел.
1922	191340
1923	199408
1924	202908
1925	207197
1926	207314
1929	234671

Источник: История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар, 2011. Т. 2. С. 267.

Таблица 1

Архивные материалы о численности, притоке и оттоке населения, национальном и половом составе волостей позволяют проследить тенденцию развития историко-демографических процессов в Коми АО в 1920-е гг. Отметим, что волости 1920-х гг. представляли собой довольно крупные административные единицы, включавшие в себя деревни, селения, починки, хуторы и т.п. Наиболее крупные из них Летская (в 1925 г. – 68 населенных пунктов), Ношульская (45 деревень и починков), Спаторубская (15 деревень и два сельсовета) и т.д. Некоторые волости состояли из одного населенного пункта, например, Нювчимская и Няшабожская.

В акте обследования Вильгортского ВИК (Сысольский уезд) от 5 июня 1926 г. отмечается, что численность населения волости составляет 3149 чел. (1526 муж., 1623 жен.). По национальному составу все – коми, за исключением починка Убшор, где жили 67 русских и 11 коми [3]. В 1927 г. в акте обследования представлен более подробный материал, указывающий на то, что Вильгортская волость состоит из семи населенных пунктов. В нем расписаны количество проживающих мужчин и женщин, численность хозяйств, расстояние населенных пунктов до волостного центра. Судя по этим данным, численность населения волости за год увеличилась на 70 чел. и составила 1552 муж., 1667 жен. (табл. 2). В 1928 г. население Вильгорта составляло 3289 чел. (1558 муж., 1732 жен.), проживавших в 721 хозяйстве (табл. 4). Согласно годовому отчету Ибского ВИК за 1926 г. в волости насчитывалось 4390 чел., 1012 хозяйств [4]. На следующий год здесь числилось 4485 чел. (2094 муж., 2391 жен.), 1030 хозяйств; национальный состав – коми [5]. По данным акта обследования Ношульского ВИК от 30 июня 1927 г., численность населения волости составляла 3830 чел., количество дворов – 687 [6]. 18 декабря 1927 г. помощник прокурора Коми АО отметил, что население Ношуля – 3750 чел., количество дворов – 696 [7]. По данным акта обследования Савиноборского ВИК (Усть-Куломский уезд), в 1925–1927 гг. в волости родилось 122 чел., умерло 31. Смертность к чис-

лу рождений составила 25,8% [8]. В Помоздинской волости (Усть-Куломский уезд) по данным отчета ВИК 1926 г. проживало 4140 чел., имелось 13 деревень и два починка [9]. В Серегово-Горской волости (Усть-Вымский уезд) по данным акта обследования 1927 г. проживало 1258 чел. За 1922–1926 гг. прирост населения составил 91 чел. [10]. Инструктор Ижмо-Печорского УИК И.М. Терентьев писал, что численность населения Красноборской волости в 1928 г. составляла 2772 чел., 157 хозяйств. Большую часть населения волости составляли зыряне-ижемцы, приток населения извне являлся довольно редким исключением [11]. По данным акта обследования Ижемского ВИК, население волости с 3282 чел. (на 1 января 1924 г.) уменьшилось до 2645 чел. (на 1 января 1928) (табл. 3). Инструктор УИК П.Т. Терентьев этот процесс связывает с уходом оленеводов из Ижемской волости в 1926–1927 гг. [12].

Таблица 2

Материалы акта обследования Вьльгортского ВИК за 1927 г.

№ п/п	Название селений	Число хозяйств	Расстояние до волцентра, в верстах	Мужчин	Женщин	Всего, чел.
1	с.Вьльгорт	701	3	1503	1593	3096
2	поч.Убшор	11	13	25	39	64
3	Денисовка	3	3	6	9	15
4	Вожалью	4	8	10	18	28
5	Говоболтса	1	26	3	4	7
6	Красная звезда	1	26	2	2	4
7	Коколь устье	1	32	3	2	5
	Итого	723		1522	1667	3219

Источник: НАРК. Ф.Р.-9. Оп. 1. Д. 31. Л. 11.

Таблица 3

**Изменения численности населения некоторых волостей Коми АО за 1924–1928 гг.
(по данным отчетов и актов обследования ВИК)**

Волость	Годы				
	1924	1925	1926	1927	1928
Вьльгорт			3149	3219	3289
Иб			4390	4485	
Ношуль				3830	3750
Ижма	3282	3268	3332	2599	2645
Гам	1182	1215	1227	1273	1279
Мохча	1882	2024	2083	2174	2213

Источники: НАРК. Ф.Р.-9. Оп. 1. Д. 31. Л. 1об., 11; НАРК. Ф.Р.-9. Оп. 1. Д. 33–34; НАРК. Ф.Р.-3. Оп. 1. Д. 1114. Л. 23, 56, 74; НАРК. Ф.Р.-9. Оп. 1. Д. 40. Л. 19, 21.

В некоторых отчетных материалах указывались не только половой и национальный состав, но и миграционные процессы, а также количество браков и разводов. Такой пример есть в годовом статистическом отчете Усть-Усинского ВИК (Ижмо-Печорский уезд) за 1927 г. (табл. 4). Аналогичный отчет описан в материалах Колвинского ВИК [13].

Одним из немногих волостей Коми АО, где большинство жителей составляли русские, была Ньючимская. К сожалению, в акте обследования не указано процентное соотношение русского и коми населения. В 1926 г. численность волости составляла 663 чел. (317 муж., 346 жен.). Главным источником существования являлся заработок на заводе [14].

Собранные архивные материалы показывают практически повсеместную тенденцию увеличения численности населения в волостях Коми АО за 1924–1928 гг. (табл. 4). Отметим также, что в течение 1921 г. в Коми область переехали 8594 чел., в 1922 г. – 6101 чел., в 1923 г. – 3806 чел. Покинули область в 1921 г. 1644 чел., в 1922 г. – 1765 чел., в 1923 г. – 2483 чел. [15].

В 1925 г. свыше 30 семей из населенных пунктов Усть-Вымского уезда поселились на р.Чулым в Ачинском округе (Сибирский край). Через два года к ним присоединились более 50 семей [16]. Статистические материалы о переезде жителей волостей Усть-Вымского района в Сибирь и другие места за 1923–1927 гг. собирал инспектор лесов 2-го района Коми АО И. Суворов (табл. 5).

По данным акта обследования Читаевского ВИК (Сысольский уезд) за 1926 г., из волости за 1922–1925 гг. переехала на постоянное место жительства «в разные местности Сибири» 21 семья (всего 90 чел.). Отмечалось, что население уезжало из-за тяжелых условий жизни, связанных с трудностями ведения сель-

ского хозяйства, низкого заработка от побочных занятий и других причин. В 1926 г. миграция населения из указанной волости не наблюдалась [17]. По данным акта обследования Спаспурубского ВИК (Сысольский уезд) в 1924 г. в Сибирь переехали из волости около 27 хозяйств, в январе 1927 г. – три хозяйства. Как отмечено в акте, переселялись в основном бедняки, которые не могли вести свое хозяйство из-за низкого заработка [18].

Таблица 4

**Движение народонаселения Усть-Усинской волости
(по данным отчета Усть-Усинского ВИК за 1927 г.)**

Нас. пункты	Прибыло			Убыло			Состоит к началу года, м/ж	Национальный состав, м/ж			За год	
	Родилось, м/ж	По др. причи- нам, м/ж	Всего	По смерти, м/ж	По др. причи- нам, м/ж	Всего		Зырян	Самоедов	Русских	Браков	Разводов
Усть-Уса	14/15	6/7	42	18/12	0/4	34	246/276	236/269	7/5	3/2	1	2
Новик Бож	15/13	–	28	14/11	0/2	27	249/284	238/270	11/14	3/4	5	–
Ипат керка	1/3	–	4	3/5	–	8	20/20	15/12	5/8	–	–	–
Куш-шор	1/1	–	2	–	–	–	9/15	9/15	–	–	–	–
Щелья Бож	5/7	0/1	13	5/4	–	9	105/131	96/117	9/14	–	2	–
Праскан	1/2	0/3	6	3/2	–	5	47/50	47/50	–	–	4	–
Лая Тиш	1/0	–	1	–	–	–	6/8	3/5	3/3	–	–	–
Кош-пи	–	0/1	1	1/0	–	1	6/7	3/3	3/4	–	1	–
Кача	–	0/1	1	2/0	–	2	4/3	4/3	–	–	1	–
Всего	79	19	98	80	6	86	1486	1395	88	12	13	2

Источник: НАРК. Ф.Р.-8. Оп. 1. Д. 481. Л. 3.

Таким образом, в 1920-е гг. в волостях Коми АО была тенденция к увеличению численности населения как за счет приезжих извне региона, так и постепенного повышения уровня рождаемости. Большая часть населения приезжала в Сысольский уезд как благоприятный район для занятия сельским хозяйством. Массовый отток населения в Сибирь отмечен лишь в середине 1920-х гг. из волостей Усть-Вымского уезда. Этот процесс был связан с низким заработком и трудностями ведения сельского хозяйства. По национальному составу в волостях коми были абсолютным большинством, кроме нескольких волостей с преобладанием русского населения. Кроме этого, были волости и со смешанным населением (коми-русское, коми-ненецкое).

Отчеты и акты обследования ВИКов являются ценным источником. Они позволяют проанализировать информацию об изменениях численности населения, миграционных процессов, национального и полового состава в волостях. Широкое и детальное изучение указанных материалов даст возможность более глубокого анализа историко-демографических процессов в волостях Коми АО за 1920-е гг.

Таблица 5

**Сведения о численности населения, переселившихся из волостей Усть-Вымского уезда Коми АО
в Сибирь и другие места за 1923–1927 гг.**

Волость	Годы				
	1923	1924	1925	1926	1927
	Усть-Вымский уезд				
Онежская	–	10 чел. (3 хоз.)	28 чел. (7 хоз.)	–	46 чел. (13 хоз.)
Турьинская	–	8 чел. (2 хоз.)	–	–	62 чел. (13 хоз.)
Княжпогостская	–	33 чел. (9 хоз.)	–	–	–
Усть-Вымская	–	6 чел. (1 хоз.)	–	–	–
Часовская	–	57 чел. (15 хоз.)	28 чел. (7 хоз.)	6 чел. (2 хоз.)	108 чел. (26 хоз.)
Айкинская	20 чел. (7 хоз.)	44 чел. (8 хоз.)	10 чел. (3 хоз.)	–	–
Жешартская	14 чел. (4 хоз.)	–	–	–	28 чел. (6 хоз.)

Источник: НАРК. Ф.Р.-7. Оп. 1. Д. 32. Л. 7.

Источники и литература

1. Жеребцов И.Л. Административно-территориальные и демографические изменения в Коми крае в 20–30-е гг. XX в. // История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар, 2011. Т. 2. С. 267.
2. Жеребцов И.Л. Административно-территориальные и демографические изменения в Коми крае в 20–30-е гг. XX в. // История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар, 2011. Т. 2. С. 268.
3. НАРК. Ф.Р.-9. Оп. 1. Д. 31. Л. 1об.
4. НАРК. Ф.Р.-9. Оп. 1. Д. 33. Л. 26.
5. НАРК. Ф.Р.-9. Оп. 1. Д. 33. Л. 34.
6. НАРК. Ф.Р.-9. Оп. 1. Д. 40. Л. 19.
7. НАРК. Ф.Р.-9. Оп. 1. Д. 40. Л. 21.
8. НАРК. Ф.Р.-3. Оп. 1. Д. 1008. Л. 2.
9. НАРК. Ф.Р.-6. Оп. 1. Д. 205. Л. 296.
10. НАРК. Ф.Р.-7. Оп. 1. Д. 286. Л. 78.
11. НАРК. Ф.Р.-8. Оп. 1. Д. 474. Л. 13.
12. НАРК. Ф.Р.-3. Оп. 1. Д. 1114. Л. 74.
13. НАРК. Ф.Р.-8. Оп. 1. Д. 481. Л. 60.
14. НАРК. Ф.Р.-9. Оп. 1. Д. 32. Л. 5об.
15. Жеребцов И.Л. Административно-территориальные и демографические изменения в Коми крае в 20–30-е гг. XX в. // История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар, 2011. Т. 2. С. 267.
16. Жеребцов И.Л. Административно-территориальные и демографические изменения в Коми крае в 20–30-е гг. XX в. // История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар, 2011. Т. 2. С. 268.
17. НАРК. Ф.Р.-9. Оп. 1. Д. 42. Л. 6.
18. НАРК. Ф.Р.-9. Оп. 1. Д. 41. Л. 14.

А.А. Нисковский*

«За что судили? – Не знаю, но били жестоко»: женщины в пенитенциарной системе СССР (по воспоминаниям узниц лагерей ГУЛАГа в Коми АССР)**

В статье рассматривается гендерная специфика пенитенциарной системы Советского Союза на примере такой демографической группы заключенных, как женщины. Озвучены характерные особенности их содержания в лагерях ГУЛАГа в Коми АССР в 1920-1950-е гг. Через анализ воспоминаний исследовано восприятие узницами исторической обстановки и собственного места и положения в указанной системе.

Ключевые слова: демография, женщины, узницы, пенитенциарная система, ГУЛАГ, СССР, Коми АССР

A.A. Niskovskiy

**“What was tried? I don’t know, but was brutally beaten”:
women in the penitentiary system of the USSR
(according to the memoirs of prisoners of the GULAG in the Komi ASSR)**

The article considers gender-specific of prison system of the Soviet Union on the example demographic groups of prisoners such as women. Dubbed the characteristic features of their detention in the camps of the GULAG in the Komi ASSR in 1920-1950. Through the analysis of memories investigated the perceptions of prisoners of a historical situation and its own place and position in the specified system.

Key words: demography, women, prisoners, prison system, GULAG, USSR, the Komi ASSR

В Советском союзе в рамках пенитенциарной системы выстраивались особые механизмы подавления личности государством. Общественные нормы обуславливали персональное поведение людей разного статуса. В рамках так называемой «персональной истории» [1] воссоздаются индивидуальные биографии узников лагерей в качестве особого измерения исторического процесса. Как известно, ГУЛАГ, основной элемент пенитенциарной системы СССР, распространился и функционировал в 1920–1950-е гг. по всей стране. В Коми АССР лагерь создавался для устранения политических преступников и развития местной инфраструктуры для добычи, переработки и транспортировки природных богатств.

Восстановление «истории одной жизни» через персональные тексты позволяет определить, как личные интенции вписывались в систему коллективного принуждения. Узники лагерей ГУЛАГа Коми АССР находились в экстремальных условиях: они страдали от голода, морозов, антисанитарии, у них не было нормального жилья, им приходилось постоянно работать на улице, администрация оказывала моральное давление на заключенных, все это приводило к массовым заболеваниям, высокой смертности. На наш взгляд, общие проблемы осложнялись гендерной спецификой, поэтому в качестве источника мы используем воспоминания женщин, подвергнувшихся репрессиям: литовок Марите Иозо Вашкевичуте и Марсели Сауки, русской Валентины Николаевны Луговой, украинки Марии Григорьевны Дурдело, а также украинки, пожелавшей остаться инкогнито.

М.И. Вашкевичуте в 1947 г. из-за участия мужа в «националистическом движении», а также по причине раскулачивания отца, который имел земельный участок, осудили по статье 58-1а УК СССР – измена Родине [2]. В 1950 г. М. Сауку, как и почти всю ее семью арестовали, опять же, за «измену родине» [3]. У неизвестной украинки в 1937–1938 гг. были осуждены и расстреляны родители, а сама она исключена из Киевского пединститута, после чего, однако, окончила курсы преподавателей и стала работать в школе, но в 1950 г. ее арестовали по статье 54 УК УССР (аналог ст. 58 УК РСФСР. – А.Н.) и этапировали в Инту [4]. В.Н. Луговая в начале войны в качестве оstarбайтера была угнана в Германию, после чего попала в Печжелдорлаг, рабо-

* Нисковский Антон Анатольевич (Сыктывкар) – младший научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

** Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 15-13-6-24 «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)».

тала в центральном пошивочном комбинате в п. Вылью [5]. М.Г. Дурдело вместе с семьей в 1945 г. была отправлена на спецпоселение в Коми за связь брата с бандеровцами [6].

Воспоминания перечисленных женщин, оказавшихся в Коми АССР, отражают их личные переживания через отношение к описываемым событиям, их мировоззрение, уровень культуры и образования. Воспоминания изложены простым, неформальным языком. Они были записаны с их слов в начале XXI в., т.е. более чем через 50 лет после репрессий. Это говорит о том, что изложенные в этих документах события, оказались самыми яркими и запомнившимися из пережитого.

Заключенные женщины и мужчины внешне не отличались, даже носили одинаковую одежду: «...на работе порой нельзя было отличить женщин от мужчин. Они бесполы, они – роботы, закутанные почти до глаз какими-то отрепьями, в ватных брюках, тряпичных чунях, в нахлобученных на глаза малахаях, с лицами – в черных подпалинах мороза...» [7].

Узницы, сидевшие в коми лагерях, использовались на тяжелых, мужских работах: «... копали ямы под столбы в вечной мерзлоте. Долбили гравий для обсыпки дороги, торф снимали по трассе дороги» [8]. Для последних, несмотря на физическую слабость, в большинстве случаев послаблений не делалось. М.Г. Дурдело отмечала, что, работая грузчиком, за опоздание на пять минут наказывалась дополнительной работой на всю ночь [9]. При этом женщина лучше приспосабливалась к новым жизненным условиям, ее мировоззрение и моральные установки наиболее устойчивы: «...к середине 30-х годов большевистская власть всполошилась. Она поняла, что ее врагом в большей мере, чем мужчина, является женщина! По той простой причине, что ее мировосприятие, ее характер, взращенный в большинстве своем православным укладом жизни, изменить намного труднее, чем у мужчин. Ибо женщина воспринимает окружающую действительность не столько разумом, сколько сердцем» [10].

Стоит отметить тот факт, что мужчины из вольнонаемного состава пенитенциарных учреждений ГУЛАГа довольно часто пользовались своим положением и вступали с женщинами-заключенными в интимную связь, как правило, взамен на помощь в облегчении условий содержания, либо по принуждению. Такое явление было повсеместным, учитывая особенности мужского сознания, хотя и наказывалось лагерным руководством, в случае его обнаружения: «Так, например: начальник Лыя-Иольского участка Водного Промысла вольнонаемный Смирнов Герман Павлович сожительствова с заключенными Птюшкиной и Логвиновой, само снабжался из ларька и не производил уплату за взятые товары... Начальника Лыя-Иольского участка Водного Промысла вольнонаемного Смирнова Германа Павловича уволить с 28 декабря 1938 года, с полным удержанием задолженности» [11].

Анализ воспоминаний узниц лагерей Коми АССР позволил выявить типичные черты в их поведении: сдержанность, непричастность в описании событий, происходивших с заключенными. В некоторых случаях, женщины даже после того, как распалась система ГУЛАГа, опасались сказать что-нибудь лишнее. К примеру, одна из интервьюируемых (украинка) испугалась своей откровенности и попросила уничтожить записи: «29 марта Д. позвонила в музей, попросила прийти к ней с записями... к власти в России могут прийти совсем другие люди – и вернутся репрессии. Пострадают ее дети, внуки, правнуки – так объяснила она свою просьбу» [12].

В одной из системных подструктур ГУЛАГа Коми АССР, Особых лагерях МВД СССР, наблюдалось такое явление, как наличие у заключенных каторжных номеров, унижающих человеческое достоинство. Заключенные относились к ним неодинаково: одни очень сильно переживали (чаще всего именно женщины), другие просто чувствовали себя неприятно, а кто-то к ним относился совершенно индифферентно. Но все они сходились во мнении, что лагерный номер имел практическое значение: «Щ-216. На спине этот номер. Это было удобно – не надо искать телогрейки» [13]. При этом не все заключенные стремились защищать свою индивидуальность.

Начальство ГУЛАГа относилось к женщинам-заключенным неоднозначно: при том, что в основном практиковалось жестокое обращение с узниками, многие охранники вели себя гуманно с арестованными женщинами. Бывшая заключенная северных лагерей М.И. Вашкевичуте писала: «Помню, как один охранник сказал: “Была бы моя воля, я бы вас всех накормил”» [14].

В своих воспоминаниях бывшие узницы лагерей Коми АССР не осуждали советское государство за то, что их безвинно осудили, они не высказывали недовольства властью. Претензии заключенных были к начальникам лагерей и охранникам, и только по бытовым вопросам: «Сначала у нас был неважный начальник, кормили плохо, а как сменился начальник, пришел Каратаевский, так кормить стали лучше... Охранники были разные: фронтовики (из негодных к строевой службе) были суровее, а те, кто пришел им на смену – добрее. Но от человека зависит» [15]. Женщины отмечали, что многие политические заключенные, особенно женского пола, пройдя такие испытания, не озлобились, в лагерном быту даже присутствовал гуманизм. При этом советская власть не смогла полностью подавить личность, многие женщины несмотря ни на что отстаивали

свои позиции. М. Саука попыталась открыто протестовать против власти. Она вспоминает, как на очередном допросе следователь попытался заставить ее признаться во всех обвинениях. Сауку ударили по лицу за то, что она оказывала сопротивление: «Вот тогда я испугалась, но, похоже, следователи испугались тоже, больше меня не били, даже лучше обращаться со мной стали» [16]. Большинство женщин-заключенных не понимало причин своего осуждения.

Таким образом, женщины в пенитенциарной системе СССР занимали особое место. Узницы лагерей в Коми АССР нейтрально относились к власти, не все оказывали сопротивление представителям системы ГУЛАГа, у них не было чувства несправедливого осуждения.

Источники и литература

1. О персональной истории подробнее см.: *Репина Л.П.* Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти // <http://ist-bessmertie.narod.ru/statrepina.htm>.
2. Печорский историко-краеведческий музей (ПИКМ). Ф. 31. Оп. 50. Д. 18. Запись: Афанасьева Т.Г., 2004, 27 фев. Л. 1.
3. ПИКМ. Ф. 31. Оп. 50. Д. 69. Запись: Афанасьева Т.Г., август 2000. Л. 1.
4. ПИКМ. Ф. 31. Оп. 50. Д. 8. Запись: Афанасьева Т.Г., Нисковский А.А. 21 марта 2007. Протокол. Л. 1.
5. ПИКМ. Ф. 31. Оп. 50. Д. 16. Запись: Литвинцева О.А., 18 февраля 2004. Л. 1.
6. ПИКМ. Ф. 31. Оп. 50. Д. 7. Запись: Афанасьева Т.Г. 27 февраля 2006. Л. 1.
7. *Кузин В.* Женщины ГУЛАГА // <http://ethics.narod.ru/articles7/3210.htm>.
8. ПИКМ. Ф. 31. Оп. 50. Д. 8. Запись: Афанасьева Т.Г., Нисковский А.А. 21 марта 2007. Л. 4.
9. ПИКМ. Ф. 31. Оп. 50. Д. 7. Запись: Афанасьева Т.Г. 27 февраля 2006. Л. 1.
10. *Кузин В.* Женщины ГУЛАГА // <http://ethics.narod.ru/articles7/3210.htm>.
11. НАРК. Р-1668. Оп. 1. Д. 552. Л. 474.
12. ПИКМ. Ф. 31. Оп. 50. Д. 8. Запись: Афанасьева Т.Г., Нисковский А.А. 21 марта 2007. Протокол. Л. 1.
13. ПИКМ. Ф. 31. Оп. 50. Д. 18. Запись: Афанасьева Т.Г., 27 февраля 2004. Л. 1.
14. ПИКМ. Ф. 31. Оп. 50. Д. 18. Запись: Афанасьева Т.Г., 27 февраля 2004. Л.1-2.
15. ПИКМ. Ф. 31. Оп. 50. Д. 18. Запись: Афанасьева Т.Г., 27 февраля 2004. Л. 1.
16. ПИКМ. Ф. 31. Оп. 50. Д. 69. Запись: Афанасьева Т.Г., август 2000. Л. 1.

УДК 910.4(092) (571) «17/18»

С.А. Тихомиров*

По земному кругу Ивана Кускова. Калифорния. Начало XIX столетия**

Статья посвящена русскому путешественнику Ивану Кускову. Рассказывается о его деятельности в Калифорнии – очередном этапе известного деятеля Российско-Американской кампании, действовавшей в конце XVIII – начале XIX в.

Ключевые слова: Иван Кусков, Тотма, Русская Америка, Калифорния, географические открытия, геополитика Российской Империи

S.A. Tikhomirov

For earth's circle of Ivan Kuskov. California. Beginning of XIX century

The article is devoted to the Russian traveler Ivan Kuskov. It is told about his work in California – the next stage of the famous figure of the Russian-American campaign, which operated in the late XVIII – early XIX century.

Keywords: Ivan Kuskov, Totma, Russian America, California, geographical discoveries, geopolitics of the Russian Empire

Что есть русский характер: физическая энергия, большая жизненная сила, привычка к выживанию в самых сложных условиях, способность успешно противостоять изменчивости ситуации, сохраняя своё национальное достоинство.

Амори де Риенкур, французский писатель

Исследуя биографию Ивана Кускова, сопоставляя факты его жизненного пути, историки пришли к выводу, что, взяв за основу изучения географический подход в изложении, будет уместным объединить события 1808–1821 гг., обозначив этот этап, как калифорнийский период жизни Ивана Александровича Кускова. С этим этапом были связаны самые яркие эпизоды жизни тотемского уроженца, проживавшего к тому времени в Северной Америке. В эти годы Иван Александрович выступил как зрелый организатор хозяйственной жизни русских колоний, умелый управленец локальных коллективов, объединенных одними границами в условиях замкнутых пространств, мудрый дипломат, сыгравший огромную роль в становлении традиций Русской Америки во взаимоотношениях с коренными народами Аляски и Калифорнии, особенно в районе становления крепости Росс. Дело освоения русского поселения в Калифорнии Главный Правитель Русской Америки А.А. Баранов поручил Ивану Александровичу Кускову.

На календаре следовал **1808 год**... В жизненной хронике Ивана Александровича Кускова он ознаменовался значительными переменами. После получения приказа начальника – Главного Правителя русским владениями в Америке А.А. Баранова, – его помощник стремительно начал участвовать в перемещении столицы Русской Америки из кадьякской Павловской гавани в Ново-Архангельск на Ситке. Вероятно, вызревавший

* **Тихомиров Сергей Алексеевич** (Вологда) – директор Вологодского регионального научно-исследовательского центра краеведения и локальной истории, главный редактор издательства «Книжное наследие».

** Продолжение. Начало см.: Историческая демография: 2015. №2 (16); Историческая демография. 2016. № 1 (17).

заранее план, воспринимался современниками и непосредственными участниками этих действий как сигнал к новому броску русских промышленников на северо-запад, к берегам Калифорнии, этому неизведанному пространству, некогда terra incognita, что в переводе с латинского означало «неизвестная земля».

Если внимательно присмотреться в исторические документы, станет известным, что калифорнийский этап в истории Русской Америки начинался незадолго до новых исторических свершений, в **октябре 1803 г.**, когда русские мореходы совместно с алеутами-охотниками, во главе с А.А. Барановым, в сопровождении бостонского судна впервые отправились с Кадьяка к калифорнийским берегам для совместного ведения зверобойного морского промысла.

Из «Исторической записки о селении Росс на берегах Нового Альбиона», написанной **не ранее 1837 г.** и сохранившейся в архиве Русского Географического общества, известно, что «там он ознакомился с свойствами климата, наслышался о плодородии земли, о пространстве оной, остающемся впусе от мыса Дракова [Дрейка] к северу от залива Нутки (который был оставлен от испанцев и присвоен англичанами) и получил мысль занять одно из сих, никем не занятых, мест во владение России, с намерением учредить заселение, и произведениями оного снабжать населения наши на Севере на островах Алеутских».

Процитированный фрагмент одного из первых исторических сообщений о форте Росс сообщал о намерении русских промышленников проследовать на северо-запад с целью основания нового поселения, которое смогло бы в будущем снабжать сельскохозяйственной продукцией предпринимателей Российско-Американской Компании. В голове А.А. Баранова зрели новые идеи... Виделись и выстраивались новые планы... И как всегда в таких ситуациях А.А. Баранов выступил инициатором новых тенденций, проводить в жизнь эти планы Главный Правитель русских владений в Америке поручал своему вспомогателю И.А. Кускову.

Между тем в жизни Ивана Кускова намечались изменения... Он, как никто другой, подходил для воплощения намеченных планов... Обладавшему торгово-дипломатическим тактом, коммерции советнику И.А. Кускову, поставили сложнейшую задачу установления постоянных торговых связей с Калифорнией, чтобы вывести русские поселения из постоянной зависимости от бostonцев. Для этого Ивану Кускову требовалось обосноваться на калифорнийском берегу, выбрать независимое от европейцев пространство и основать там русское поселение. Главная цель строительства нового поселения виделась русским предпринимателям в возникновении принадлежавшего Российско-Американской Компании укрепительного района, поставлявшего продовольствие русскому населению, проживавшему на Аляске, Алеутских островах, Охотском побережье, Камчатке.

Перед воплощением в жизнь новых планов Ивану Кускову необходимо было закрепить свои позиции в Северной Калифорнии. Практически его проникновение на северо-западное американское побережье начиналось с поэтапного ознакомления с территорией и новым пространством. Иван Кусков планировал проведение полноценной экспедиции для возведения нового русского владения, вылившейся впоследствии в пятикратное посещение Калифорнии на разных судах.

К этому историческому периоду относится сохранившийся в архиве И.А. Кускова в Российской государственной библиотеке документ, подписанный А.А. Барановым **24 марта 1808 г.** и адресованный своему помощнику Ивану Кускову, в котором Александр Андреевич поздравлял тотемского мещанина с пожалованием ему звания коммерции советника и писал: «к полученному Вами характеру достоинству извольте получить присланные из Санкт-Петербурга Главного правления или собственно от Михаила Матвеевича (Булдакова. – С.Т.) знаки отличия: шагу и мундирное сукно с пуговицами, при сём препровождаемые, от начальника корабля “Невы” Леонтия Андреевича (Гагемейстера. – С.Т.), а предписание Главного Правления с копией указа, статут или установления чина Вашего разясняющий...».

В письме сообщалось о кончине Н.П. Резанова, о судьбе экспедиций «Юноны» и «Авось» против японцев и Дж. О’Кейна в Кантон. Говорилось о судьбах экспедиционеров С.С. Слободчикова и Т.Н. Тараканова, которые плавали около калифорнийского побережья с целью разыскания новых территорий и промысловой добычи.

Подробно в письме оговаривалось о ближайших планах: «о Альбионе я уже сказал впереди, что располагать в нынешнее же лето или осень учинить туда отправление, а может быть и самому удастся побывать, порисковав последними силами, буде позволят обстоятельства». Далее следовали замечания об ожидаемом прибытии в колонии новых судов, о промысле и состоянии добытых шкур морских котиков. «И каково бы то попытаться около калифорнийских островов Сиростя (остров Сердос и другие острова у побережья Нижней Калифорнии. – С.Т.) и протчими запастися теми свежими шкурами котиков на случай будущей в Кантоне торговли» – относился А.А. Баранов в письме И.А. Кускову. Рассуждал правитель русских владений об окончании одних экспедиций, планировал другие, и постоянно поддерживал в письме доверительный рассудительный тон, как бы разговаривая и советуясь с Иваном Кусковым по неотложным каждодневным делам

Компании. Они были на расстоянии, поговорить об этом не было возможности... Поэтому они и вступали в переписку, в эпистолярный жанр, рассуждали о грядущем и новых свершениях.

Спрашивал А.А. Баранов в этом письме: *«Одно только предлежит и безпокоит сомнение в том, что, не мелководен ли и не опасен ли вход в залив тот, показуется в устье не более двух сажень, но на какой воде, на самой ли малой, самой ли полной прилив, в какое время старости Луны: в полнолуние, новолуние или в четвертях, и какую саженью, семи или шести футовою, было измеривано лотом, и один ли раз или неоднократно поверяемо и сколь быстрое течение бывает во время бывших больших приливов и отливов, нет ли подобного Якутацкому порога, и какой действительно в приходе и заливе грунт, и велик ли прибрежной бурун во времена бываемых с моря погод, есть ли довольно строевого и какой имянно лес и блиско ли от предназначаемаго под постройку места. Всё бы это нужно знать на дальнейшую решимость в подробности, однако ж, как бы то ни было в нынешнем же лете, довершить испытание приемлю в особливую себе обязанность».*

Этот пространный фрагмент приведен специально. Правитель русских владений в Америке А.А. Баранов ориентировал И.А. Кускова на изучение многих вопросов, требуемых для дальнейшего проникновения русских судов к калифорнийскому побережью. Он его наставлял на опытный путь в продвижении экспедиции, показывая тем самым мудрость старого морехода и землепроходца-промышленника. И, заканчивая письмо, рассуждая при этом о будущем экспедиции Ивана Кускова, Правитель сообщал свои замечания по некоторым хозяйственным вопросам, выражал благодарность Ивану Кускову за поздравление по случаю своего награждения орденом Святой Анны второй степени. Здесь же, в заключение письма, в постскриптуме, А.А. Баранов предписывал Ивану Кускову построить в Ситке солеварню, и далее писал: *«соли у вас я знаю, што довольно, не надо помышлять о будущем, может с Калифорнией заторгуем, а там монахи любят солёную и копчёную рыбу, на каковой случай и для запасения про судовой экипаж рыб отпущено...».*

Особенное внимание в архиве И.А. Кускова привлекло наличие достаточно необычного по сегодняшним меркам, но часто встречавшегося в XIX столетии документа, – *«Письма православной миссии в Америке к испанским миссионерам в Новой Калифорнии»*. Возник этот источник **7 мая 1808 г.** Воспринимая предназначение православного духовенства в Америке как миссионерское, представители Российско-Американской Компании различными способами, в том числе и от их имени, обращались к народам, проживавшим на северо-западном побережье Калифорнии.

Текст письма подталкивал предполагать в этом документе наличие некоторой мистификации, согласно которой, источник составлялся, прикрываясь именем православной миссии, либо А.А. Барановым, либо кем-то из людей его окружения. Главная цель письма соответствовала основным интересам не миссии, а колониальной администрации: завязать торговые отношения с Калифорнией (об этом автор сообщал напрямую, бесхитростно). Текст письма скрывал реалии русских колоний: основным субъектом торговли с русской стороны представлена не Российско-Американская Компания, а миссионеры. Также в документе автор ссылался на корабли кругосветной экспедиции, которые снабжали русские владения продовольствием, тогда как поставки сельскохозяйственной продукции в колониях являлись хронической проблемой.

В мистифицированном сообщении говорилось: *«Народ, обитающий островов американских, почти весь уже к истинному закону обращён, и в других местах число добрых христиан ежедневно умножается, итак с вами, святые отцы, одно старание имеем, то есть распространить закон христианской, и дружба должна бы существовать между нами, затем изготовил я сие письмо, чтоб вы знали бы, что для меня бы было крайнее удовольствие иметь с вами переписку и дружеское знакомство. сверх того можем установить между собой мену вещами, кои в Европе приготавливаются, из коих желал бы Вам послать несколько образцов, но имеем ещё множество других, и недостаёт нам в то же время хлеба и зёрен, потому что два судна русских, о коих, вероятно Вы слышали, что назначены были обойти весь земной шар и у нас зимовали и издержали множество съесных приписов, кои от вас вывести желаем, затем, если Вам угодно, вместо продуктов, получаемых от вас, рукоделье делать можем...».*

Во всей истории интересны два вопроса: Как и почему этот документ сохранился в архиве Ивана Кускова? Представляется, что он мог попасть к Ивану Кускову в процессе подготовки калифорнийских экспедиций. Поскольку помощник А.А. Баранова и тотемский мещанин был направлен на выполнение сложных заданий: сначала – добывания продовольствия для промысловиков, затем – рекогносцировки и дальнейшего строительства русской сельскохозяйственной колонии, он плавал от одного иноземного (испанского или американского) владения к другому и тем самым мог распространять этот документ среди коренного и пришлого населения, убеждая их в написанном...

И, второе, этот документ отражал различные способы привлечения и дальнейшего общения с иностранцами русских предпринимателей и промышленников. Документ попал, а затем сохранился в архиве И.А. Кускова, как представляется, совсем неслучайно, поскольку его использовал в своей работе непосредственный участник событий в Америке. И наличие этого документа налагает большие возможности на изучение кон-

кретных реалий Российско-Американской Компании. Думается, что все эти аргументы придают новые черты уникальности этому документу, как и архиву И.А. Кускова в целом.

Исторические источники сообщали, что впервые Иван Кусков посетил Калифорнию на корабле «Мирт-Кадык» под командованием штурмана Е.А. Петрова для личного ознакомления с неизвестными русским землепроходцам до этого времени пространствами. Особенности проведения экспедиции сообщались Ивану Кускову в сохранившемся инструктивном письме А.А. Баранова, начертанном **14 октября 1808 г.** В письме ставилась задача *«осмотреть и описать весь берег тот от пролива де-Фука до Калифорнии во всей точности и положить на карту»*. Главный Правитель в предписании Ивану Кускову постоянно горюнился об изыскании новых промысловых территорий *«за пределами вверенных нам областей, способов к улучшению и умножению промысловыхи прочих в пользу здешнего нашего на участках состоящего общества особых выгод, сопряжённых неразлучно с пользами всей Компании и видами Государственными относительно к потомственным временам»*.

В инструкции Ивану Кускову говорилось о правилах поведения промысловиков. Особо отмечались обходительность с местным населением. От экспедиции требовалось *«сообразаясь с туземными обстоятельствами, буде примите промысловыя выгоды»*, *«учиня... деятельные промышленности всем отрядом партии опыты»*, ежели не будет успеха в промысле, в другие места, например, в реку Колумбию, А.А. Баранов повелевал Ивану Кускову не заходить, поскольку карты исследуемых мест были далеки от совершенства. Он считал, что *«вход для больших судов небезопасной, народов обитает множество при берегах. Около залива Бодего и бухты Драковой требовалось от экспедиции «перейти для безопасности судовой якорней стоянке, ибо тринидацкая надёжна рейда, и чинить распоряжения о промышленности в разные стороны»*.

Задача экспедиции сводилась к изучению неизведанных заливов, где необходимо было *«строго воспретить и взыскивать малейшия противу туземных обитателей своим русским и партовщикам дерзости и обиды, а стараться всячески... снискивать дружбу и любовь, и не страхом преимущества... но разными благосклонностями, от человеколюбия производимыми приманками вежливости, а иногда и соразмерными подарками, не желая в таком случае, где будущих выгод виды замечены будут»*. Главный Правитель неустанно говорил о необходимости приучения туземцев к прощению за проступки, *«даже в слабостях их натуральных пристрастий к воровству и обманам маловажные извинить ското-подобною несмысленностию... прощая невинные преступления»* и *«исподволь приучать к понятиям о добре, худобе и вредном зле»*.

Проектирование контактов с местным населением А.А. Баранов приучал осуществлять, *«хотя ис пленников покупкою, мальчиков молодых, двух или трёх, и одев тех порядочно, приобучать рускому языку. А ихнему, сколько понимать можно название вещей, в свободное время писать выговоры вокабалы, дабы те для будущего времени служить могли толмачами, а вы – хотя о нужных к обхождению принадлежащих идеях по первому случаю иметь понятие»*.

Оговаривал А.А. Баранов в предписании о воспрепятствовании *«строго ни малейшей бездельной ни кому даром не брать от них вещи, даже и ис кормовых припасов ни куска»*; он настаивал *«платить за всё по толику нашими, какая им приятны казаться будут, товарами и безделушками»*; быть хлебосольными и *«угощать, и кормить почётных из них в каждой приход, ежели в кормах будет изобилие»*; и воспитывать в туземцах чувство уважения к русским: *«словом приучать так, чтобы они почитать могли за благодетельных друзей всех россиян и партовщиков без всякой опасности»*. Однако при проявлении всех черт русского гостеприимства, Главный Правитель Русских владений в Америке настоятельно требовал *«о предосторожности же к безопасности своей при таковых случаях разуметь должно, конечно, что нужна и необходима, как и во всякое время»*.

Поскольку экспедиция Ивана Кускова носила multifunctional характер, документ изобилует, прежде всего, упоминанием о *«промысловых выгодах»* залива Бодего, где *«с приливами заходит в том множество бобров кормиться»*, *«потому что оной не широк, отмель с иловатым грунтом, и тих при всяких бурливых погодах, и есть чаятельно, таких же черепокных довольно животных, какими более питаются бобры, подобно чюгацким мамием»*. Основываясь на свидетельствах промысловиков, из предписания А.А. Баранова известно об особенностях промысла в заливе Бодего: если судну встать *«подалее от устья в залив»*, *«пустя партию [бобров] из нутра гнать»*, *«около устья же так бывает изобильно, что он в час, сидя спокойно на берегу, убит мог сам пять бобров из ружья»*.

Напоминал А.А. Баранов И.А. Кускову о разведывательной миссии его экспедиции, потому что территория, на которой промыслово охотились и добывали шкуры тамошних животных русские компаньоны, находились враждебно настроенные испанцы. Главный Правитель писал: *«но как самая внутренность онаго, чаятельно, весьма блиско подходит к бухте Санкт-Францыско, на устье коей состоит и гишпанская последняя к норду в Калифорнии крепость тово же имени, то и безнужно для будущих политических видов изследовать между предпомянутыми заливом и бухтой лежащей перешеек самым осторожным образом»*,

дабы не подать ни малейшего повода гишпанцам о немерениях производства промышленности в блиском их соседстве...».

Главный Правитель А.А. Баранов для конкретизации сведений призывал «на каковой конец послать должно отряд самых надёжных и скромных из своих людей», «вооружить всех для осторожности достаточно», «но строго приказать во весь тот поход ни одного не произвести выстрела – ни по звере, ни по птице». Единственным случаем, когда можно было употребить оружие, признавалась чрезвычайная ситуация, «таковой случай», «когда разве жизнь тех в отряде состоящих людей подвергаться будет крайней опасности». Особенно в предписании говорилось о реке Колумбии: «в бытность Вашу судами или отрядами вблизи реки Колумбии разведывать обстоятельно, нет ли тут американо-бостонских судов и где производится ли от правительства их замещения колоний».

В случае если русская экспедиция столкнется «с теми», то есть американцами, «как и других европейских наций с вояжирами, также и с самими гишпанцами», «случай допустит, поиметь свидание и переговоры», Главный Правитель строго-настрого предписывал «ни в каких трактованиях о присвоении прав на тамошние местные занятия не входить, а отзываться единственно тем, что для производства промышленности морских зверей по всем берегам и островам, от здешнего порта Ново-Архангельска к югу до Калифорнии, где нет занятий других наций, равное имеют и россияне, как и другие нации, по естественным законам, право искать выгод, не касаясь тех мест, кои уже заняты другими просвещёнными державами», и «вы разъезжаете с отрядом промышленников из места в место, где есть выгоды, единственно для упражнения в промыслах».

И если всё-таки такой бы «переговор» случился, в предписании имелись четкие указания, каким образом необходимо вести себя в подобных ситуациях: «ежели будите иметь способы к сношению или переговорам с комендантом гишпанской Санкт-Франциско крепости господином Люизом, сыном бывшего тут прежде комендантом же г[осподи]на Арвении (известен также под именем Аргуэльо. – С. Т.), с коими имел приятное свидание с дружбу бывшей наш уполномоченной Его Превосходительство Николай Петрович Резанов в 1806-м году и была сговорена в супружество сестра первого, а дочь последнего прекрасная Концепсия (здесь: невеста Н.П. Резанова Кончита. – С. Т.), то известить их поначалу о кончине покойного (Н.П. Резанова. – С. Т.)». Далее, постигая описание дипломатических реалий начала XIX столетия, обратим внимание на второй обязательный элемент переговоров: «препроводя пристойные, из вещей, с вами идущих, подарки». И только потом, «просить благосклонного снисхождения допустить наших партовиков для промышленности в часто-упоминаемую бухту ту Санкт-Франциско».

В предписании встречались конкретные стоимостные выражения предполагаемого промысла: «ещё обещать на первой случай с каждого Большова бобра, кроме кошкоков и медветков, заплатить и по пиастру нашими, какия угодно будет, товарами..., доставя образцы». Оговаривалась возможная обратная реакция испанцев и как реагировать на их предложения: «от них к получению хотя тех же жизненных припасов, какия отпущены были покойному генералу (здесь: Н.П. Резанов, упоминался его чин, согласно «Табели о рангах», соответствовал чину действительного камергера. – С. Т.) и по тем же ценам требовать, но муки более, ежели ниже тех, какия были высказаны генералу, цен согласятся отпустить ту, хотя бы против тогдашних цены цен, не затруднятся в решимости».

Резюмируя инструкцию, А.А. Баранов настаивал И.А. Кускову: «прочее же всё вам известно, что там есть, по каким ценам куплено и что здесь нам нужнее, но более всего при таковых, ежели встретятся, удобность случаев, стараться завести на будущее время со взаимными пользами дружественную о торговле и промышленности связь, дабы свободно доставляемы быть могли наши товары, а их продукты взамен отпущаемых». При возникновении вопроса о торговле бобровыми шкурами, предписывалось неустанно блюсти российский интерес: «бобрового же роду зверей не торговать и ни по какой цене не брать до времени, а склонять более к тому, ежели можно, чтоб дали свободное дозволение при берегах Калифорнии производить нашими партовиками промышленность в таких местах, где более зверя и надёжнее делать производство, полагая за то известную платить в год или с тысячи сумму, разумея только бобры и матки, а провизию получать бы отрядом тем невозбранно добровольною торговлею от духовных миссионеров».

Завершая инструкцию, А.А. Баранов предписывал «обо всех находящихся людях, русских и алеутах, партию составляющих, иметь всевозможное человеколюбие и крайнее благопризрение, предупреждая и отдаляя, поколику в силах и есть в возможности, все нужды, недостатки и изнурения, тягосные человечеству. Особливо же иметь сострадательное попечение о страждущих в немощах болезненными припадками, не жалея никаких интересных пожертвований на восстановление здоровья и прежних сил, каковая заботливость при новых замещениях, наипаче и наряду с предосторожностью о безопасности, должна быть первым Вашим предметом».

Экспедиция продолжалась около одного календарного года: с 15 октября 1808 г. по 4 октября 1809 г. Исполняя в точности наставления А.А. Баранова, И.А. Кусков внимательно всматривался в калифорнийские

берега, начиная от мыса Мендосино до залива Сан-Франциско. Проведение экспедиции сопровождалось постоянными сильными встречными ветрами на море, которые не позволили Ивану Кускову посетить гавань Гавр-де-грей. Однако ему посчастливилось побывать в Тринидаде, откуда он отправился в Бodega, куда прибыл **15 декабря 1808 г.**, и где пробыл до **18 августа 1809 г.** Принадлежало Ивану Кускову переименование залива Малый Бodega, произошедшее несколько позднее. После посещения им этих местностей на картах мирового океана появился залив Румянцева, названный в честь Николая Петровича Румянцева (1754–1826), российского государственного деятеля, министра коммерции и директора водных сообщений.

Экспедиции Ивана Кускова, состоявшейся в **1808–1809 гг.**, принадлежало ещё одно завоевание. Символичным выглядело картографическое обозначение залива Румянцева, где русские промысловики во главе Иваном Кусковым вели промысел морского зверя. Организовав в заливе промысел, русские промысловики получили хороший результат: около полутора тысяч бобров, чуть более четырёхсот кашлаков и около полусотни медвежков. Одним из итогов первого калифорнийского вояжа стал также выбор местности для будущего поселения форт Росс.

Следует отметить, что среди документов Архива внешней политики Российской Империи, сохранилось донесение Главного правления российско-Американской Компании Н.П. Румянцеву от **16 мая 1811 г.**, кратко, с обозначением некоторых нюансов, подводились итоги экспедиции Ивана Кускова **1808–1809 гг.**: «... Управляющий колониями господин коллежский советник и кавалер [Александр Андреевич] Баранов посылал к Ново-Албионским берегам экспедицию, для отыскания лутчаго противу Кадьяка и Ситхи места под поселение компанейское, и сия экспедиция, под начальством коммерции советника [Ивана Александровича] Кускова, отыскала оное в соседстве калифорнского порта Святаго Франциско в заливе и бухте Бodega, оселость в котором однакож не произведена до будущего времени и распоряжений, что наши промышленные, переходя из Бodega горами в калифорнской порт Святаго Франциско, скрытно осматривали тамошнее местоположение и были противу самой крепости гишпанской, – не видали в нём ни одного ни военного, ни торгового судна, ни войска, и производя в самом заливе тамошнем скрытно промышленность морским зверям, находили везде сплошную тишину, что виделись на горах с двумя гишпанцами и одним монахом, от коих узнали, что Калифорния не признаёт ещё ничьей верховной власти, кроме короля Фердинанда VII-го (испанский монарх. – С. Т.), с именем коего носят и кокарды, из коих одну выпросили себе, которая при сём Вашему Сиятельству и представляется, что виделись также и с тамошними дикими народами, кои наших сочтя за гишпанцев, хотели было напасть, но узнав что не оне, свободно допустили путешествовать, из чего заключить можно, что они обладателями своими недовольны».

Вторично Иван Кусков пытался пройти к берегам Калифорнии на корабле «Юнона» в **1810 г.** Однако этой попытке не суждено было воплотиться, поскольку экспедиции помешало нападение индейцев. И Иван Кусков был вынужден повернуть обратно от островов Королевы Шарлоты и возвратиться в Ново-Архангельск.

Особое внимание привлёк один документ калифорнийского периода, датированный **15 марта 1810 г.**, сохранившийся в архиве И.А. Кускова из Российской государственной библиотеки. Обратил он на себя внимание наличием автографа тотемского морехода и важностью сообщавшихся сведений в обращении Главного Правления Российско-Американской Компании к испанцам Калифорнии с предложением вступить в торговые отношения. Как видно из истории торговых контактов России и народов, проживавших в Калифорнии, этим направлением экономической деятельности Компании ведал Иван Александрович Кусков, постоянно назначаемый ответственным руководителем русских промысловых экспедиций.

Отметим, что этот документ для Ивана Кускова явился руководством к действию, поскольку испанцам предлагалось вступить в торговое сношение на островах Кадьяк и Ситка. «Ныне же, по обстоятельствам Европы и самой Гишпани, – писалось в документе, – вы развязаны от затруднений иметь с россиянами торговые связи, тем паче, что они взаимно полезны». Как показала практика торговых сношений, А.А. Баранов поручал Ивану Кускову возглавить переговоры с представителями испанской короны в вопросе покупки «хлеба, скотинного сала, живого скота и прочее, что ... есть в избытке». Ответными шагами для партнёров предлагалось «послать ... корабль прямо отселе, то есть ... кругом света».

В **мае 1810 г.** Иван Александрович на корабле «Юнона» возглавил крупную промысловую экспедицию к островам, расположенным вблизи западного побережья Америки, южнее Ситки. Опасаясь противостояния с американскими торговцами, Иван Кусков для охраны торговли предусмотрел наличие двух больших парусных судов, с которыми у американцев произошло вооружённое столкновение. Перейдя к активным действиям, напали индейцы. Потеряв убитыми восемь алеутов, русские промысловики под командованием Ивана Кускова решили отойти. В пути они продолжали вести промысел, добыв почти полторы тысячи шкур бобров. И ещё один важный результат был у этой экспедиции: на острове Дуглас, вблизи острова Шарлотты, команда Ивана Кускова врыла ещё одну доску с гербом Российской Империи, показав тем самым свои территориальные претензии на американском континенте.

Посещая с экспедициями новые территории, Иван Кусков особо внимательно всматривался в береговую линию заливов, где проходили пути русских экспедиций. К **1810 г.** относится первоначальный выбор места для будущего русского поселения в заливе Малый Бodega (названный И.А. Кусковым заливом Румянцева), где русские промысловики вели промысел морского зверя, – прообраза крепости Росс. Однако, как показала практика, залив Бodega, или Румянцева, оказался непригодным для заселения, так как в его окрестностях отсутствовали посадки строительного леса. Окончательно компанейское судно «Юнона», как писал капитан В.М. Головин, прибыло с промыслов, которыми управлял Иван Кусков, **3 августа 1810 г.**

1811 год в летописи Русской Америки ознаменован несколькими походами на разных кораблях с участием и под командой Ивана Кускова из Ситки в Калифорнию. Подробный рассказ о калифорнийских экспедициях в биографии Ивана Александровича будет уместен в связи последующим строительством форта Росс и его роли в освоении Русской Америки, столь много значащей в обустройстве повседневной жизни русских колонистов и их ставших соплеменников из числа коренных народов Северной Калифорнии. Известно, что Иван Кусков вместе с промышленниками Российско-Американской Компании отправился в Калифорнию на шхуне «*Чириков*» под командованием Х.М. Бенземана **22 января 1811 г.** Известно, что во время похода русские мореплаватели успешно промыслили в заливе Малый Бodega.

Этому предприятию предшествовало написание ныне сохранившихся в архиве И.А. Кускова в Российской государственной библиотеке двух подробнейших инструкций А.А. Баранова к И.А. Кускову об экспедиции в Новый Альбион. Рассмотрение этих документов раскрывало новые черты характера Ивана Александровича Кускова, как дипломата-военного и стратега, проявившиеся в связи с геополитическими интересами России на берегах Северной Америки в первой четверти XIX столетия. Появление этих инструкций важно также рассматривать с точки зрения регламентации общественных отношений накануне строительства крепости Росс, поскольку в этих документах закладывались основы мирного добрососедства русских колонистов с коренными народами, проживавшими на территории, примыкавшей к русским владениям. Проводником этого мирного сосуществования русских и туземцев являлся Иван Александрович Кусков.

Первая из инструкций – секретная, датированная **18 января 1811 г.**, – преследовала цель сосредоточить внимание Ивана Кускова и его сподвижников к обследованию пространств Нового Альбиона с целью последующего размещения русских промышленных предприятий, преследующих цель разработки и последующего накопления пушнины с целью перепродажи «*мягкого золота*», о чём А.А. Баранов «*имел честь рекомендовать о выполнении следующего*». Суть инструкции сводилась к тому, что «*Компания наша может сама собою без посредства казённого на берегах Нового Альбиона учинить обследование и производить промышленность...*».

Ивану Кускову поручалось, «*дабы увериться совершенно во всякородных выгодностях для прочного на конце сей пограничной к Калифорнии полосы обселения*», «*полагаю нужным учинить ещё сей отряд, как для повторения опытов промышленности, так и для обстоятельного познания промысловых надёжных к производству мест, а при онном и к будущему прочному обселению там необходимо нужных выгодностей потребно Ваше тщательное и тонкое замечание и предусмотрение как того, где предположите быть обселению, так и всех окружных, со включением заливов Бodega и Дракова к стороне Калифорнии, а к северо-западу до мыса Мендочино и бухты Тринидацкой прибрежных мест, также и внутрь земли, сколько возможно далее и поколику обстоятельства позволять будут, учинить должно внимательное всей онной ситуации, грунта земли и лесов изследование и описание, дабы не обмануться в местном занятии и не обратиться после в дом раскаяния, когда в отдалении от здешняго сообщества с маловажным отрядом расположенность будет обселением, разумея о предбудущем*».

Поэтому А.А. Баранов в инструкции настоятельно предлагал Ивану Кускову первым делом назвать порт именем Николая Петровича Румянцева, покровителя Российско-американской Компании, «*в коем Вы уже были*», в заливе Бodega. В продолжение инструкции А.А. Баранова И.А. Кускову читаем: «*первым Вашим да будет попечением простроить редут совместно водворению нынешняго отряда и вмещению всех русских, партовщиков, потребностей, имущества и материалов*». Поселение-редут предполагалось «*несколько и пообширнее окопав онной ровом, глубиною в полтора, а шириною в два с половиной аршина, с покатыми ко дну, а не прямыми берешками или стенками, дабы осыпаться не могли, и усыпав хрящём, устлать дерном, а землю валить на внутреннюю сторону редута в разстоянии двух аршин от берешка рва; сделать валик также вокруг с образцами в пристойных местах и так, чтобы двумя или тремя орудиями очищать можно было все стенки редута, и на онном поставить, буде уснуть можете, рогатки вокруг же, а если не позволит время всех, хотя в воротах или проходе в редут ходячую на колесе, дабы на ночь и в случаях опасностей запереться было можно*».

Особо А.А. Баранов оговаривал в инструкции вопрос о местоположении поселения-редута: «*место же под таковой редут избрать либо на возвышенном холме и так, чтоб вблизи других возвышеннее того*

на пушечный выстрел не было, либо и на чистой равнине, отдалённой от всех холмов, дабы всякия неприятныя покушения диких сделать тщетными, при всём том принимать в рассуждение и воду, чтоб не была в отдалении от редута и, по крайней мере, не далее ружейных выстрелов». Предполагалось, что вместе со строительством редута, начнутся мероприятия по организации промысла и заведению промышленности в Северной Калифорнии. Этим направлением работы должны были заняться «половина партовщиков», а другая часть промыслового населения – поисками промысловых звериных мест и наведываться туда, где «более морских бобров и лучше всеми производить промышленность». После открытия промысла в заливе Бодега предполагалось всех принимавших участие промысловиков «под должным прикрытием и лучшим распоряжением» отпустить в самостоятельное плавание. На случай, если для промышленников прекратятся выезды за пушнину, предполагалась организация вспомоществования промысловикам в виде совместных экспедиций, в которых объединялись «сменяя всегда половинным числом, дабы не отяготились одни больше других».

Волновал А.А. Баранова вопрос о географии промысла в заливе Бодега. В инструкции А.И. Кускову он по этому поводу писал: «первые же выезды располагать только около Бодего и Драковой бухты, а не далее, в одну и в другую сторону от мыса Мендочино, или сколько погоды и обстоятельства позволят». Осторожность и соблюдение мер безопасности у А.А. Баранова вызывали присутствие у местных индейских племён враждебности по отношению к русским промышленникам, воинственность испанских колонистов, негативно воспринимавших русских первооткрывателей и мореходов, а также незнанием русскими лоции залива Бодега, проживанием в его акватории «туземными народами того большого залива, в коем обсыпают, якорное место и множество морского зверя, о котором теперь удобнее разведать и спознать чрез тамошнюю здесь бывшую девку, изучившуюся кадыяцкому и чюацкому языку».

Об одном векторе промыслового значения А.А. Баранов оговаривается особо: «но потом уже, когда надлежаще и безопасно опоместитесь, распорядиться отрядом всей партии в северный рукав большой известной Вам бухты (это залив Сан-Франциско, даже здесь, в засекреченном документе, А.А. Баранов боялся назвать прилегающий к владениям Испании залив, упоминаемый «северный залив» – это залив Сан-Пабло. – С. Т.) для обстоятельного изследования того до конца и окружных мест, с замечанием якорных мест и промера глубины в тех, где и промышленность производить со всевозможным напряжением и обдуманном к надлежащим предосторожностям расположением, под распоряжениями надёжных и благонравных, испытанных в верности служителей, и строгою в повиновении дисциплиною, чтоб никто из партовщиков ни на сто сажень без позволения самовольно не мог удалиться поставя на вид бывшее произшествие, стоящее жизни ослушникам-самовольцам». Вспоминая в инструкции И.А. Кускову события из недавнего прошлого, А.А. Баранов ещё раз хотел напомнить русским промысловикам о соблюдении правил предосторожности в связи с плаванием испанских колонизаторов в заливах Калифорнии. Основанием для этого воспоминания стал инцидент, произошедший с испанцами, случившийся во время первой экспедиции И.А. Кускова в Калифорнию в 1808–1809 гг., ставший известным благодаря испанским источникам.

После изучения «северного рукава», после того, как «желаемая произведена будет промышленность и никакой не заметится со стороны народов и другой известной опасности (прежде всего, угрозы со стороны испанцев. – С. Т.)», А.А. Баранов предлагал И.А. Кускову «под конец не лишним сделать опыт, небольшим сначала отрядом побывать и в южный рукав (южная часть залива Сан-Франциско, находившаяся под властью испанцев. – С. Т.) на короткое время, но не в близи устроенной миссии (вероятно, миссия Сан-Хосе к востоку от залива Сан-Франциско. – С. Т.), а одаль и в ночное пробраться время, чтоб не могли заметить водворяющиеся духовные, произвести, сколько возможно будет, промысел, отрядом ли тем или всею партиєю».

Комментируя свои предостережения, А.А. Баранов сознательно оговаривался в инструкции И.А. Кускову об испанцах – представителях духовного звания. Во-первых, данная оговорка отражала существовавшую ситуацию, когда испанские монахи активно занимались миссионерством и закладывали основы христианской веры у коренных народов Северной Калифорнии. Во-вторых, А.А. Баранов говорил И.А. Кускову о воинственном и твердом характере духа испанских монахов, для которых всё происходившее в Америке воспринималось как крестовый поход с последующим насаждением своей веры и религии, традиций, и созданием единого государства и единого религиозного пространства. Поэтому многие русские для испанских колонистов воспринимались как заклятые враги, обещавшие им много различных неприятностей. И еще... расположенные по соседству зримые знаки русского владения, устанавливавшиеся по праву первого вступления на территорию! А наличие русских строящихся крепостей..., подающие надежды контакты с коренным населением... Как здесь могли мирно соседствовать пришедшие за одним и тем же колонизаторы?..

И везде А.А. Баранов требовал устанавливать знаки российского правового владения на территории, подвластные Российской Империи... Это поручение вверялось проверенному в делах своему помощнику Ивану Кускову: «В обеих же сих предсказанных рукавах, а особливо в северном, буде позволят обстоятельства и спокойное обследование произойдёт, сокрыть в пристойных местах по одному секретному знаку, кои вам

и вручаются: одна доска № 000, и один герб, и тридцать серебряных новых медалей и тож оловянных наших прежних двадцать. Но сих последних герба и медалей, но как в бухте той по одному из обитателей до времени будущего не давать, а награждать только тех мест старшин, где опоместитесь, также в заливе Бодего и из отдалённых мест матёрой земли и заливов приходящих, с запискою жыла и имени».

Опасался А.А. Баранов в инструкции И.А. Кускову за обстановку вокруг Сан-Францисской крепости (испанское владение). Он предлагал учредить особый отряд для постоянного наблюдения «в подозрную трубу» за возвышенностью, на которой располагалась крепость «противулежащей возвышенной каменной скалы». Угрозу русским промышленникам представляли «военные или партикулярные морские» корабли, которые могли стоять в гавани. Интерес А.А. Баранова представляли «тутошние гребные суда», «по видам коим и принимать подлежащая к предосторожности меры».

Призывал А.А. Баранов проявлять бдительность и разведывать, где «откроется удобный случай» о «наших дизертирах как с судна “Юнона”, так и с последней под Вашим начальством бывшей экспедиции». Находясь по постоянным присмотром, русским промысловикам давалась разрешение «разведать о всех обстоятельствах, как-то: благосклонности духовных миссионеров, и преднамерениях относительно до вашего о соседстве расположения начальства предпомянутой гишпанской крепости, и естьли гребные при онной или пришедшие морские суда и протчая; а потому и сообразные принять можете меры, с надлежащею предосторожностью».

Зачастую испанцы брали русских промышленников «в полон». Исходя из практики действующих положений, А.А. Баранов интересовался судьбами русских «партовщиков». В инструкции возглавлявшему русскую экспедицию И.А. Кускову Главный Правитель Российско-Американской Компании писал: «И от них же узнать будет способ: по повелению ли начальства учинено убийство и захвачено в плен в прежде бывшей экспедиции несколько из наших партовщиков, или случайно по дерзости казаков или драгун, коим, может быть, и наши партовщики по глупости и преждевременным произведением стрельбы подали повод наоушить на родное право странноприимства, сочтя за дерских подозрщиков, поступили на крайность бесчеловечия».

Особливо в инструкции А.А. Баранов говорил о предстоящей торговле с Испанией и осторожно инструктировал И.А. Кускова: «между тем, ежели и опасается вышняго своего начальства впускать в порт наших судов, склонять, не согласится ли производить мену жызненных своих продуктов на наши товары в заливе Бодего, куда мы доставлять свободно можем и транспортировать на гребных судах свои товары и их обратно продохты во всякое время года, ежели условия с обеих сторон о ценах на мере согласно положатся».

Следующая инструкция И.А. Кускову, вышедшая из-под пера А.А. Баранова 20 января 1811 г., наполнена конкретными рекомендациями к мирному проживанию в Калифорнии русских, индейских и испанских граждан: «усердное желание с ревностными сопряжённое деятельностями, хотя блиские и окружные места учинились не надёжными и опасными для промыслов, то и устремить внимание на дальние должно, где уже и опыты деланы, то есть альбионские берега, где и народы миролюбивые, силам нашим совместные, и где уже в минувшем годе произведена была под Вашим начальством, хотя по первому ещё случаю, но довольно успешная в пользу Компании деятельность и производсво промышленности».

Теперь только от Ивана Кускова зависело «решиться вступить под паруса, и когда погода благоприятствовать будет благоуспеешному выходу», отправиться в плавание. Приказание выступить в экспедицию он получил, однако, как написало в инструкции А.А. Баранов: «не излишним почитаю предложить несколько терминов следующим».

На этот раз инструкция содержала конкретные поручения Ивану Кускову и насчитывала семь пунктов, согласно которых, исходя из первого пункта инструкции, помощник А.А. Баранова путь свой держал к правому мысу Тринидадской бухты Мендочино. После обозрения, «если позволят погоды», И.А. Кускову с командой рекомендовалось подойти к берегам бухты Бодего. И, усмотревши безопасность, А.А. Баранов настаивал спустить байдарки у мыса Мендочино «рассматривать с прилежным замечанием берега, а наипаче бухты и заливы, даже и промеривать входы и внутренности, не откроется ли удобных и безопасных якорных и промысловых мест». Одновременно при изучении берегов Бодего, «поиски и промышленность бобровую производить» неподалёку от выбранного «зборного места партовщиков», которое являлось также пунктом, откуда руководил промысловой экспедицией И.А. Кусков. При условии «благоприятности и тихости ветров», А.А. Баранов усматривал возможность не отдаляться И.А. Кускову от упоминаемого берега в Бодего, дабы промысловики «с надёжною бодростию производить могли поиски и открытия, а когда откроют в той полосе удобную к якорной стоянке бухту или залив, то и войти в таковые и обследовать обстоятельно тот и окружные места с надлежащею от народов предосторожностью».

Второй пункт инструкции гласил о возможности прибытия промысловой партии И.А. Кускова «на прежнее место». По всей вероятности, говоря об этом, А.А. Баранов имел в виду, скорее всего, командный пункт И.А. Кускова, поскольку «первым да будет делом построить для безопасности небольшой редут, окопаться,

поставить орудия, и ежели есть во близости лес, то и рогатками обнести, и потом делать раскомандировку промышленников в бобровой промысел». Отдельно оговаривался вопрос о приготовлении «пищи впрок». Находясь на неизвестной территории, русским промысловикам рекомендовалось заготавливаться животной («прочих зверей») и «рыбною заготавливаться провизиею», «упражня всех людей в полезных действиях телодвижений», поскольку А.А. Баранов волновал вопрос о возможности возбуждения «скорбунной и прочих климату тому свойственных болезней». Причину этого Главный Правитель Русской Америки видел в допущении «праздности и неги» в процессе заготовки и приготовления продуктовых запасов.

Третий пункт инструкции касался возможности возделывания русскими промысловиками огородных культур, которые, надо признаться, в начале XIX в. еще только входили в рацион питания коренных народов Калифорнии.

Читая инструкцию, осмысливая события из истории форта Росс, в сознании неоднократно всплывали мысли о возможном написанном кем-то развитии событий в Северной Америке начала XIX в. Уже больно четко, и друг за другом, кто-то выстроил очередность строительства крепости Росс и обустройства ее территории. Но ничему не надо удивляться!!! Текст инструкции, видимо, и написал А.А. Баранов в преддверье значительного строительного процесса в форте Росс. То есть, он пытался предусмотреть все тонкости предстоящей жизни, поскольку сейчас достаточно вспомнить усердия Ивана Кускова в деле выращивания огородных культур, садоводства и огородничества. Проводником этих всех нововведений А.А. Баранов выбрал Ивана Александровича Кускова.

«Под огородные овощи, пшеницу и ячмень, с вами идущие обработать порядочно во близости селения соразмерное количество земли, посеять и посадить, когда заметите удобное к тому время в марте иль апреле месяцах, и буде не окажется чернозёмного грунта, то и удобрить либо морскою капустою, либо и золою, нажав в разных местах древесного сучья, и жечь и рассыпать золу по полосам, а сверху покрывать землёю, какая есть, дабы ветрами сносить, а дождями смыть с той не могло». В инструкции о каждом растении А.А. Баранов говорил отдельно, предлагал его замечать «особыми знаками, иметь надлежащее наблюдение», «в круг окопать небольшим ровиком», чтобы «по неведению свои или туземные народы не могли попарить или вытаптывать ногами при появлении возникающих нежных былинков растений». Считал А.А. Баранов, что обывателям тамошним необходимо прививать знакомство, «приобучать» новым неизвестным сельскохозяйственным культурам.

Оговаривался А.А. Баранов в инструкции о своём желании начать разводить в Калифорнии в колонии проживания русских промышленников «двух молодых свинок с боровком и яманушку с яманчиком» (здесь говорится о разведении двух молодых свиней и поросёнка, диких или домашних козы и козла, которые в сибирских говорах обозначались как «яман»: «яманушка» и «яманчик». — С. Т.). При отъезде или перемещении партии животных рекомендовалось «оставить на удачу тамошнему старшине или тоюну, кои приверженнее и любопытнее прочих покажутся». Этот пункт А.А. Баранов заканчивает оптимистично: «может быть, со временем и произойдёт успех в пользу человечества, в чём и климат тамошний, кажется, обнадёживает».

Четвёртый пункт инструкции А.А. Баранова касался общения и контактов русских промышленников и туземных народов. Он призывал промысловиков «с народами сколько можно покороче знакомиться». Особо обращал внимание: «наивозможно миролюбивыми и дружественными видами и приёмами приласкивать, избегая и малейшей причинять досады, хотя бы неважной какой поступок по дикости и глупости причинили, снисходить невежеству».

Главный Правитель А.А. Баранов в инструкции, главным образом, заключал: «паче всего не допускать в грубостях заматеревших наших служителей ни до каких обид». И здесь же, как бы между прочим, дополнял: «когда, приобретши воспользуетесь доверенностию, то чрез посредство тамошней идущей девки старайтесь, пожалуйста, сколько возможно более собрать для требуемого в Санкт-Петербург словаря тамошних слов, с наименованием разных вещей, по их выговору, против кои ставить и русские наименования, для чего и предлагается у сего один печатной экземпляр, но чем более таковых наименований, тем полезнее». Отметим, что мудрый бывший каргопольский купец не упустил из виду и прикладной характер промысловой экспедиции. Кстати сказать, ничего сверхудивительного в подобном положении вещей и в этих рекомендациях не отмечалось, поскольку помогать академическим учреждениям в последней четверти XVIII в. считалось привычным делом. Обыватели не воспринимали чем-то неестественным участие в академических экспедициях и зачастую принимали участие в анкетировании, касавшимся выяснения тех или иных научных вопросов. Правящее правительство нередко обращалось к населению, когда разрабатывало конкретные мероприятия по выходу страны из кризиса, оправдывая, тем самым, своё правление в эпоху Просвещения.

Пятый пункт инструкции А.А. Баранова, которая адресовалась И.А. Кускову, отражала также явления эпохи Просвещения. Во-первых, И.А. Кускова особо наставляли в выяснении вопросов естественного характера: «все окружные места, вблизи и вдали, сколько позволят обстоятельства, с прилежностью

осмотреть и учинить свои замечания, в особенности же ближние леса, и каково рода, реки, озёра и заливы, и водится ли в тех рыба и каких родов, почву земли: способна ли к землепашеству, и довольно лугов, где сено заготавливать, или выпуски скотские в изобильном количестве делать возможно, какие есть тамошнему климату свойственные продукты, в каком количестве и чем более питаются в разные все времена года природные тутюшние народы».

Во-вторых, при обследовании новой территории промысловикам рекомендовалось обратить внимание на народы, населявшие вновь выявленное пространство: *«и об них: ведут ли с кем войну? не кровожадны ли? имеют ли склонность к воровству? не мстительны ль за обиды, какая имеют воинственные и промысловые орудия и рукоделия своих изделий».* В-третьих, интересовало также А.А. Баранова *«добрую испытать сторону»*: *«странноприимны ли, чувствуют ли благодарность за оказанные благодеяния, знают ли цену дружества, имеют ли уважение к родным своим, почитают ли родителей и состарившихся мужей и женщин, и любят ли родительски с горячностью детей своих, и как об вас будут умствовать при миролюбивых расположениях, и прочия, какие только постигнуть можете, описать их нравственности, распространяя это всё и на залив Бодего, естьли не встретиться опасностей, ибо весь народ сей, кажется, по первым описаниям, ближе всех известных доселе к первобытному природы произведению и чужд, может быть, всех или многих просвещённым свойственных навыков и пороков».*

При изучении этого пункта инструкции, обратило на себя одно обстоятельство, связанное с намерением русских промышленников с воспитанием малолетних туземцев. Отыскав детей коренных народов, А.А. Баранов рекомендовал И.А. Кускову *«купить или из каких ни есть сирот, приласкавши, чрез девку достать молодых мальчика и девочку».* Главный Правитель, таким образом, хотел получить возможность воспитать подходящих помощников, знавших русский язык, а *«потом употребить в перевод».* Отметим, что при проведении переписей в форте Росс Иван Кусков неоднократно указывал на воспитание в семьях русских промышленников и коренных туземок приёмных детей. Не являлся исключением в этом отношении Правитель форта Росс. Известно, например, что при пересечении границы, когда он в 1823 г. ехал обратно на постоянное место жительства в город Тотью Вологодской губернии, его сопровождала воспитанница, удочерённая коренная креолка Надежда Каменская.

Шестой пункт инструкции касался внутренних контактов в партии промышленников, причём А.А. Баранов писал: *«о том, где и как располагаться с успехом промышленностью, я ничего здесь сказать не могу., о дальних предприимчивостях говорили мы довольно».* Главный Правитель уповал И.А. Кускову в этом вопросе на его *«благоразумие»* и *«опытности образованности».* О том, как поступать *«с русскими, так и с партовщиками»*, А.А. Баранов доверялся своему компаньону, подчеркивая при этом *«надлежащее характеру Вашему поведение и человеколюбивое снисхождение без послабления дисциплины и должного порядка, равно и меры ко всякой нужной там предосторожности».* Попечителем всех русских промышленников, подчеркивал А.А. Баранов, оставался Иван Александрович Кусков.

Седьмой пункт инструкции оставлял возможность для Ивана Кускова поступить, согласно обстановки: *«если льстить будут успехи и выгоды в промышленности, пробыть долее, хотя бы до августа месяца, а ежели нет, то и ранее, в мае или июне, обратной принять путь, и также если откроются особенные из тех важных видов., и не будет опасности оставить отряд, а судно сюда отправить со извещениями или сами лично для переговоров побывать, то на то Вам решиться беспрекословно приемлю на себя, ежели бы и потребовалось сверх чаяния какова ответа».* Из этого пространного текста видно, что Ивану Кускову предоставлялась возможность после успешного завершения экспедиции поступить согласно его желанию: либо оставить службу и вернуться в Россию, либо продолжить бороздить океанские просторы под флагом Российско-Американской Компании. Насколько известно, Иван Кусков поступил так, как подсказывало ему сердце...

К 21 февраля 1811 г., русская экспедиция достигла залива Румянцева, он же Бодего. Не обнаружив зверя, более двадцати русских байдар были вынуждены покинуть залив, отошли к другому месту промысла, пытались отыскать новую промысловую территорию. Позднее русские промысловики основали город Сан-Франциско. Сегодня мало кто знает, что в то время всё побережье Тихого океана, начиная от Аляски и заканчивая современным городом Сан-Франциско, принадлежало России. Далее следовали три долгих месяца занятия промыслом и добычи зверя... После этого, уходя к месту своего временного пристанища, русские промышленники добыли около одной тысячи двухсот бобров и около восьми десятков кашлаков.

Постоянной проблемой для Ивана Кускова, да и всех партий русских промысловиков, входивших в Российско-Американскую Компанию, ведущих удачливый промысел в Калифорнии, оставалось всегдашнее присутствие в заливах Русской Америки испанских колонистов, всячески мешавших русским осуществлять свою деятельность. Например, испанцы препятствовали добыче русскими пресной воды, поскольку они охраняли родники, зачастую выставляя часовых. Единственным выходом из сложившейся ситуации была сба-

лансированная политика нивелирования с враждебно-настроенными испанцами. Чтобы не вызывать частого гнева противника, Ивану Кускову, как руководителю промысловой партии, приходилось проявлять мудрость и дипломатическое терпение, уходя от противника, не вызывая вооруженных столкновений с врагами. После возникновения противостояния **в конце июня 1811 г.** Иван Кусков вместе с русскими промышленниками достиг Ситки на обратном пути **28 июля 1811 г.**, затратив, таким образом, на обратный путь двадцать восемь дней. **В ноябре 1811 г.** Иван Кусков на шхуне «*Чириков*» отправился из Ситки в Калифорнию для организации русского поселения, *«получив двадцать пять человек русских рабочих и сорок байдарок алеут...»*.

Историк Н.Н. Болховитинов считал, что *«именно этот поход И[ван] А[лександрович] Кускова завершился созданием русского поселения Росс в Калифорнии»*. Однако исторические реалии оказались другими... И этот поход входил в разряд только лишь подготовительных мероприятий... Внести ясность в дело строительства русской колонии на калифорнийском побережье, призвана была пятая экспедиция Ивана Кускова. Основываясь на приказах Главного Правителя А.А. Баранова, коммерции советнику выбрали из лучших людей сорок человек русских и восемьдесят человек алеут. Согласно распоряжению, экспедиции выделили необходимые товары, припасы, материалы и всё то, что *«нужно для первого обзаведения»*.

Продолжение обстоятельств пятой экспедиции Ивана Кускова находим в сочинении историка форта Росс В.А. Потехина «*Селение Росс*»: *«В феврале месяце 1812 года на судне “Чириков” отправлен был к берегам Нового Альбиона отряд промышленных под предводительством [Ивана Александровича] Кускова, которому поручалось на избранном им месте основать поселение и крепость, при небольшой бухте...»*. Фактическими хозяевами на калифорнийском побережье в начале XIX столетия выступали испанские колонисты. Они всячески мешали русским промысловикам вести заготовку морского зверя. И только **весной 1812 г.** удалось купить у индейцев подходящую землю для организации русской колонии. Куплена она была честно за три одеяла, три пары брюк, два топора и три мотыги, не считая различных бус. Называлась она у хозяев *«Мад-же-ны»*.

Итак, одной из попыток решить продовольственную проблему в Русской Америке явилась идея создания сельскохозяйственных колоний. Им отводилась роль, чуть ли не главного снабженца Аляски продовольствием. Попытки стать распорядителями на американском континенте русские промысловики предпринимали не единожды, они отчётливо двигались к достижению своей цели. Первой возможностью решить проблему стало формирование Форта Росс в Калифорнии.

Первоначально проникновение русские в Калифорнию связывалось с промысловыми экспедициями для добычи морской выдры – калана. И в начальный период, как это было **в 1803 г.**, вопрос решался совместными российско-американскими действиями. Сотрудничество стратегических партнёров выливалось в организацию промыслового промысла, который осуществлялся туземцами. На деле, совместная промышленная добыча зверя включала несколько этапов: на первом этапе Российско-Американская Компания нанимала коренное население для промысла, корабли предоставляли американские партнёры, транспортировавшие заготовленную продукцию – шкурки каланов.

Давая четкие инструкции наставнику команды промысловиков, А.А. Баранов *«предписывал замечать все страны, где будут они приставать»*, надеясь получить сведения о жителях Калифорнии и производимой здесь продукции, о местах обитания каланов, о формах и методах торговли американцев с калифорнийскими испанцами и туземцами северо-западного побережья, включая цены и средства платежа. Из документальных предписаний выявлялась не только промысловая, но и разведывательная миссия экспедиции, связанная с планами Российско-Американской компании в южном направлении.

Оказывается, первым заговорил о возможной колонизации Калифорнии Н.П. Рязанов. Он, озвучивший идею о русской культурной, социальной, экономической и антропологической ассимиляции северо-западного американо-калифорнийского побережья, намеревался с помощью развития земледелия и скотоводства в этом регионе решить продовольственную проблему Русской Америки, поскольку несомненными достоинствами Калифорнии были промышленная добыча каланов и плодородие земель еще неизведанной территории.

Идея о Русской Калифорнии реализовывалась через колонию Росс. И ее создание, по сути, явилось одним из первых шагов по колонизации северо-западного побережья Америки. Кстати, из сохранившихся архивных документов известно, что **в 1830-х гг.** в колонии Росс и окрестных территориях до Ново-Архангельска утвердилось прилагательное от названия «Росс» – «россинский» (например, «россинские индейцы» или «Россинская контора»). И главным воплощением мечтаний российских мореходов и судопромышленников явился тотемский мещанин, коммерции советник Иван Александрович Кусков.

Из *«Исторического обозрения образования Российско-Американской Компании...»* П. А. Тихменёва известно, что *«возвратившись в том же [1811] году в Ново-Архангельск для окончательных совещаний с [Александром Андреевичем] Барановым о дальнейших действиях [Иван Александрович] Кусков в марте 1812 года прибыл вновь к берегам Нового Альбиона, имея при себе всё нужное для первоначального поселения...»*. Прибыв в залив Бодего, шхуна встала на якорь... Иван Кусков предпринял обозрение территории, отправившись

на байдарках вверх по реке Славянка. Помощник И. А. Кускова тобольский крестьянин Сысой Слободчиков совместно с десятью алеутами пешим маршрутом пролагали себе путь между заливом Бodega и рекой Славянка.

Спустя годы, не ранее 1831 г., описывая пятую экспедицию Ивана Кускова, анонимный автор *«Исторической записки об организации поселения Российско-Американской Компании, впоследствии названной Росс»* отмечал, что при осмотре нигде не оказалось приличного и удобного географического пространства для заселения. Поэтому Иван Кусков *«решился основать колонию в пятнадцати верстах выше реки Славянки, в небольшой бухточке»*. И далее в обозначенном документе автор продолжал: *«выбрав сие место для заселения, г[осподин Иван Александрович] Кусков перешёл в залив из залива Бodega с судном и со всеми людьми в сию бухточку. Товары и прочее в судне перегрузили, а самое судно вытащили на берег...»*.

Место для колонии было выбрано на берегу океана. Хотя у территории, где планировалось возвести крепость, наличествовал один крупный недостаток: здесь не было гавани, ни рейда для судов, ни даже обыкновенного якорного места. И всё-таки выбор был сделан. Иван Кусков в этой ситуации руководствовался, прежде всего, охранительными соображениями, или, как писал В.М. Головин, чтобы *«затруднить взятие его»*.

Форт Росс создавался как база для промысла калана в калифорнийских водах, будущий очаг сельского хозяйства, призванный в ближайшей перспективе решить продовольственный вопрос для Аляски и одновременно форпост Российско-Американской Компании в Калифорнии, и перевалочный пункт в русско-калифорнийской торговле. Строительство крепости Росс началось **22 марта 1812 г.** Форт расположился на утесе более двадцати метров в высоту, около самого берега, при едва приметном его изгибе. Крепость располагалась близ обрывистого океанского берега, рядом с небольшой бухтой, не пригодной для стоянки крупных судов. С другой стороны поднимался горный гребень, тянувшийся вдоль берега. Названная Иваном Кусковым *«Форт Славенск»*, или *«Форт Росс»*, крепость строили довольно быстро... Соседи-испанцы нарекли крепость в заливе Сан-Франциско как Фуерто де Лос Русос.

Первые поселенцы в форте Росс обживались в палаточном городке. Приняв всевозможную предосторожность, колонисты поставили караулы и ночные дозоры. Занялись заготовлением лесов для строительства крепости и жилых домов. Местность близ крепости покрывали леса, главным образом из секвойи. Леса перемежались с лугами, пригодными для пастбищ. Первоначальную сложность для промысловиков (русских и алеутов) вызывало отсутствие тягловых животных, поскольку им приходилось после рубки леса перетаскивать его на строительную площадку. Дело спорилось достаточно быстро: один за другим к концу августа вырастали деревянные срубы. И когда на расчищенной территории обозначились очертания небольшого поселения, первые строители *«основали первое жительство людям»*.

Русская колония Росс расположилась *«под 38 градусом северной широты и 123 градусом восточной долготы (по гринвичскому меридиану) в восемнадцати итальянских милях от порта Сант-Франциско. Спустя три месяца главные сооружения были окончены, и 30 августа, в день тезоименитства покойного Государя Императора Александра Павловича (при открытии крепости Император Александр Первый находился в полном здравии, но когда писалась книга, он уже скончался. – С. Т.), последовало, при пушечной пальбе, открытие крепости, которая по “выгнутому жребии, положенному пред иконой Спасителя, названа была Россом”»*.

Исторические документы сохранили мельчайшие подробности событий **конца августа 1812 г.** После назначения дня поднятия флага посередине селения Росс появилась мачта со стеньгой, врытая в землю. Поднятие флага сопровождалось чтением молитв, а также пушечной и ружейной пальбой. Говорились приветственные слова и поздравления... После первых торжеств закипела работа: взоры были обращены *«единогласно на постройки»*. Крепость представляла четырехугольный палисад из высоких вертикальных брёвен. Кроме оборонительных сооружений в течение года поселенцами внутри крепости были возведены казармы, поварня, кузница, слесарня, балаган для товаров, а за её стенами: баня и скотник с пригонами. Построенные русскими промысловиками строения форта рубились из местного материала – дерева красной сосны – чаги. И крепость при окружном взгляде выглядела добротным благоустроенным поселением, откуда открывался замечательная перспектива: морские просторы, долина реки Славянки, острова Сан-Францисского залива... Крепостные башни, или блок-гаузы, расположенные по сторонам палисада, первоначально промысловиками использовались для жилья. Постепенно их вооружали (в наличии отмечали тринадцать пушек), на крепостных стенах устанавливались рогатки.

Несколько позднее, в **1814 г.**, в крепости Росс появились дом правителя, казармы, магазин, кладовая, сарай, поварни, мастерские, бани, кожевенный завод и другие службы. Иваном Кусковым использовался дом правителя. Согласно *«Ситуационному плану крепости и селения Росс»*, составленному в **сентябре 1817 г.**, помещение строили из брёвен, оно содержало в себе семь комнат, сени, два чулана, кладовые внизу и пороховой погреб. В **1818 г.** при осмотре крепости В.М. Головин нашёл *«весьма хорошее строение; дом начальника,*

казармы и магазины». И, восхищаясь предусмотрительностью Ивана Кускова, сказал: «к чести основателя сего заведения, коммерции советника [Ивана Александровича] Кускова надобно упомянуть, что в крепости есть колодезь, хотя он стоит подле реки. Это весьма нужная мера воинской осторожности».

Гарнизон крепости Росс в 1818 г. насчитывал двадцать шесть человек русских жителей и чуть более сотни алеутов. Расселение жителей колонии отличалось компактностью. Большинство людей жило в крепости. Помимо форта в Русской Калифорнии воздвигли ещё два мелких поселения: Порт Румянцев в Малом Бодего, где швартовались русские корабли, состоящий из двух строений (склад и баня), охранявшийся двумя-тремя кадыкцами или русскими; вторым поселением была зверобойная артель на Фараллонских островах, состоявшая из двадцати – тридцати человек, преимущественно русских или аляскинских зверобоев с их женщинами, в основном калифорнийских индианок.

Население Росса отличалось многонациональностью. Русские составляли около 14 процентов, креолы – около 7 процентов, кадыкские эскимосы – 50 процентов, калифорнийские индейцы (в основном женщины) – около 22 процентов. В Россе также проживали финны, гавайцы и якуты, занимавшиеся скотоводством. Численность взрослого населения Росса колебалась от *двухсот шестидесяти человек в 1820 г.* до *ста семидесяти пяти человек в 1821 г.* Причем заметим, переписи населения в Форте Росс дважды проводил Иван Кусков. При составлении документов учитывались малейшие подробности демографической ситуации.

Первый документ фиксировал людей, «русских, кадыкских и других племён, мужеска и женска пола», находящихся в селении и крепости Росс в период с **1 июня 1820 г. по сентябрь 1821 г.** В нем отмечались мужчины и совместно проживавшие с ними женщины разных национальностей, прижитые в этом «диком» супружестве дети, с указанием их возраста, отлучившиеся, куда и каким способом люди, а также преступившие закон жители Форты Росс... Согласно написанной рукой Ивана Кускова «Ведомости, находящихся в селении и крепости Росс...», из двухсот девятнадцати взрослых жителей русских было двадцать три человека (все мужчины); из ста сорока восьми мужчин было три якута, пять креолов, сто шестнадцать кадыкских эскимосов, алеутов и аляскинских индейцев. Взрослых женщин в Россе было семьдесят одна: из них индианок – сорок две, остальные – кадыкские эскимоски, а также креолки и алеутки. Индианки составляли примерно треть женщин, живших с русскими и креолами, и 72 процента женщин, живших с коренными жителями Аляски (не включая сюда креолов); индианок из «окружных мест Росса» (кашайя, юго-западные помо) было двадцать две, «бодегинских» (береговые мивок) – и столько же – «из реки Славянки» (вероятно, южные помо).

Во втором документе учитывались «люди, состоявшие в селении Росс и на Ферлоне, русские, кадыкские, чугачь и индейцы обоего пола» в **октябре 1821 г.** Русская Америка в **начале XIX в.** почти не имела постоянного русского населения. Побыв на Аляске или в Калифорнии семь лет, предусмотренные контрактом, промышленники возвращались обратно в метрополию. Такой порядок труда и жизни колонистов предопределялся историческими традициями в России, когда трудовое население являлось практически собственностью государства. И такие категории населения несли в его пользу подушный оклад и другие повинности. Они получали для перемещения, даже в границах Российской Империи, паспорта, как правило, на три года. Поэтому у Главного Правления Российско-Американской Компании постоянно возникала проблема с наймом новой рабочей силы. Поэтому промысловики отличались постоянством пребывания на Аляске и в Калифорнии. Правда, руководству Компании особо не приходилось выбирать... Встречались и безвестно сошедшие со своих земель и из своих домов, и неплательщики, и примачи, другие «преступные» элементы, тем более, что многие из промышленников были известными неоплатными должниками. Например, Иван Кусков, отбывший из Тотьмы без паспорта и не плативший повинности в пользу государства в течение многих лет.

Если доверять Е.В. Кичину, автору первой биографической статьи о И.А. Кускове, опубликованной в «Вологодских епархиальных ведомостях», при несении калифорнийских обязанностей с тотемским мещанином и Правителем крепости Росс всегда рядом находилась его супруга Екатерина Прохоровна: «Как здесь [в Россе], так и во всех других местах поселений наших в Америке г[осподин Иван Александрович] Кусков обходился с язычниками тихо, кротко, но, несмотря на то, они не раз имели намерение лишить его жизни. Спасением от таких злоумышлений он обязан своей жене, отчасти ознакомившейся с языком диких американцев». Судя по переписным документам, сохранившимся в архиве И.А. Кускова в Российской государственной библиотеке, и составленным Иваном Кусковым, среди обитателей крепости Росс Екатерина Прохоровна не числилась. Кстати, среди жителей Росса не упоминался Иван Кусков, вероятно, позабывший себя внести в список, или постеснявшийся включить себя и свою супругу в список полноценных граждан колонии Российско-Американской Компании...

Главным направлением хозяйственной жизни Росса в первые годы существования колонии являлся промысел калана силами алеутов. В результате истребления калана количество добытого зверя неуклонно сокращалось. Поэтому со временем наиболее перспективным направлением развития колонии выступало земледелие. По меткому замечанию К.Т. Хлебникова, правитель колонии Иван Кусков «любил огородство и особенно

оним занимался, и потому у него всегда было изобилие свёклы, капусты, репы, редьки, салатов, гороху и бобов».

Близ селения колонисты-поселенцы возделывали несколько огородов. Для первого опыта Иван Кусков посадил картофель, репу, огурцы, свёклу, морковь, лук, редьку и салат. И первый урожай не заставил себя ждать. Он уродился богатым... Особенно большой урожай приходился на картофель, выращиваемый два раза в год. Посадки февраля – собирали в мае, а высаженный в июне продукт давал урожай в октябре. Как оказалось, многие культуры выводились впервые для Калифорнии.

С течением времени к огородным культурам прибавились капуста, тыква, горох, бобы, дыни и арбузы, садовые ягоды. В одном из писем К.Т. Хлебникову Иван Кусков о выращенных в форте Росс культурах сообщал: *«огородные овощи только что приняли рост, из ягод земляника и клубника поспела несколько уже дней. Приготовление обсахаривать тех не знаю, а лучше бы и без всякой премудрости сделать пильняки, но для сего нет почти нисколько материалов* (здесь: *«приготовление обсахаривать»* – имеется в виду приготовление земляничного или клубничного варения, *«пильняки»* – то есть пельмени, известное в Вологодской губернии блюдо, приготавливаемое из теста, начинённого мясом и сваренного в воде, только в этом случае они напоминали украинские вареники или галушки, начинённые не вишнями, а клубникой, не очень принятого для этого продукта; в Тотье, как и во всей Вологодской губернии *«пильняками»* называли дикое растение, которое ели весной в сыром виде. – С. Т.)»

Однако хлебопашество не принесло долгожданных спехов. Этот опыт в Калифорнии не привился. Развитие хлебопашества происходило медленно. Посевы были невелики. Статистика урожая зерновых в 1818 г. оказалась меньше ожидаемого: пшеница – сам-пят, ячмень – сам-шест. Лишь с середины 1820-х гг. зерновое земледелие превратилось в ведущую отрасль. На реке Славянке располагалась, неподалёку от русского поселения Росс, появилась водяная мельница. Её продукция предназначалась не только для всех русских поселений, но и для индейцев, использовавших ручной труд при дроблении зерна на жерновах.

Учитывая наличие хорошего климата, поселенцы пробовали заниматься садоводством. Они посадили яблони, персиковые и вишнёвые деревья, лозы виноградника. Фруктовые деревья через некоторое время стали плодоносить. Выращивались арбузы, дыни и тыквы. Хороший урожай приносил табак малороссийского и виргинского сортов. Кстати, говоря, чтобы хоть как-то стимулировать промысел морских животных, русские колонисты раздавали в награду за труды жевательный табак, который превратился для них в повседневный продукт, как и листья кустарника коки. Современник И.Е. Вениаминов в связи с этими обстоятельствами писал: *«Приверженность к табаку в них так велика, что алеут без табаку уныл и скучен и более недейтелен»*. Колонисты разводили розы. Сад, разбитый недалеко от Росса, сохранился до наших дней.

Но всё-таки садоводство и огородничество играли второстепенную роль... Сохранялся первыми поселенцами морской промысел. С целью добычи мясных продуктов и продовольствия команды ещё из залива Бodega в район островов Фараллон для промысла сивучей и птиц колонистами были отряжены один русский и четыре алеута. Впоследствии из этого района для колонистов доставлялось значительное количество солёного и сушёного мяса. Из местностей заливов Большой Бodega и Дракова бухта изобильно прибывало мясо коз и оленей. Продолжался традиционный промысел пушных зверей: в разных местах поселяне форта Росс в течение первого года добыли около семисот морских бобров и более двух с половиной тысяч морских котов.

Со временем в Россе стали разводить домашний скот. Получив от испанцев некоторое количество животных, Иван Кусков занялся разведением стада. Произведённое мясо засаливали в бочках, сбивали масло. Производили сало, из которого отливали свечи. Возделывали кожи, овечью шерсть. Производимая продукция имела опытный характер и не могла удовлетворить возрастающие потребности русских поселений на Аляске. В 1818 г. в форте насчитывалось десять лошадей, восемьдесят голов крупного рогатого скота, двести овец, более пятидесяти свиней. В **октябре 1821 г.** поголовье стада достигало: лошадей – чуть более двадцати голов, крупного рогатого скота – почти сто пятьдесят голов, овец – шестьсот семьдесят голов, свиней – сто шестьдесят голов. Через год, в **1822 г.**, стадо крупного рогатого скота составляло почти двести голов, имелось около тридцати лошадей, около восьми сотен голов овец и около ста тридцати свиней. И оно, стадо, при этом постоянно пополнялось, несмотря на значительный забой скота. Современники, например, отмечали, что в двух забитых быках, чистого мяса было около пятидесяти пудов. Но всё-таки возможности Росса снабжать продовольствием другие колонии оставались ограниченными...

Ивану Кускову удалось организовать работу кожевенного завода, сапожной мастерской. Выделывать кожи учились как постоянные жители форта, так и коренные народности Калифорнии: алеуты, креолы, индейцы. О работе колониальных производств Иван Кусков сообщал в Главное Правление Российско-Американской Компании: *«знающие промышленники, выделывая несколько подошвенных кож и козлин, употребляли к тому дубовую кору и на чернение последних ольховую кору и железную окалину. Кожки вышли превосходные, не уступают первой калифорнийской дубленин. Краска козлов также удалась»*.

Помимо скота, русские поселенцы в форте Росс разводили кур и гусей. Приготовление мяса птицы, как и само её разведение, для соседних территорий было делом абсолютно неизвестным, а самое главное – неизвестным. После того, как промысел калана подходил к своему завершению, компенсируя его упадок, колонисты в экономику крепости привнесли различные ремёсла и промыслы, предназначенные на вывоз. Стали использоваться минеральные и растительные ресурсы. Из местных полезных ископаемых – гранита, сиенита, песка – делали жернова и точильные камни. Из глины, имевшейся поблизости с крепостью, русские колонисты наладили производство кирпича. Испробованная секвойя, послужила источником для производства бочонков и черепицы. Произраставший в этой местности дуб и лавр также стали источниками экспортирования. Из местной сосны изготавливали жидкую смолу. В крепости успешно развивалась ремесленная обработка меди и железа. Строились на местной судовой верфи корабли, развивалось кораблестроение. В 1818 г. в крепости Росс под началом И. А. Кукова построен и спущен на воду галиот «Румянцев». В 1820 г. закончено строение брига «Булдаков», заложен бриг «Волга» и заготовлен лес ещё для двух судов.

Жизнь нового русского поселения Ивану Кукову не мыслилась без развития социальной инфраструктуры. Социальные отношения строились на традициях общинного законопослушания и гостеприимства, известных в городах и деревнях Северной Руси и Сибири. Поскольку правовое положение крепости Росс оставалось не определённым, развитие в крепости специализированных учреждений (больницы, училища, церкви) Российско-Американская Компания сдерживала. Ее опасения вызывали подозрения испанцев, что русские имеют далеко идущие планы и намерены в дальнейшем колонизировать Калифорнию вширь и вглубь.

При рассмотрении контактов русского населения и туземцев в Русской Америке выяснилось, что российские подданные всегда выступали подавляющим меньшинством в собственных колониях на территории всей Аляски и Калифорнии. На одного русского, говорила статистика, приходилось двадцать туземцев. Поэтому коренные жители составляли основную рабочую силу Российско-Американской Компании. Они делились на несколько групп, зависимых от колониальной власти. И благодаря этому получили своё заработанное жалование.

Первую группу составляли коренные народности, зависимые от компании и живших под контролем русских военно-торговых и административно-хозяйственных поселений (кадьякцы, аляскинцы, чугачи). Например, в крепости Росс. Вторую группу населяли народы, свободные от Компании. С ними, как правило, промышленники поддерживали торговые отношения. Они использовали туземцев (эскимосы, индейцы) для поддержания безопасности и добровольно нанимали их на работу.

В повседневной практике русско-индейских отношений встречалось несколько категорий зависимого населения. Практически у каждого промышленника работали каюры (мужчины и женщины), использовавшие в качестве прислуги. Они, как привило, трудились на тяжёлых и грязных работах: добывали рыбу, рубили и таскали дрова, были гребцами на байдарках... За свой труд каюры не получали вознаграждения, кроме пищи и одежды, находясь практически на положении рабов.

Основная масса туземного населения относилась к вольным алеутам (так обозначались туземцы независимо от их этнического происхождения). Трудовые взаимоотношения с ними поддерживались на условиях принудительного долгового найма. Как только туземец возвращался с промыслов, происходили расчёты с компаньоном, у которого он служил: долги либо списывались, либо переходили долгом на следующий сезон.

Компания, стремясь заручиться поддержкой части зависимых туземцев, облегчить управление ими, делала ставку на их вождей «*тоенов*» или «*тойонов*», которые считались главами того или иного селения. Как показывала практика, через первых лиц туземцев колонисты доводили до коренного населения свои распоряжения. Тойоны больших деревень имели помощников (заказчиков и нарядчиков). Особых привилегий у них не было, работали они наравне с другими туземцами. Отвечали за отправку на промыслы жителей селений и за несение других повинностей своими сородичами. Изредка за свои старания, получали мелкие подарки от колониального начальства. Встречались коренные жители, добровольно работавшие у русских за определённую плату. Как правило, к подобным работам привлекались туземцы независимых племён, выполнявшие разовые поручения, например, работавшие проводниками. Их услуги, к примеру, погодно оценивались в пятьдесят рублей.

У коренных жителей Аляски и Калифорнии имелась возможность сравнивать отношение к себе, исходившее от русских и испанцев, например. Если испанцы обращались с индейцами, как с рабами, то совсем иное отношение они увидели к себе со стороны русских колонистов. Насилие, грабежи, истребление, облавы и охота на них, самые тяжёлые работы – это всё, что практиковали испанцы с индейцами в повседневной жизни. Иное отношение показывали русские. Например, В.М. Головин в «Сочинениях и переводах» писал: *«вместо того, чтобы ловить и заковывать их, они дарили им часто разные вещи, хотя маловажные, но для них дорогие, и даже... вступали в супружество с их дочерьми. Такое благоразумное поведение [Ивана Александровича] Кукова скоро показало жителям разность между двумя народами – русскими и испанцами. По*

мере привязанности их к русским, индейцы их почитают как друзей и братьев, – увеличивалась их ненависть к испанцам, кои считают индейцев не лучшие скотов...». В благодарность тойоны племён, живших в район Росса, Амматин и Гамлеле, Ивана Кукова именovali «хойбо», как и своих старейшин, что означало – «начальник». Поддерживая статус своего защитника и покровителя, они его нарекли «апихойбо», то есть – «большой начальник».

Второй попыткой основать русскими сельскохозяйственную колонию с соизволения Имперского правительства явился проект создания поселения, и принятия в российское подданство части Гавайских островов. Однако Ивану Кукову не пришлось принимать участия в экспедиции к Гавайям... Исторические реалии победного шествия русских компаньонов на восток стали основой для складывания других повествований еще только входивших в литературу созерцателей и творцов...

Таким образом, подошел к окончанию очередной период жизни и деятельности русского морехода и путешественника Ивана Александровича Кукова...

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ журнала «Историческая демография»

Журнал публикует научные статьи на русском и английском (с кратким, до 1 стр., резюме на русском) языках объемом, как правило, до 0,5 п.л. (до 20 000 знаков, включая пробелы) и краткие сообщения объемом 0,1–0,2 п.л. (до 8 000 знаков, включая пробелы) по следующим проблемам: история и современное состояние историко-демографических исследований; источники для проведения историко-демографических исследований и методика их анализа; этнодемографические процессы в древности и средневековье; общее и особенное в историко-демографическом развитии стран и регионов в новое и новейшее время; современная этнодемографическая ситуация и перспективы ее развития; историческая география; методология историко-демографических и историко-географических исследований. К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, комментарии к ранее опубликованным работам, хроника научной жизни, исторические источники. В разделе «Научное наследие» планируется публиковать не издававшиеся ранее труды ушедших из жизни ученых.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования с учетом новизны, научной значимости и актуальности представленных материалов. Статьи, отклоненные редколлегией, повторно не рассматриваются. Авторы несут ответственность за научное содержание, достоверность и оригинальность приводимых данных.

Требования, предъявляемые к оформлению текстов для публикации:

1. Материал предоставляется в электронном виде в текстовом редакторе *Microsoft Word*. Имя файла составляет фамилия первого автора, например: *Ivanov.doc*. Формат А4. Поля по 2 см; шрифт – *Times New Roman*; размер кегля – 10 пунктов; межстрочный интервал – одинарный.

Вставка символов – **Symbol**. Просим не пользоваться особыми шрифтами и оригинальными символами. Текст набирается без принудительных переносов. Разрядки слов не допускаются.

2. Абзацы задаются автоматически (0,7 см), а не с помощью пробелов. Расстановка переносов – автоматическая (в словах из прописных букв переносы не ставятся).

3. В первой строке печатается индекс УДК (выравнивание влево). Во второй строке печатаются инициалы и фамилия автора с выравниванием по центру, курсивом. Третья строка оставляется пустой. В четвертой строке печатается название статьи полужирным шрифтом, выравнивание по центру. Пятая строка остается пустой. С шестой строки печатается аннотация (не более 7 строк) на русском языке обычным шрифтом с выравниванием по ширине. После аннотации печатаются ключевые слова на русском языке (не более 7 слов и словосочетаний). Далее печатаются на английском языке с соблюдением тех же требований: инициалы и фамилия автора, название статьи, аннотация, ключевые слова. После этого пропускается одна строка, далее печатается текст обычным шрифтом с выравниванием по ширине.

4. Рисунки, фотографии, схемы, таблицы, диаграммы необходимо присылать в одном дополнительном файле. Максимальное количество иллюстраций – 5.

Рисунки и фотографии должны быть черно-белыми: с разрешением не ниже 300 пикс/дюйм. Рисунки и таблицы должны быть пронумерованы и иметь названия. В тексте необходима ссылка на конкретный рисунок или таблицу, например: «Рассмотрим численность населения Северного края (табл. 1)».

Название таблицы располагается над ней и оформляется следующим образом:

Таблица 1

Численность населения Северного края в 1939 г.

Ссылки на источники к таблице даются под ней (не в сноске) курсивом, например: «Источники: ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5.»

Название рисунка и комментарий располагаются под ним, курсивом, например: «Рис. 2. Источники роста населения Северного края.»

5. Список ссылок приводится отдельным разделом в конце статьи и оформляется в соответствии со следующими требованиями. Архивные и литературные источники располагаются в порядке их упоминания по тексту в виде нумерованного списка. Ссылка на источник по тексту оформляется как число в квадратных скобках, вручную. Например: [1]. Автоматические сноски не допускаются!

6. Ссылки на неопубликованные работы допускаются только в том случае, если они переданы на хранение в государственные архивы, научные архивы учреждений, например: Сидоров С.С. Очерки демографической истории вымичей // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. 45 л.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

Технический редактор Н.К. Забоева

Оригинал-макет – Н.К. Забоева

Компьютерный набор. Формат 60 x 84 ¹/₈. Подписано в печать 07.12.2016.

Уч.-изд. л. 9,5. Усл. печ. л. 11,0. Тираж 300 экз. Заказ № 94.

Редакционно-издательский отдел Института языка,
литературы и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.

